

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ ИМ. ПРОФ. Б. А. ЛАРИНА**

**РУССКОЕ СЛОВО
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
(XIV–XIX века)**

Выпуск 3

**Материалы секции
«Историческая лексикология и лексикография»
XXXVI Международной филологической конференции**

**Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2008**

УДК 81.373
ББК 81.2Рус
Р89

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
грант № 06-04-00586а «М. В. Ломоносов: Словарь языковой личности»
и грант № 07-04-00173а «Словарь обиходного русского языка
Московской Руси XVI–XVII вв.»

Отв. редакторы:
С. Св. Волков, О. С. Мжельская

Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 3:
Р89 Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография»
XXXVI Международной филологической конференции. 12–16 марта
2007 г. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 104 с.

ISBN

В третьем выпуске сборника публикуются материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции, проходившей на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета 12–16 марта 2007 г. Статьи, представленные в сборнике, не объединены тематически. Авторы описывают историю различных слов и выражений русского языка — от названий жителей Севера России до терминов псовой охоты в XVIII–XIX вв. Статьи объединяет стремление их авторов показать, опираясь на факты истории русского языка, какой путь слово прошло, как и кем оно используется.

Для историков русского языка, историков русского общества и культуры, студентов-филологов и всех любителей русского языка.

ББК 81.2 Рус

ISBN

© Институт лингвистических
исследований РАН, 2008
© Издательство «Нестор-
История», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXXVI Международная филологическая конференция на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялась 12–16 марта 2007 г. Как и в предыдущие годы, в ее рамках работала секция «Историческая лексикология и лексикография», где было прослушано 29 докладов, 15 из них было решено опубликовать в настоящем сборнике.

Участниками заседаний являлись не только сотрудники петербургских научных и учебных учреждений (СПбГУ, ИЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена), но и лексикологи из других известных центров исторической лексикологии России (Вологда, Псков, Казань, Красноярск). Многие из докладчиков выступали на конференции не в первый раз, представив новые наблюдения и выводы по ранее затронутым темам. Можно заметить, что вокруг секции «Историческая лексикология и лексикография» постепенно складывается круг постоянных участников, заинтересованных в обсуждении их научных материалов и в обмене мнениями по актуальным проблемам исторической лексикологии.

В публикуемых докладах деловая письменность XVI–XVII вв. не является единственным объектом исследования, авторы статей работали над памятниками церковно-книжного типа литературного языка XV–XVII вв., а также над текстами, принадлежащими разным стилям литературного языка XVIII–XIX вв. и над источниками, сохранившими лексику внелитературных социальных разновидностей языка этого периода.

Исследованию лексики и фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., представленной в 1–2 выпусках «Словаря обиходного русского языка Московской Руси» (СПб., 2004–2006), посвящены доклады С. Н. Вариной, Е. В. Генераловой, Е. И. Зиновьевой, Л. М. Карамышевой. Проект «М. В. Ломоносов: словарь языковой личности» получил отражение в статьях Е. И. Белявской, С. Св. Волкова и Н. В. Титовой.

Несмотря на разнообразие тем, все представленные доклады объединены стремлением авторов на материале памятников русской письменности и существующих словарей подчеркнуть научную целесообразность и продуктивность исследования слов и фразеологизмов в историческом аспекте.

С. Св. Волков, О. С. Мжельская

Е. И. Белявская, Н. В. Титова

**ДВУЯЗЫЧНАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ —
ОСНОВА ДЛЯ «СЛОВАРЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТЕКСТОВ
М. В. ЛОМОНОСОВА»***

Работа по составлению конкорданса к произведениям М. В. Ломоносова является частью большого проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», который осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН с 2002 г. В рамках данной статьи хотелось бы показать важность двуязычного конкорданса трудов М. В. Ломоносова по физике и химии как для будущего «Словаря языка Ломоносова», так и для изучения русского языка, русской научной мысли и общественного сознания 30–70-х годов XVIII в.

Конкорданс трудов М. В. Ломоносова по физике и химии является не только материалом для создания словаря. Нет необходимости рассказывать о значимости подобного рода трудов для изучения эпохи и языка писателя: на сегодняшний день существует множество конкордансов по произведениям различных авторов. Достаточно вспомнить хотя бы конкорданс Дж. Томаса Шоу к стихотворениям А. С. Пушкина с предисловием М. Л. Гаспарова, который писал: «Словарь — это фундамент знакомства с языком, конкордансы — это фундамент знакомства с литературным языком. В любой литературе существует набор конкордансов к ее классическим авторам, и они, терпеливо стоя на библиотечных полках, медленно делают свое культурное дело. ...Все мельчайшие оттенки значения каждого слова выступают при этом так исчерпывающе ясно, как ни в каком словаре»¹. В отечественной лексикографии этот вид словарей мало рас-

* Настоящая работа выполняется в рамках исследовательского научного проекта РГНФ № 06–04–00586а «Словарь языковой личности М. В. Ломоносова».

пространен, хотя конкорданс дает нам бесценный лексикографический материал, который, в отличие от словарного, представлен абсолютно объективно, вне оценок и решений лексикографов. Традиционный формат словаря языка писателя предполагает, во-первых, жесткий отсев материала: так, в словарь языка Пушкина не вошла французская лексика, несмотря на обилие ее в текстах поэта. Во-вторых, структура стандартной словарной статьи предполагает расстановку стилистических помет, которые нередко в большей мере передают индивидуальное восприятие составителей, чем особенности языка автора на фоне языка его эпохи и социального слоя. В-третьих, различные значения слова в пределах одной словарной статьи традиционно нумеруются, но реально определить, какое место то или иное значение занимало в идиолекте писателя, невозможно.

Подготовленный конкорданс имеет несколько достоинств, отличающих его от большинства ранее созданных. В первую очередь следует отметить, что конкорданс включает в себя материалы на двух языках — русском и латинском. Эти языки использовались Ломоносовым на равных. Более того, отдельные работы Ломоносова, написанные на латыни, были впоследствии им же переведены на русский язык. Такие сочинения особенно ценны, поскольку дают возможность судить о взаимодействии двух языковых картин мира в сознании писателя.

Здесь необходимо сказать несколько слов об особой важности латыни, которая в середине XVIII в. являлась языком науки. Эта европейская традиция берет свое начало в эпоху средневековья. Латынь как язык учености постепенно эволюционировала и к середине XVIII в. сильно отличалась от классической латыни античных авторов: грамматика ее по сравнению с классическими образцами упростилась, зато лексика обогатилась за счет появления обширного терминологического аппарата, разросшегося с развитием естественных наук. Необходимо отметить, что Ломоносов в совершенстве знал обе разновидности латинского языка. В Славяно-греко-латинской академии, где Ломоносов начал изучать латынь, он познакомился с классическими образцами античной литературы. В 1736 г. за выдающиеся успехи он был переведен в Академический университет в Петербург, где продолжил обучение. Скоро Ломоносов был отправлен в Германию в Марбург к Христиану Вольфу, а затем во Фрайбург к Вильгельму Генкелю. Там он в совершенстве овладел немецким, выучил французский, а также обогатил знание научной латыни.

Вернувшись в Россию, Ломоносов продолжил активно использовать все известные ему языки. Но функции их в его письменных сочинениях оказались различными. Немецкому была отведена роль языка делового,

и употребляется он в основном в переписке. Русский язык полностью охватил литературное творчество и труды М. В. Ломоносова в области гуманитарных наук. Но что особенно важно — это соотношение латинского и русского в естественнонаучных трудах. В работах по физике и химии Ломоносов использует традиционный язык науки, латынь, и одновременно создает новый — язык зарождающейся русской науки и терминологический аппарат.

Второй особенностью конкорданса трудов М. В. Ломоносова по физике и химии является специфика самих текстов. Язык поэзии и художественной прозы Ломоносова изучен недостаточно², однако о его научном языке мы знаем еще меньше, и создаваемый конкорданс является началом движения к освоению этого обширнейшего и практически не исследованного материала³.

В нашей работе мы использовали тексты 1–3 томов «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова (М.; Л., 1952). Также в качестве дополнительного материала нами привлекалось издание «Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова» (изд. Имп. Акад. наук, СПб., 1898). В конкорданс не включались тексты переводов латинских текстов Ломоносова, выполненных филологами середины прошлого века. Полный список использованных текстов прилагается к словоформоуказателю.

Работа по составлению словоформоуказателя состояла из нескольких этапов. Во-первых, необходимо было перевести тексты в электронный вид, по возможности сохраняя форматирование оригинала. Для этого использовалась программа ABBYY FineReader 5.0 и 6.0. Распознавание текста проводилось автоматически, а затем полученный результат выверялся по вышеуказанному изданию. Второй этап нашей работы заключался в компьютерной обработке выверенных текстов специальной программой «Context dictionary builder», созданной сотрудником компании «StarSoft Development» С. С. Карпушевым, которая автоматически выделяет минимальные контексты всех слов, подсчитывает словоупотребления и указывает их местонахождение в собрании сочинений. Третий этап работы состоял в вычитке полученного материала, исправлении вкравшихся ошибок и подготовке материала к публикации на сайте.

На каждом этапе перед нами возникали определенные трудности, связанные со спецификой обрабатываемого текста. На первом этапе — это употребление Ломоносовым букв греческого алфавита, алхимических символов, а также прочих редких знаков (в том числе диакритика, немецкое готическое письмо и др.). В большинстве случаев при передаче по-

добных символов были использованы возможности шрифтов программы MS Word. Однако в ряде случаев (например, в случае сложных математических формул) такая передача оказалась невозможна. Поскольку математические символы — явление интернациональное и не являются частью собственно языка Ломоносова, мы посчитали правомерным исключить их из обрабатываемого материала, снабдив пропуски пометой «здесь формула».

Особенностью используемого нами издания является то, что номер тома и название произведения указаны вверху каждой страницы рядом с ее номером. Поскольку эти редакторские колонтитулы не входят в материал словоформоуказателя, их приходилось удалять. Также мы были вынуждены вручную вырезать иллюстрации, вставленные в текст (иллюстрации на отдельных страницах сканированию не подвергались), и формулы. И те, и другие элементы затрудняли правильное распознавание и последующую компьютерную обработку текста

Особую проблему представили сноски. В использованном издании присутствуют два типа сносок: авторские — принадлежащие самому Ломоносову — и редакторские, относящиеся к пометам в рукописи или вариантам. Первая разновидность сохранялась нами во всех случаях, а вторая — только тогда, когда в качестве варианта были представлены целые предложения. Редакторские сноски типа «в рукописи опечатка» или «зачеркнуто...» были удалены.

В результате первого этапа обработки текст приводился к следующему виду. Каждое произведение составляло отдельный файл формата MS Word, где была сохранена разбивка на страницы, аналогичная печатному изданию. Страницы отделялись друг от друга «разрывом страницы», нумерация же их не выносилась в колонтитул, а проставлялась в левом верхнем углу жирным шрифтом. Авторские сноски оформлялись как стандартные сноски MS Word.

Далее этот текст обрабатывался с помощью программы «Context dictionary builder». За минимальный контекст было принято одно предложение. Программа выделяла отрезки текста от точки до следующей точки (или вопросительных/восклицательных знаков/многоточия), вне зависимости от наличия заглавных букв внутри отрезка. Такой способ автоматизации приводил к уменьшению количества возможных ошибок. Однако возникала существенная проблема — проблема «ложных точек», т. е. использование точек не в конце предложения, а в сокращениях, наименованиях геометрических фигур, химических элементов. Во избежание подобных ошибок был создан отдельный список, куда вручную заносились

все встреченные в трудах Ломоносова сокращения. Однако в тех случаях, когда сокращение попадало на границу между предложениями, избежать ошибочного деления не удавалось. Такие фрагменты были разбиты нами вручную при последующей вычитке конкорданса.

На третьем этапе основные трудности были связаны с неверным определением программой заглавного слова. В результате компьютерной обработки к числу заглавных слов были отнесены названия геометрических отрезков (типа ab) и части формул. Эти элементы необходимо было удалить из конкорданса вручную, поскольку они не могут фигурировать в качестве заглавных слов. Однако там, где они входили в состав контекста на другое заглавное слово, мы их оставляли. Также, как уже было сказано, были разбиты ошибочно объединенные фрагменты, в которых граница предложения совпадает с употреблением сокращения.

В результате работы нами получен полный латинский и русский конкорданс естественнонаучных сочинений М. В. Ломоносова, включающий в себя также и имена собственные: имена и фамилии, географические названия, наименования планет, созвездий и прочих небесных тел и т. д. Конкорданс опубликован на интернет-сайте www.lomonosow.iling.nw.ru..

В настоящее время на основе конкорданса ведется работа по составлению «Словаря к естественнонаучным произведениям М. В. Ломоносова», который планируется издать отдельным выпуском. Далее отдельными изданиями выйдут словари к другим частям наследия Ломоносова — к его поэтическим произведениям, трудам по филологии, историческим работам. Параллельно ведется работа по подготовке электронной версии «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова с комментариями и примечаниями. Эту работу нельзя недооценивать, поскольку оно является библиографической редкостью и труднодоступно, что мешает проведению исследований в области языка и культуры XVIII в.

Мы полагаем, что наша работа является не только этапом в осуществлении лексикографического проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», но также представляет самостоятельную ценность как для исследователей творчества Ломоносова, так и для специалистов в области языка и культуры середины XVIII в. в целом.

Примечания

¹ Г а с п а р о в М. Л. Предисловие к российскому изданию // Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: В 2 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. III.

² В советское время выдающиеся литературоведы — Г. А. Гуковский (Г у к о в с к и й Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии. М., 2001), П. Н. Берков (Б е р к о в П. Н. 1) Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.; Л.,

1936; 2) Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век. Сб. V. М.; Л., 1962), И. З. Серман (Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова: Теоретические исследования. М.; Л., 1966), Л. В. Пумпянский (Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма: (Поэтика Ломоносова // Контекст-82: Литературно-теоретические исследования. М., 1983) — изучали поэтический стиль Ломоносова, старались определить общий характер ломоносовской поэтики и ее место в литературной борьбе его времени. Однако перечисленные работы, посвященные поэтическому наследию Ломоносова, — это в основном работы общего характера. Они дают бесценный материал по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в., но им, к сожалению, недостает внимания к конкретному материалу, т. е. к самим стихотворным текстам.

³ При этом нельзя сказать, чтобы язык научных произведений Ломоносова не привлекал внимания исследователей. Уже в XIX в., например, появилась фундаментальная работа К. С. Аксакова (Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846), в которой затрагиваются такие проблемы, как формирование Ломоносовым терминологического аппарата и разработка специфического научного языка.

Н. Г. Благова

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО УЕЗДА В ГРАМОТАХ XVI–XVIII ВЕКОВ

Данная статья продолжает лингвистическое изучение памятников делового письма, содержание которых дает картину хозяйственной жизни Кольского Севера в период развития и укрепления Московской Руси¹.

Объектом изучения в данной статье являются 39 документов Кольского уезда, помещенных в «Сборнике грамот Коллегии Экономии» (Сб. КЭ) и датированных 1556–1748 гг., предметом — наименования жителей края. Часть помещенных в сборник документов представляет собой списки жителей Кольской земли как податного населения, с перечислением их владений, составленные на Севере; часть — жалованные грамоты, памяти, указы, присланные из Москвы.

Наименования жителей, отраженные в документах, осуществлялись по двум признакам: национальному и социальному.

«Около восьми тысяч лет назад люди пришли на Кольский полуостров... Древнее население положило начало освоению Кольского края»², — свидетельствуют историки. Коренное население Кольского края обозначено в документах словом *лопарь* (в основном в форме *лопарь*): «Итого за Воскресенскимъ монастыремъ в селе Поное крестьянь, а в погостахъ Ло-

парей по росписанию: ис прежней переписи сорок четыре, рожденных после переписи шестьдесят, всего сто четыре души» (Сб. КЭ, стлб. 606), а также типичной для древнерусского периода этнонимической формой *лопь*: «...Что дали имъ в домъ Живоначальные Троицы в Печенской монастырь новокрещеная *Лопь* старецъ Логинъ Мороковъ з дѣтми... да Мотоцкие лопари Кирило Ермолинъ да Онтонъ Спиридоновъ» (Сб. КЭ, стлб. 437).

Номинация *лопари* в документах сопровождалась в ряде случаев топонимическим атрибутом: *Мотоцкие, Лицкие, Пазрецкие, Соньелские, Нотозерские, Печенгские и иных погостов лопари*; кроме того, наименование местных жителей сопровождалось атрибутами вероисповедального характера: *дикие некрещеные и новокрещеные*: «...А в суземье тундрою межа до *диких некрещеных Лопарей*» (Сб. КЭ, стлб. 440), что указывало на географическую характеристику населения, давало возможность номинировать различные в этническом отношении группы населения края.

Можно предположить, что этноним с корнем *лоп-* восходит к финскому *lappi* и является диалектизмом, возникшим как неофициальная номинация местных жителей активно заселявшими полуостров с XIII в. новгородцами. Название встречается в Новгородской IV летописи под 1525, 1531 и 1533 гг. в вариативной форме: «Того же лѣта 34-го приѣхаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву Поморцы и *Лоплене* с моря окіяна, ис Кандолжьской губе... из дикой *Лопи* ...и многих *Лоплянъ* крестиша...» (Новг. лет., с. 542). В Новгородской I летописи слово *лопь* не зафиксировано. Отсутствует оно также в СлРЯ XI–XVII вв.

«В 1478 году весь Кольский полуостров оказался под властью Москвы... В первой половине XV в. на Терском (беломорском) побережье возникли русские селения — Варзуга и Умба»³. В XVI в. осваивается север полуострова: здесь возникает Кольский острог, появляются становища, заселенные промысловыми артелями. Расширяются монастырские владения, развивается монастырское жительство: «в середине XVI в. на Кольском полуострове возникли свои, местные монастыри — Кандалакшский и Печенгский»⁴. В отличие от номинаций местного, коренного населения, русское пришлое население имело несколько наименований:

— по административно-территориальному признаку: *волощане, жильцы волости (волостки), волосные люди* ‘жители, относящиеся к волости’. Слово *волощане* как синоним сочетаний *волостные люди, жильцы волости* известен по различным памятникам московской эпохи. В полисеманте *жилец* исходным значением является ‘житель’. Так именовали жителей различных русских областей (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5, с. 110). Слово

люди также было присуще значение номинации жителей определенной территории, что нашло отражение и в законодательных документах: «...И вместо товарищев своих посадских, или *волостных людей*: и с тех имати пошлин по двадцати по пяти алтын» (СУ 1649 г., с. 286). На территории Кольского и соседних уездов было несколько волостей, поэтому словосочетание сопровождалось топонимическим атрибутом. Например (Сб. КЭ): «Луки *Чюпские волостки жильцовъ*» (стлб. 456); «*Керецкие волости жильцовъ*» (стлб. 458);

— по топонимическому признаку: *коляне, Колские жилцы*: «...За *Колскими жилцы* в рекѣ в Туломе, что выше падуна, половина забора, а ловять имь красную рыбу семгу, что было прежь сего Нотозерского погоста Лопарей... а впредь тѣмъ *Колянамъ* платить в Государеву казну оброку...» (Сб. КЭ, стлб. 517). (Этноним восходит к названию поселения, известного с 1564 г. как *Кольский острог* и упоминаемого неоднократно в анализируемых документах: «А в *Кольской острогъ* ратныхъ и посошныхъ людей и к денежному и к таможному збору і на кабакъ целовальниковъ... не платити» (Сб. КЭ, стлб. 470).); *керечанин, чюпляне, чернорѣчане* — от поселений *Кереть, Чюпа* и *Черная Река*: «Керецкие же волости погостишко *Чюпа* в Чюпской губѣ надъ ручьемъ, а на погосте дворы тяглые непашенные... Керечские же волости погостишко *Черная Река*, а в немъ дворы черные тяглые непашенные...» (Сб. КЭ, стлб. 453); *поморские люди*: «А нашимъ бояромъ Новгородскимъ и Двинскимъ і Усть-Колские волости приказнымъ і всякимъ *Поморским* людем і Корелскимъ дѣтямъ і Лопарем... в тое ихъ вотчину... не вступатися» (Сб. КЭ, стлб. 440);

— по признаку оседлости. На полуострове было стационарное население и сезонное, приходившее промыслять зверя и рыбу. Это отражено в антонимичных номинациях: *тутошние жилцы* и *приезжие люди*; *тутошние жильцы* и *прихожие люди*. Например (Сб. КЭ): «Да в Керети жь в рекѣ *тутошние жильцы* и *приезжие люди* промысляють жемчюгъ...» (стлб. 454); «В Керецкой же волости на Пулонскомъ озере *тутошние жильцы* и *прихожие люди* промысляють... и у *прихожихъ людей* емлють они оброкъ в волость» (стлб. 455).

Таким образом, население края обозначено двумя общерусскими номинациями — *жилцы* и *люди*. В документах не встречается характерное для других памятников этого периода слово *насельник* ‘житель, местный житель’, зафиксированное словарями (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 242).

К номинациям по национальному признаку относятся названия иноземцев. В анализируемых текстах это слова *немцы, немецкие люди*. Контексты позволяют считать этот этноним обозначением всех скандинавских

народов, приходивших на Кольскую землю с разными целями. Например: «Печенской-де монастырь на Студеномъ море окіане, на україне, блиско рубежа Мурманскихъ и Кальянскихъ *немецъ*» (Сб. КЭ, стлб. 437); «...пожалованы Печенского монастыря игумень с братьею, для приходу *Немецкихъ людей*, велено имъ строить монастырь в Колскомъ остроге... кѣльи поставити і ограду около монастыря огородити...» (Сб. КЭ, стлб. 503). В ряде примеров использовано словосочетание *свейские немцы*. Этнонимы *свеи*, *немцы*, *свейские немцы* встречаются в новгородских летописях: «Пришли *Нѣмцы Свѣиские* земли въ Выборъ... на семидесяти бусахъ» (Новг. лет., с. 622), а также и для других памятников московского периода (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 178).

Номинации по социальному признаку в анализируемых документах можно разделить на несколько групп.

Одной из них являются сословные наименования. В текстах грамот встречаются лексические единицы, которые номинировали только лиц, проживающих на этой территории. Как явствует из документов, наиболее частотными номинациями в документах являются наименования представителей церковного сословия, имеющие общерусский характер: *архимарит* (именно в такой форме), *игумен*, *поп черной*, *братия*, *старец*, *пономарь*, *дьячек*, *монастырской приказчик*, *слуги монастырские*, *служки монастырские*, *келарь*, *казначей*, *пономарь*, *строители*, *наместник*, *служебники*, *иеромонах*, *подворник*, *дворник*, *пономарь*, *староста*, *соборный иеродиакон*, *дети*, *детеныши*, *трудники*. В этом ряду следует выделить слово *трудник*, в качестве церковной номинации не отмеченное словарями древнерусского языка, а В. И. Далем квалифицированное в значении ‘сподвижник по обету, отшельник, обещаник’ как новгородский диалектизм (Даль, т. 4, с. 437). Номинациям церковного сословия антонимично сочетание *мирские люди*.

Частотно также употребление термина *крестьяне*, в основном в сочетании *тяглые крестьяне*. В грамотах этот сословный термин сопровождается атрибутом, указывающим на место жительства: *Кольские*, *Керетцкие*. Например: «...не тянути имъ с тѣхъ своихъ рыбныхъ ловель і со всякихъ промысловъ с *Колскими* и иныхъ поморскихъ волостей с *тяглыми* нашими *крестьяны* ни в которые розметы і протори і в земское тягло» (Сб. КЭ, стлб. 441). Сюда же следует отнести термин *данцик* ‘тот, кто платит подать, пошлину’: «Да в реке же в Кѣрети ловить рыбу *данцикъ* Сенка Ондроновъ да сынъ его Иванко» (Сб. КЭ, стлб. 454).

Часть населения именуется термином *работные люди*. Например: «...И с *работныхъ людей*, которые на техъ судѣхъ ходятъ головные явки... ни-

гдѣ имать не велено» (Сб. КЭ, стлб. 493). К этой социальной категории относились на Севере ремесленники, рыбаки, мореплаватели. В анализируемых нами памятниках таких номинаций немного; это слова *промышленник, кожевник, колачник, котельник, кузнец, соловар, дровосѣк; покрученики, кормицики, носники, осночи, гребцы* (Сб. КЭ): «Дворь пусть Онашки колачника ...место пусто Иванка котельника» (стлб. 460). «...дв[ор] Соловецкого монастыря, а в немъ живутъ старцы и слуги и бобыли и соловары и дровосѣки» (стлб. 466); «А ...судовъ и кормициковъ и гребцовъ у нихъ имать не велено жъ» (стлб. 503); «Кольского острогу воеводамъ і подьячимъ людей своихъ и *промышленниковъ* посылать и монастырского лѣсу жечь не велено» (стлб. 504); «...и с удебныхъ судовъ на море, и с *покручениковъ* отпуску, дани и оброковъ имать на нихъ не велѣно...» (стлб. 500). Слова *покрученики, кормицики, носники, осночи* зафиксированы в севернорусских памятниках, но они характерны для всех северных территорий и не являются узкодиалектными.

В переписных книгах неоднократно употребляются номинации *бобыль, бобылек, вдова*, характеризующие социальное положение жителей. Например: «Да в той же волости по рекѣ по Кѣрети с верхнего конца [дворы царевы] ...во дв[оре] Колиникъ да Осташко Иванова дѣти Чюхчина, во дв[оре] *вдова* Марица Даниловская да сынъ еѣ Черемесинко» (Сб. КЭ, стлб. 443); «В волости в Поръегубской дворь Соловецкого монастыря, а в немъ живетъ *бобылекъ* Соловецкого монастыря Петрушка Ивановъ сынъ Гневашева... во дв[оре] *бобыль* Фомка Яковлевъ...» (Сб. КЭ, стлб. 530). Слова употреблены в том значении, которое характерно для этих слов в общерусском языке.

Определенный слой населения Кольского края составляли «служилые люди», находящиеся на «государевой службе». В документах имеют место соответствующие номинации: *воевода, выборные головы, стольник, сын боярской; рыбные десятичники, зборцики, пошлинники; подьячеи, подьячие люди, приказные люди, деловые люди, приставы, судные целовальники, таможенны целовальники, таможенники; подканцелярист; ратные и посошные люди, стрельцы, казаки* 'служилые люди, несущие сторожевую службу по найму': «Такъ же и к городовому дѣлу имъ в Колскомъ остроге *стрельцовъ* и *казаковъ* и *дѣловыхъ людей* давати не велено жъ, а коли случится городовое или острожное дело, і имъ давати шесть челоуѣкъ *дѣловцовъ* со всѣхъ своихъ угодеи» (Сб. КЭ, стлб. 503).

Анализ лексики данной тематической группы позволяет представить население Кольского края в XVI–XVIII вв., которое составляли обитатели монастырей, рыбаки, платившие подати, а также «государевы люди»,

представители администрации. Местное население — лопари — также было податным. Этнонимы и социальные номинации жителей свидетельствуют об активном освоении Кольского полуострова русскоязычным населением, о хозяйственном развитии Севера, о влиянии русской культуры на социальное развитие саамов, их христианизацию.

Проанализированная лексика региональных деловых памятников дает основание утверждать, что в формировании русской социальной терминологии главную роль играла общенародная, наддиалектная лексика. В деловой речи незначителен пласт диалектизмов.

Источники

Новг. лет. — Новгородская четвертая летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Пг./Л., 1915–1929.

Сб. КЭ — Сборник грамот Коллегии Экономии / Ред. А. И. Андреев. Т. 2: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л.: Изд-во АН СССР. 1929.

СУ 1649 г. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. Вып. 6. М.: Госюриздат, 1957.

Словари

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

Примечания

¹ См.: Благова Н. Г. Антропонимы Кольского края в диахроническом аспекте // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). СПб., 2005. С. 194–201.

² Ушаков И. Ф. Избр. произведения: В 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 26.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 53.

С. Св. Волков

О СЛОВЕ ДАВЛЕНИЕ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТРУДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА*

В середине 60–х годов XIX в. среди русских филологов начались энергичные дискуссии, связанные с осмыслением или, точнее сказать, выра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 06–04–00586а «М. В. Ломоносов: Словарь языковой личности».

боткой новой системы оценок роли и значения М. В. Ломоносова в истории русского литературного языка. По этому поводу только в 1865–1866 гг. выступили Я. К. Грот, А. В. Никитенко, В. А. Ламанский, П. С. Билярский, И. И. Срезневский, М. Н. Погодин, С. М. Соловьев. Эта актуализация интереса к личности М. В. Ломоносова была отчасти вызвана принявшим широкий размах — в Санкт–Петербурге, Москве, Архангельске и Холмогорах — осуществлением программы памяти М. В. Ломоносова, а также отчасти — публикацией акад. П. С. Билярским «Материалов для биографии Ломоносова» (СПб., 1865), одного из первых научных обзоров многогранной деятельности русского ученого. Подобная переоценка была также обусловлена, позволим себе предположить, сложением к середине 60–х годов XIX в. нового языкового состояния русского языка, приобретением им системы новых эталонов и норм в эпоху реформ.

Так, например, о значении М. В. Ломоносова в разработке научного стиля русского языка высказывался на страницах своего фундаментального труда «История словесности древней и новой» весьма известный в середине XIX в. историк литературы и критик А. Д. Галахов: «Он [Ломоносов] явился на том поприще, где уже до него подвизались многие; *задолго до него накопилось значительное количество данных и в народном языке и в книжной речи: этими данными он пользовался по праву* (выделено мной. — С. В.). Как же узнать, что именно нового вышло из под его пера, и что писал он под влиянием предшествовавших образцов? ...Материал, доставленный Ломоносовым, не может быть употреблен в дело без проверки его другим, однородным материалом»¹. По этому поводу критик «Журнала министерства народного просвещения» В. Водовозов писал: «Жаль только, что г. Галахов не разъяснил подробнее научного языка Ломоносова, не выставил сравнительно с существовавшими писателями особенностей его речи»².

Пожелание А. Д. Галахова продолжает оставаться актуальным и в наши дни, по крайней мере в такой своеобразной области, как язык русской науки. Действительно, мы довольно мало знаем о том, что вообще представлял собой естественнонаучный язык М. В. Ломоносова на фоне общенародного языка этого периода, какие языковые элементы, которые могли бы быть своеобразным «исходным строительным материалом» для формирования системы средств научного стиля, предшествовали эпохе Ломоносова, и каковы были особенности эволюции научного стиля речи в послеломоносовский период. Представление об этом, конечно, дают прекрасные работы Л. Л. Кутиной и В. М. Живова и, конечно, «Словарь русского языка XVIII в.», в картотеке которого, во–первых, вполне доста-

точно лексических материалов, представляющих собой выборки из наиболее известных произведений и переводов М. В. Ломоносова — «Волфианской физики», «Слова о пользе химии», «Слова о явлениях воздушных», «Химических и оптических записок», «Первых оснований металлургии», «Явления Венеры на Солнце» и некоторых других, и, во-вторых, лексические выборки из произведений М. В. Ломоносова естественно сопоставляются, с одной стороны, с материалами предшествующих (по принципам Словаря вся картотека разделяется на три хронологических периода — первая треть XVIII в., середина XVIII в. и последняя треть XVIII в.), а с другой — последующих этапов истории русского языка. Так, например, при описании слова *влажность*, автором которого неверно полагают М. В. Ломоносова, сначала даны примеры употребления этого слова из «Примечаний к Ведомостям» 1733, 1734 и 1735 гг., затем находим материалы из «Волфианской физики» М. В. Ломоносова, а затем — цитаты из «Писем к принцессе» Л. Эйлера в переводе С. Я. Румовского (1768–1774) и перевода «Опытной физики» Георга–Вольфганга Крафта, выполненного Г. Широкиным (1787)³.

В то же время в отношении влияния наследия М. В. Ломоносова на формирование языка науки часто сталкиваемся не с данными исторической лексикологии, а с общими заявлениями о том, что «Ломоносов установил терминологию химическую, физическую, астрономическую, географическую, металлургическую»⁴ или «прекрасное знакомство с латинским, греческим и западно-европейскими языками, литературный талант и природный гений позволили Ломоносову заложить основания русской технической и научной терминологии»⁵. Справедливым остается сожаление Л. Л. Кутиной о том, что «суждения о естественнонаучном языке Ломоносова отличаются крайней неисторичностью: у Ломоносова не оказывается ни предшественников, ни современников»⁶, добавим — не установлена связь языка Ломоносова с языком тех, кто ему наследовал. Лексический массив естественнонаучных текстов Ломоносова огромен — по данным конкорданса к трудам М. В. Ломоносова по физике, химии, метеорологии, астрономии, приборостроению и навигации 1742–1765 гг., подготовленного в ИЛИ РАН, в этих текстах около 104 000 словоформ, поэтому постараемся внести свой небольшой вклад в решение этой проблемы, рассмотрев историю терминации слова *давление* — одного из важнейших понятий естественнонаучных концепций XVIII в. и систему его применений — до, во время деятельности М. В. Ломоносова и, отчасти, после Ломоносова. Историю этого слова можно условно разделить на три этапа.

1. Предломоносовский этап. Слово *давление* — это довольно позднее собственно русское отглагольное образование на *-ние*, поэтому оно отсутствует в словнике «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.». Среди существительных, образованных от глагола *давить*, в этот период находим только слово *давленина* ‘мясо удушенного, незарезанного животного’. Вот пример из «Рязанской кормчей» конца XIII в. (1284 г.): «Давленіну ѡдѣят і звероѡдиноу. і мерьтвьчиноу»⁷, также в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: *ДАВЛѢНИНА* ‘*suffocatum*’ с примером из «Послания от Никифора, митрополита Киевского к Владимиру Мономаху»⁸. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» слово *давление* отмечается только в текстах позднего средневековья: в «Памятниках древнерусской церковно–учительной литературы» *давление* — ‘убийство удушением’: «беззаконное... *давление* детей» (XV в.), в «Проскинитарии» А. Суханова 1653 г. *давление* — ‘давка’⁹. В текстах Священного Писания это слово отсутствует¹⁰. Первые употребления, таким образом, датируются XV и XVII вв. Этот период истории русского языка также охватывается хронологическими рамками «Словаря обиходного русского языка Московской Руси», его картотека дает нам еще два случая употребления слова *давление* (в форме *давленье*), оба — в значении ‘действие по глаголу *давить*, удушение’, причем один из них в провинциальном источнике: «Юрка ево Вавилка отъ себя оттолкнул, ...а за горло давил ли, того де Васка... *давленья* не видал»¹¹. Второй пример — из «Русско–латинского словаря» конца XVII в., где слово *давление* сопровождается аналогами *suffocatio*, *strangulatio* — существительными, образованными от глаголов *suffocare*, *strangulare*, т. е. ‘удушье, удушение, удушение’¹². Словарная статья на слово *давление* в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова 1704 г. почти повторяет приведенный выше материал — даются те же латинские аналоги, добавлены только греческие эквиваленты *πνιγμός* и *ἀλόπνιξις*¹³. По данным справочного отдела «Большого академического словаря русского языка» слово *давление* впервые фиксируется в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова¹⁴. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что до XVIII в. рассматриваемое слово обозначало процесс осуществления конкретного физического действия.

Только в начале XVIII в. слово *давление* совершает качественный скачок в своем развитии, получает новое, отвлеченное значение и широкое применение в совершенно новой сфере — в языке русской науки, в основном, что важно для истории терминации этого слова, в ранних переводных сочинениях по естественным наукам, а также в «Приме-

чаниях к Вестомостям» — первом русском научно-популярном журнале¹⁵. Таким образом, семантика слова *давление* и особенности его словоупотребления формировались под сильным воздействием языка иноязычных оригиналов. Именно в это время, в 20–30-е годы XVIII в., по наблюдениям Л. Л. Кутиной, в языке русской книги о науках о природе стихийно складывается синонимический ряд аналогов для обозначения воздействия твердого или жидкого тела, а также воздуха (физики первой половины XVIII в. еще не знали «пневматической химии», т. е. существования газов) на другое тело. Этот ряд составлен «ситуационными» синонимами *давление* — *тиснение* — *стиснение* — *угнетение* — *жмение* — *нажимание* — *жатие*, которые Л. Л. Кутина связывает с нем. *Druck* или *Drücknung*; при этом ведущими, т. е. наиболее конкурирующими и употребительными все-таки были *давление* и *тиснение*¹⁶: ср., например, из издававшихся на русском и немецком языках «Примечаний к Вестомостям» 1734 г.: «Воздух своим *тиснением* воду на 32 Рейнландские фута вышиною содержать может», в немецком параллельном тексте «Примечаний» — *mit ihrem Druck*¹⁷.

2. Ломоносовский этап. В естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова ряд *давление* — *тиснение* — *стиснение* — *угнетение* — *жмение* — *нажимание* — *жатие* значительно упрощается, при этом безусловным лидером среди этих синонимов становится слово *давление* — 20 употреблений (что составляет приблизительно 0,02 % от общего числа словоформ: это значит, что слово, при всей важности обозначаемого им понятия для естественных наук, в естественнонаучных текстах М. В. Ломоносова является низкочастотным), при этом 7 употреблений, т. е. 35 % из них, относятся к «Волфианской физике». Лексема *давление* в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова — *singularia tantum*, среднего рода, представлено полной парадигмой, употребляется в формах именительного

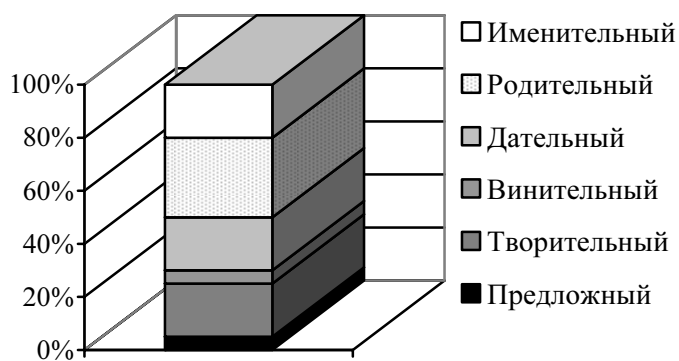

Рис. Формы слова *давление* в трудах М. В. Ломоносова.

(4 словоформы), родительного (6 словоформ), дательного (4 словоформы), винительного (1 словоформа), творительного (4 словоформы) и предложного (1 словоформа) падежей (см. рис.). Отметим, что слово *давление* в винительном падеже без предлога в функции прямого объекта употребляется в текстах

Ломоносова один раз — в «Волфианской физике»: «Ежели *давление* внешнего воздуха на скважинки дерева прочь отнимешь, тогда то же впоследствии» (АПСС I, с. 516). В текстах Ломоносова рассматриваемое слово активно употребляется в сочетаниях с родительным падежом — *давление воды, давление воздуха*: «Вода тягостию своею тела сдавливает, когда из промеж оных вытиснута будет, равно как воздух, что доказывает следующий опыт... Ежели медный круг *FG* в боках сосуда *BA* так содержится, чтобы меж ними воде проступить нельзя было, и сей сосудец погрузишь в воде толь глубоко, пока *давление воды* будет больше, нежели тягость круга *GF*, тогда нитку *EH*, проходящую сквозь трубку *CD* и привязанную к кругу *H*, опустив, увидишь, что круг из сосуда не выпадает» (АПСС I, с. 528); «Во время сильной бури *давление воздуха* умалется» (АПСС I, с. 459). Отметим, что в первом из приведенных примеров слово *давление* контекстуально соотносится не с глаголом *давить*, а с глаголом *сдавливать*: «Вода тягостию своею тела *сдавливает*... *давление воды* будет больше...». В трудах Ломоносова по физике и химии также обнаруживаем факты употребления слова *давление* в том сочетании, которое мы довольно часто слышим по радио и телевидению — *давление атмосферы* (4 употребления): «Подлинно, что нижнего воздуха густость растет от *давления* лежащей на нем всей верхней *атмосферы*» (АПСС III, с. 41); «От разного *давления атмосферы* воздух бывает гуще и реже» (АПСС III, с. 474).

Нельзя безоговорочно утверждать, что синонимами слова *давление* Ломоносов не пользовался, но слово *тиснение* в естественнонаучных трудах Ломоносова встречаем совсем в других значениях: 1) ‘печатание, опубликование типографским образом книг и пр.’: «Подлинно многие и почти бесчисленные наблюдения перемен и явлений, на воздухе бывающих, не токмо по всей Европе, но и в других частях света учинены от испытателей природы и *тиснением* сообщены ученому свету» (АПСС III, с. 25) и 2) ‘изготовление чего-л. путем давления, выдавливания’: «Маятник, по моему мнению, должен быть круг твердый, высечен из полос, из которых для *тиснения* монет полосы заготовляют» (АПСС IV, с. 142). Последнее значение широко, по данным «Картотеки Словаря русского языка XVIII века»¹⁸, распространено в разнообразных текстах XVIII в.: см., например, в «Новом лексиконе на французском, немецком, латинском, и на российском языках» С. С. Волчкова «*Monnoiage... Signatura monetae*. Монетное, денежное дело, битье, *тиснение* монеты»¹⁹ и свидетельство «Словаря Академии российской»: «*Тиснёние*... Печатание. *Тиснение* книг, монеты»²⁰. Слово *стиснение* отмечается в значении ‘уменьшение давлением

объема чего-либо, сжатие’: «Упругость воздуха напрягается чрез *стиснение* оного» (АПСС I, с. 529) или «В § 1 предлагается причина сего прибавления. В § 2 следует Бернулиево мнение, что в сильном *стиснении* воздуха упругость его не пропорциональна с густостью» (АПСС III, с. 167). Находим у М. В. Ломоносова и слово *сжатие* ‘действие по глаголу *сжмать-сжать*, уменьшение объема’, например, в сочетании *сжатие ртути*: «Остается по теории еще сжиматься ей [ртути] столько ж, то есть без ма́ла не до 3000 градусов. Но сие *сжатие* следовать несколько делом может после замерзания ртути» (АПСС III, с. 409), ср. также: «Кривая линия столпов, из паров состоящих, по фигурам 1 таблицы чрез их *сжатие* показывает, что пары восходили скорее, нежели прежде» (АПСС IV, с. 100).

Итак, стихийно сложившийся в первой трети XVIII в. ряд синонимов слова *давление* в сочинениях М. В. Ломоносова распадается. Вариативность в пределах обозначения одного научного понятия окончательно разрешается в пользу слова *давление*, которое, как мы установили выше, появляется в XV–XVII вв. и связано с книжной, но, подчеркнем, не с церковно-книжной стихией. Это явление, как мы предполагаем, во многом обусловлено семантической индукцией латинского *pressio* (14 употреблений) — термина физики и устойчивого эквивалента слова *давление* в сочинениях, написанных самим Ломоносовым на латыни, совпадением внутренних форм слов *давление* и *pressio* в языковом сознании билингва. Подтверждением этому, как нам представляется, служит употребление слов *давление* и *pressio* в параллельных текстах на русском и латинском языках (многие естественнонаучные тексты М. В. Ломоносова, как известно, были написаны им на латинском языке, а затем им самим переведены, или, точнее, пересказаны по-русски), ср., например, в «Слове о явлениях воздушных» (1753 г.): «Будет по моим опытам и исчислению густость верхнего воздуха против густости нижнего, как 6 против 5; а *давлением* верхнего сжат нижний и стал гуще верхнего около одной десятой доли» (АПСС III, с. 45) и «Erit secundum experimenta et rationes meas densitas aëris superioris ad eandem inferioris, ut 5 ad 6, a *pressione* autem superioris condensabitur inferior atmosphaera vix ad decimam partem» (АПСС III, с. 44). В естественнонаучных текстах М. В. Ломоносова на латинском языке существительное женского рода *pressio* также имеет значение ‘воздействие жидкого или упругого тела на другое тело’: «Quo posito, aqua constabit ex bullulis gracillimis, quae vix vel levissimae *pressioni* resistant» (АПСС II, с. 178)²¹. Находим в латинских текстах и устойчивое словосочетание *pressio atmosphaerae* ‘давление атмосферы’: «De *pressione atmosphaerae* in profundiora Telluris» (АПСС IV, с. 440)²².

Кратко упомянем еще об одном, совершенно особом лексико-семантическом варианте слова *давление*, возникшем под влиянием западноевропейских научных теорий морских течений: «Сколько морские движения соответствуют течению Луны и Солнца, всем известно; а посему никто не оспорит, что истинной теории стремлений моря [т. е. морских течений] отсюда искать должно... Пускай другие сие явление некоторому привлечению или *давлению приписывают* (в латинском параллельном тексте — *dicant alii*, т. е. *пусть другие говорят*. — С. В.); мне пристойнее всех имя кажется помешательство в тягости по следующей моей теории» (АПСС IV, с. 166), ср.: «*Dicant alii haec phaenomena ab attractione vel pressione proficisci; at mihi turbationis in gravitate nomen convenientissimum esse videtur ex mea sequenti theoria*» (АПСС IV, с. 276).

Таким образом, благодаря тонкому языковому чутью, благодаря свободному владению несколькими иностранными языками, благодаря своим энциклопедическим знаниям и, как мы предполагаем, под влиянием стихии научной латыни XVIII в. Ломоносов сделал решающий выбор, благодаря которому слово *давление* прочно вошло в научный обиход.

3. Послеломоносовский период. С этого времени слово употреблялось не только в научной, но и научно-популярной (см., например, «Давление... В науках: действие тяжести на единицу поверхности. *Давление* воздуха, паров, воды»²³, «*давление воздуха*»²⁴ или «*Давление, действие тела, приведенного силою в движение, на другое тело, препятствующее собою этому движению*»²⁵) и художественной литературе (см. например, в «Бесприданнице» А. И. Островского при передаче профессиональной речи): «[Паратов:] Я думал нынче утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет», да трус машинист. ...Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, *давление* рассчитывал»²⁶.

В заключение кратко заметим, что в поэзии, ораторской прозе и драматургии М. В. Ломоносова, его так называемых надписях слово *давление* не встречается. Из группы слов, объединенных значением 'давление, удушение' находим только глагол *стесниться* в устойчивом словосочетании *дух стеснился* 'о затрудненном дыхании в минуты сильного душевного волнения' в трагедии «Тамира и Селим»: «[Тамира:] О как мой дух *стеснился!*» (АПСС VIII, с. 354). Это, как нам представляется, говорит о том, что слово *давление* в идиолекте М. В. Ломоносова уже прочно было связано исключительно с языком науки.

Наиболее интересными в истории слова *давление* на протяжении XVIII в. представляются поразительные метаморфозы его семантики: за период в 100 лет кардинально изменяется семантическая структура этого

слова: исходное, историческое значение конкретного физического действия, — ‘удавление, удушение’ к концу XVIII в. практически вышло из употребления: пожалуй, единственный пример находим в «Полном французском и российском лексиконе» (1786 г.): «Давление домового» с пометой «по простонародному»²⁷, т. е. когда, согласно народным поверьям, спящего душит домовый. Благодаря просветительской деятельности Санкт-Петербургской Академии наук и, с высокой степенью вероятности, благодаря глубокому влиянию дискурса Ломоносова на всю систему русского словоупотребления во второй половине XVIII в., слово *давление* приобретает новое, сопологающееся с системой западноевропейского научного знания XVIII в., с лексическими средствами научного стиля западноевропейских языков этого периода, значение, которое сохраняется в подязыке современных естественных наук.

Источники

АПСС I — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Труды по физике и химии 1738–1746 гг. М.; Л., 1950.

АПСС III — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 3: Труды по физике 1753–1765 гг. М.; Л., 1952.

АПСС IV — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 4: Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744–1765 гг. М.; Л. 1955.

АПСС VIII — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи 1732–1764 гг. М.; Л., 1959.

Примечания

¹ Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1863. С. 358.

² Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1863. Ч. 120 (окт. 1863 г.). Отдел V. С. 9.

³ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. Л., 1987. С. 199–200.

⁴ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869. С. 7.

⁵ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. М., 1982. С. 111.

⁶ Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966. С. 4.

⁷ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 2. М., 1988. С. 420.

⁸ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 1. М., 1958. С. 622.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 166.

¹⁰ Симфония на Ветхий и Новый Завет. Ч. 1. СПб., 1900. С. 286.

¹¹ Кунгурские Акты XVII века (1668–1699) / Издание А. Г. Кузнецова. СПб., 1888. С. 95.

¹² Латинско-русский и русско-латинский словарь. Рукопись. БАН. Строг. № 17. Л. 19 об.

- ¹³ Поликарпов Ф. Лексикон треязычный. М., 1704. Л. 82.
- ¹⁴ Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 4. М.; СПб., 2006. С. 499.
- ¹⁵ Смагина Г. И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70. № 7. С. 635–644.
- ¹⁶ Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966. С. 236–239.
- ¹⁷ Примечания к Ведомостям. СПб., 1734. Ч. XXXIII. С. 134.
- ¹⁸ Сердечно благодарю авторский коллектив «Словаря русского языка XVIII века» за предоставленную возможность ознакомиться и использовать в настоящей статье материалы Картотеки.
- ¹⁹ Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на русском языках переводу ассессора Сергея Волчкова. Ч. 2. СПб., 1764. С. 423.
- ²⁰ Словарь Академии Российской: В 6 т. Т. 4. СПб., 1793. С. 122.
- ²¹ «При этом условии вода будет состоять из тончайших пузырьков, которые едва окажут сопротивление даже самому слабому давлению» — пер. Я. М. Боровского (АПСС II, с. 179).
- ²² «О давлении атмосферы в глубь Земли» (АПСС II, с. 440).
- ²³ Словарь Академии Российской. Т. 1. СПб., 1789. С. 636.
- ²⁴ Общий церковно-славяно-русский словарь или собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1834. С. 583.
- ²⁵ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания... / Сост. под ред. Ф. Толя: В 3 т. Т. 1. СПб., 1863. С. 778.
- ²⁶ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 5: Пьесы (1878–1884). М., 1975. С. 24.
- ²⁷ Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русской язык переведенный Собранием ученых людей: В 2 т. Т. 1. СПб., 1786. С. 165.

Е. В. Генералова

КОМПОЗИТЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ БОЛЬШЕ-, ВЕЛИКО-, ВЫСОКО- В ОБИХОДНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ*

В обиходном русском языке XVI–XVII вв. известны преимущественно базовые качественные прилагательные, основы синонимических рядов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 07–04–00173а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.».

За счет немногочисленности и использования в разнообразных контекстах возрастала частотность и расширялась семантика этих прилагательных. Прилагательные *большой*, *великий* и *высокий* — яркие примеры лексем с богатой семантикой, формируемой прежде всего сочетаемостью с различными существительными, при этом это высокочастотные слова (*великий*, по данным словаря А. А. Грузберга, занимает 3-е по частотности место, *большой* — 58-е¹), члены большого количества фразеологизмов, основы обширных словообразовательных гнезд, вершины собственных синонимических рядов.

Хотя эти прилагательные нельзя назвать синонимами, их семантика оказывается очень близкой: см. аналогичные контексты *большой боярин* и *великий боярин* (семантика ‘занимающий важное положение в обществе’), *большая вода*, *великая вода* (семантика ‘превышающий среднюю меру, средний уровень’), *высокие* и *великие причины*, *великие дела* и *высокие дела* (‘выдающийся, значительный, превосходящий, особенный’), *большая цена*, *великая цена* и *высокая цена* (‘значительный в денежном отношении’), *высокий чин*, *большой чин* и *великий чин* (‘соответствующий высокому служебному положению’) и т. д. Разница в употреблении прилагательных обусловлена и собственно семантикой, уясняемой из контекста, и использованием этих прилагательных во фразеологических оборотах, в топонимике, и функционированием основ этих лексем как словообразовательной базы, в частности в сложениях.

Композиты — интересная и хорошо изученная страница в истории языка. Появление сложных слов в русском языке объяснимо не только древнейшими переводами с греческого, но и независимым образованием композит в древнерусском языке. В последующий период XV–XVII вв. можно говорить о несовпадении набора сложных слов в памятниках русской высокой книжности, демократической литературе и деловой письменности (исследования В. В. Виноградова, В. И. Пономарева, Л. В. Вялкиной, А. А. Грузберга). При этом С. С. Волков, вслед за Л. Л. Кутиной, подчеркивает, что, несомненно, композиты были характерной особенностью языка XVI–XVII вв., когда словосложение приобрело невиданные размеры². В связи с этим изучение композит как лексических единиц и их элементов в языке этого периода продуктивно.

Наиболее активно в сложениях использовалась основа прилагательного *высокий*, хотя само прилагательное из трех названных имеет наименьший индекс частотности. В картотеке СОРЯ зарегистрировано 30 сложений с элементом *высоко-* и 18 сложений с элементом *выше-*. Несколько в меньшей степени продуктивно *великий*: в картотеке СОРЯ 17 сложений

с первым элементом *велико-* и 8 сложений с элементом *веле-* (производным от прилагательного *великий*, семантическая схема которого в сокращенном виде повторяет семантическую схему *великий*). Как ни странно, при очень высокой частотности лексемы *большой* слов с основами *боле-* и *больше-* в обиходном языке не зарегистрировано, и этот факт, очевидно, неслучаен. В СлРЯ XI–XVII вв. наибольшее количество сложных слов с основой *велико-*, из них 19 — в источниках XVI–XVII вв. разной стилистической принадлежности, с основой *высоко-* композит несколько меньше, однако большинство (29 лексем) относятся к периоду XVI–XVII вв. В СлРЯ XI–XVII вв. зафиксирована единственная лексема с основой *больше-* — *большеродный* в значении ‘старейшина’ (Геннадьевская Библия). Говорить о фиксации таких композит в СлРЯ XVIII в. сложно, так как в нем описываются не отдельные лексемы, а даются статьи, толкующие первые элементы сложений (словарные статьи на *велико-* и *высоко-*).

С точки зрения частеречной принадлежности, подавляющее большинство сложений — прилагательные и производные от них существительные, глаголы неизвестны.

Способ образования таких слов — сложение с суффиксацией или сращение. Исходной синтаксической базой, как правило, выступают сочетания существительного и прилагательного или сочетания прилагательного с наречием. Сложения созданы с помощью объединения компонентов посредством интерфикса *-о-* и, как правило, оформлены различными суффиксами прилагательных и существительных. За счет высокой морфологической активности, характерной для состояния языка XVI–XVII вв., типичны семантические дублиеты, созданные с использованием различных суффиксов: см. *великоденный* и *великоденьский*.

Намечаются определенные тенденции. Большинство сложений с основой прилагательных *великий* и *великий* образованы на базе атрибутивных сочетаний, компоненты которых связывает согласование соответствующего прилагательного с определяемым существительным (*великопоместный*, *великохристовый*, *великомученик*, *великородный*, *велегласный* и т. д.). При этом в качестве производящей базы может выступать устойчивое сочетание, включающее прилагательное *великий* (*великоденный* от *великий день* ‘Пасха’, *великопостный* от *великий пост*). Именно с элементом *велико-* много сложений от топонимов, первый компонент которых — прилагательное *великий*: *великолукский*, *великопермский* (и *великопермцы*), *великороссийский* (со второй половины XVII в. *Великая Россия* — официальное название европейской части Московского государства в отличие от Малой и Белой России). Эти факты объяснимы высокой активностью

великий во фразеологии и топонимике. Хотя прилагательное *большой* тоже активно использовалось в топонимике, аналогичные сложения с *больше-* в истории языка неизвестны, что связано, как представляется, с различием концептуального значения *большой* и *великий*: при близости семантики концептуальное значение *большой* — ‘значительный в каком-л. отношении’ (размере, численности, интенсивности и т. д.), а концептуальное значение *великий* — ‘особый, выдающийся’. В топонимике это различие обнаруживается особенно рельефно: в названиях географических объектов с *большой* подчеркивается размер (*Большая Вишера*), а с *великий* — значимость (*Великая Россия, Великий Новгород* и т. д.), в связи с чем и отмечается наличие соответствующих сложений, возникающих в первую очередь от названий значимых, существенных, игравших важную историческую и культурную роль мест.

Среди сложений с основой прилагательного *высокий* также есть сложения на базе атрибутивных сочетаний (*высокородный*), но преобладают сращения на базе сочетаний с наречием (*высокопочтенный, высокочтенный*). Сложения же с элементом *выше-* — это только сращения (*вышеписанный, вышеупомянутый, вышеявленный*), за исключением сложения *вышегород* (с вариантом *вышгород*) ‘центральная возвышенная и укрепленная часть города’. Первый элемент таких сложений — это сравнительная степень, как правило, наречия, а не прилагательного, а в качестве второго элемента чаще выступает не прилагательное, а причастие по происхождению (*написанный, упомянутый, владеный*), и выделение этих сложений достаточно затруднительно в связи с отсутствием в текстах словоделения, так как не всегда ясно, имел ли уже место факт словосложения.

При рассмотрении семантики композит за основу была взята семантическая классификация сложных слов в челобитных XVI–XVII вв., предложенная С. С. Волковым³. Анализируемые лексемы можно разделить на три группы: а) социальная, экономическая и деловая лексика, б) церковно-религиозная лексика, в) указание на качества и свойства, как правило, положительно или отрицательно оцениваемые. К группе социальной, экономической и деловой лексики относятся лексемы, указывающие на связь с конкретной местностью (*вышегород*, оттопонимические прилагательные *великолукский, великопермский*), на имущественное положение лица (*великопоместный*), являющиеся различными характеристиками имущества (*вышевладеный, вышеявленный* ‘ранее предьявленный’), часто употребляемые как этикетные или в титулах слова, указывающие на общественное положение, происхождение лиц, а также на их определенные качества (*великородный* ‘принадлежащий к знатному роду’, *высокоможный, вели-*

комоцный, великомоцный, вельмоцный ‘могущественный’ как эпитет монарха, правителя, *высокоместный* ‘обладающий царским престолом’ как эпитет царя, *высококняжеский*). Лексема *высокомоцный* и производные, известные по «Вестям-Курантам», использовались исключительно для характеристики представителей Нидерландских Генеральных штатов, а устойчивые сочетания *высокомоцные (высокомочные) (господа) Статы, ваше (их) высокомоцство* — как титул Нидерландских Генеральных штатов или их представителей.

Кроме того, к этой большой группе может быть отнесена специфическая деловая лексика, указывающая на порядок следования, упоминания в текстах, документах (*высокопомянутый, вышешисанный, вышеименованный* и т. д.). Это очень большая группа, образованная композитами с элементами *высоко-* и *выше-*.

К церковно-религиозной лексике относятся преимущественно лексемы с первой частью *велико-* (*великомученик, великопостный, великоденный*), что объяснимо частым использованием *великий* в устойчивых сочетаниях, обозначающих различные понятия и явления христианской религии. Из композит с первой частью *высоко-* сюда может быть отнесено сложение *высокоблаженный*.

Третья группа — обозначения качеств — достаточно разнородна. В нее входят сложения с первым элементом *веле-*, ряд сложений с *велико-* и *высоко-*. Редко это обозначения качеств, связанных с физическими характеристиками (*велегласный* ‘громкоголосый’), чаще обозначения моральных характеристик, оценочные эпитеты (*великолюбивый, великомудрый, высокопочтенный*). Абсолютное большинство сложений имеют яркую положительную коннотацию, но изредка возможна отрицательная оценка: *высокоумие* ‘надменность, гордыня’: «И сам дьявол на небе был, да *высокоумия* ради свержен бысть» (Авв. Ж., 1669 г.), *высокоумливый* ‘гордый, надменный’: «Не держи ты *высокоумливе* сердце» (Разг. Фенне, 1607 г.).

Для выяснения специфики семантики прилагательных *великий* и *высокий* информативно рассмотреть значения первых элементов сложений. В ряде композит основа используется в своем прямом, исходном значении: *великий* ‘выдающийся, значительный по размеру’ (*великопоместный* ‘имеющий большие поместья’, *великокряильный* ‘с большими крыльями’, *великолитный* ‘многоводный’, *великогорбый* ‘о книге: с выпуклым корешком’, *великоприходный* ‘имеющий большой приход’); ‘значительный по интенсивности’ (*велегласный, великолюбивый, великосильный*); *высокий* ‘находящийся на более высоком уровне’ (*вышегород* ‘центральная

и укрепленная часть города', как правило, находящаяся на возвышенности). Можно говорить и об отнесении сюда сложений *высокоместный* и *высокопрестольный* (исходно семантика *высоко-* тоже 'находящийся на более высоком уровне', далее же сложения использовались как эпитеты монарха).

Большинство же композит образуется с первым элементом в различных переносных значениях. Элемент *велико-* используется в значении 'превышающий обычные представления о чем-л., исключительный, особенный в каком-л. отношении' (*великолепие, великородный, велелепый, велеразумие* и т. д.) или близкому к нему 'выдающийся по значимости, важный' (*великоденный, великопостный, великохристовый, великороссийский* и т. д.). Основа *высоко-* функционирует примерно в том же значении 'выдающийся, значительный, превосходящий в каком-л. отношении', приобретая еще более абстрактное значение 'очень, в высшей степени' (*высокодостойнейший, высокоповеренный*).

Из значения 'находящийся на более высоком уровне' развивается и такое специфическое для *высоко-* значение, как 'ранее' (т. е. буквально 'выше по тексту'); композит с такой семантикой первого элемента много (*высокопомянутый, вышенатисанный, вышеименованный, вышеупомянутый* и т. д.), причем такого значения у исходного прилагательного нет, оно реализуется только в сложениях. Еще более абстрагируясь, элемент *выше-* может означать и 'ранее, до того (по времени)' (*вышевладенный, вышеявленный, вышепосланный*).

Показательно, что высокочастотные основы используются в сложениях в первую очередь в переносном значении. Именно в этом видится причина отсутствия композит с первым элементом *больше-* в языке этого периода: в качестве концептуального значения *большой* выступало исходное, физическое значение, которое, будучи в меньшей степени способным абстрагироваться, не было востребовано как элемент композит. Так, СлРЯ XVIII в. фиксирует 3 сложения с элементом *больше-*: *большерослый, большебородый, большеголовый*, и во всех *больше-* используется в конкретном значении. По данным словарей современного русского языка и диалектных словарей, в сложениях с элементом *больше-* основа также имеет конкретное значение 'значительный по размеру': *большеголовый, большеглазый, большерукый, большелапый* и т. д.

Интересно сравнение лексем, в которых элемент *велико-* (*веле-*) или *высоко-* (*выше-*) сочетается с аналогичными основами. Абсолютными синонимами выступают *великородный* и *высокородный* 'происходящий из знатного рода', хотя, возможно, показательно использование одного из

них для характеристики знатных особ Московского государства: «Царь же о томъ велми печалень былъ, и многа дни лишень былъ яди, и потомъ не мыслиль ни о какихъ *высокородныхъ* дѣвицахъ» (Котошихин, 1667 г.), а другого — при описании реалий иноязычного быта: *великородные люди* (Ст. сп. Потемкина). Лексемы *великоможный* и *высокоможный* имеют семантику ‘могущественный’, но при этом лексема *великоможный* (и производные) тяготеет к несвязанному употреблению, хотя используется преимущественно как эпитет монарха, а лексемы *высокоможный* и *высокоможство* используются исключительно в титуле представителей Нидерландских Генеральных штатов, т. е. специализируются. Отличаются коннотацией лексемы *велехвальный* (*велехвальная гордыня*) и *высокохвальный*: «Смилуися *высокохвальная* и славная дева Мария» (В-К 1, 1631 г.), ср. также сложения с синонимичными основами *велеразумие* ‘мудрость’, *высокоумство* ‘ум, мудрость’ и *высокоумие* ‘надменность, гордыня, высокомерие’ (в сочинениях Аввакума). Направленностью действия, обозначенного второй основой, различаются лексемы *высоколюбительный* ‘глубоко преданный, любящий’ и *великолюбивый* ‘исполненный приязни, любви’. Следовательно, можно видеть, что при близости семантики первых и вторых элементов сложений-дублетов язык не создает.

С функционально-стилистической точки зрения, употребление композит обнаруживает достаточно устойчивые тенденции. Лексемы с *веле-* носят почти исключительно книжный характер. Среди слов с первым элементом *велико-* есть и книжные лексемы (*великолепие, великолюбивый, великоможный*), и слова, составляющие принадлежность обиходного языка (*великолукский, великопермский, великопоместный* и др.). Характерно, что лексемы, обозначающие понятия христианской религии, используются с обиходной семантикой: так, прилагательное *великоденный* ‘пасхальный’ известно и в сочетаниях *великоденные деньги, великоденные яйца*. Среди лексем с основой *высоко-* также есть книжные лексемы (*высокоблаженный, высокоспасенный*), но большинство, не являясь разговорными, тяготеют не к церковно-книжному языку, а к языку документов, этикетных описаний придворных процедур. Не случайно так много сложений с *высоко-* используются как эпитеты монарха. В СОРЯ для таких лексем была предложена особая стилистическая помета «высокое официальное», означающая, что слово употребляется в отношении глав государств, представителей знати, важных чиновников, их качеств и предметов, с ними тесно связанных, и сопровождается эмоцией глубокого почтения и уважения. Специфичны и лексемы с первым элементом *выше-*. Они широко употреблялись в деловых памятниках разного рода, используясь

для указания на ранее упомянутые предметы, явления, ранее названных лиц, цитированные до этого документы и не неся оценки. Это настоящие канцеляризмы этого времени, яркие маркеры складывающегося официально-делового стиля. Лексемы с *больше-*, которые фиксируются позже, носят обиходный, разговорный характер, указывая, как правило, на особенности внешности человека и животных (таких лексем немало в диалектах).

Таким образом, использование в сложениях элементов *больше*, *велико-*, *высоко-* рельефно высвечивает особенности развития каждого из исходных прилагательных. Намечающиеся в языке XVI–XVII вв. направления развития их семантики и их функциональная прикрепленность оказываются продуктивными, что и позволяет далее в словарях, наряду с описанием значения отдельных лексем, включающих эти основы, особо описывать семантику только первых элементов (*больше-*, *высоко-*, *велико-*).

Источники

Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960.

В-К 1 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

Разг. Фенне — Tonnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov, 1607. Vol. 2: Transliteration and Translation / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jacobson. Copenhagen, 1970.

Котошихин — Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.

Словари

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л.; СПб., 1984–2005.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–2. СПб., 2004–2006.

Ст. сп. Потемкина — Статейный список П. И. Потемкина. // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

Примечания

¹ Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII в. Пермь, 1974.

² Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века: На материале челобитных. СПб., 2006. С. 157.

³ Там же. С. 167–170.

УМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ*

Среди фразеологических единиц, описывающих интеллектуальное состояние человека, в текстах памятников, отражающих обиходный русский язык XVI–XVII вв., особенно частотны устойчивые сочетания, деловые формулы и поговорки с компонентами *ум* и *разум*.

Анализ семантики и функционирования этих единиц позволяет выделить основные концептуальные признаки, актуализирующиеся в контекстах употребления.

Как отмечает М. Л. Ковшова, образы фразеологизмов с компонентами *ум*, *голова* восходят к одной из древнейших, мифологических, форм осознания мира — анимистической, олицетворяющей телесную часть, которая метонимически замещает самого человека. Образы фразеологизмов с этими компонентами также соотносятся с архетипическим противопоставлением «внешний — внутренний» (БФСРЯ, с. 436).

Ум (и его синоним *разум*) в наивной языковой картине мира этого времени (в ее фразеологическом преломлении) предстает, прежде всего, как нечто, в норме находящееся в голове человека, представляющее главное содержание, определяющее интеллектуальную деятельность и поведение человека: «Царствует умъ головою» (Сим. Посл., с. 154, XVII в.). Ср. фиксацию отклонения от нормативного положения вещей в поговорке: «Без уса борода без ума голова» (Сим. Посл., с. 79, XVII в.). Поэтому очень важно, совершил ли человек что-либо «в присутствии» или «отсутствии» ума. Неосознанность поведения, поступков оправдывается состоянием, при котором человек подвергается временной «потере» ума, становится невменяемым, что описывается такими единицами, как *без ума стать* и *вне ума*: «Егда же еще в ызбах жили и после того, он к попенко на исповедь. Как причастил ево, так мужик и взбесился да и *без ума стал*» (Авв. Ж., с. 262); «И онъ, Осипка, съ пытки сказалъ, что онъ твоего государева слова никакого за собою не вѣдаетъ, затѣялъ де *внѣ ума*» (Сид, с. 151, 1645 г.); «Те де слова он [Парфен] на них в Пушкарском приказе перед боярином... в роспросе и в Преображенском говорил, ис-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 07–04–00173а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.».

пужався, *вне ума* своего, убоясь пытки» (РД, т. 3, с. 394); «Сказаль что Левонтья он Офонка тѣмъ поклепал говорить про то *внѣ ума* и на себя и на людей в том дѣле говорит напрасно» (МДБП, с. 264, 1643 г.).

Аномальное состояние рассудка может быть вызвано болезнью или подавленным душевным состоянием и характеризуется фразеологическими единицами *забыться в уме*, (*быть*) *в забытье ума* и *в забвении ума* (Сид): «А будетъ въ сыску скажутъ короченские всякихъ чиновъ люди, что та женка *больна падучею болѣзнью* и говорить, *забывся въ умѣ*, и мнѣ бы ту женку за непригожия слова вѣлеть бить кнутомъ у приказныя избы при себѣ и при сторонних людяхъ, какъ ей отъ падучей болѣзни будетъ льготно, и отдать мужу ея» (с. 538, 1647 г.); «И тюремный сидѣлецъ Андрюшка Шелеговъ подалъ повинную челобитную, что онъ на пушкаря на Ваську Синцова говорилъ государево дѣло, поклепавъ его напрасно, *въ забытии ума*, въ *черной немочи*» (с. 184, 1647 г.); «И язъ да, Афонька, ...про г. б. ц.¹ про кн. А. М. и про кн. И. М. такое непригожее слово *въ забвении ума* своего... *съ кручины мольль*» (с. 484, 1636 г.).

Ум (разум) в языковом сознании имеет четкую локализацию, этим объясняется, что отклонение от нормы описывается фразеологизмами с глаголами движения и соответствующими отглагольными существительными: *сбрести с ума*, *отбыть ума*, *отступление ума*, *отход от разума*: «А оболгалъ я, х. т., тебѣ, г., будто *съ ума сбрель*» (Сид, с. 149, 1646 г.); «И надо мною, х. т., въ тѣхъ мѣstechъ учинилося посѣщение Божие, *отбыль ума* своего, и вопиль по улицамъ, сказываль за собою твое государево слово, не вѣдая ничего» (Сид, с. 151, 1646 г.); «И онъ, г., вракаль въ тюрьмѣ *во отступленьѣ ума* своего, что будто за нимъ есть твое государево слово» (Сид, с. 347, 1646 г.); «И того для часто ѣдена [цебуля, лук] дѣлаеть своею остростию... болѣние головы и *отход от разума*» (Наз., с. 510, XVI в.).

По данным СРФ-ИЭС, устойчивое словосочетание *сбродить с ума*, являющееся в современном русском языке устаревшим, было известно именно с XVII в. В письменных памятниках оно связывается с сообщениями о состоянии опьянения, реже — отравления мышьяком, сулемой (СРФ-ИЭС, с. 585). Ср. антонимичное по значению выражение, означающее возвращение в нормальное интеллектуальное состояние, — *прийти в разум*: «И послѣ, г., того на 3-й день милость Божия учинилась надо мною, х. т., *въ разумъ пришелъ* по прежнему, и я, х. т., твоего государева слова за собою никакого не вѣдаю» (Сид, с. 151–152, 1646 г.).

Как и в современном фразеологизме *сойти с ума*, ум в рассмотренных единицах «символизирует основу, на которой зиждется само существование человека, его нормальная жизнедеятельность» (БФСРЯ, с. 685).

Ср. оценку последствий наличия и отсутствия ума в поговорах (Сим. Посл., XVII в.): «Умомъ наживаютъ а безумиємъ и старое теряютъ» (с. 146); «С разумомъ жить лишю тѣшитсѧ» (с. 139); «Без ума торгуютъ лишю днги терять» (с. 80).

Главными «нормативными» свойствами ума/разума являются его целостность и то, что он «свой».

Наличие целостности ума усугубляет вину человека при совершенном проступке: «А будетъ въ сыску всякие люди скажутъ, что на той женкѣ падучей болѣзни нѣтъ и съ ума не сбродитъ, и говорила она такая непригожая слова *въ цѣломъ умѣ*, и ты бѣ ее велѣлъ битъ кнудомъ безъ пощады» (Сид, с. 538, 1647 г.), и, наоборот, оправдываясь, человек ссылается на нарушение целостности разума: «А въ распросѣ, г., у записки тотъ стрѣлецъ передъ дѧки повинился: „Я де за тѣмъ нѣмчиномъ государева слова никакого не вѣдаю; а что де я государево слово сказалъ, и то де я и самъ не помню; а сказалъ де я то слово *не цѣлымъ разумомъ*: въ хмелю де ко мнѣ приступаетъ“» (Сид, с. 353, 1628 г.). Разрушение «нормальной» целостной организации ума характеризуется выражением *в уме порушиться*: «Въ прошломъ, государь, во 153 г. волею Божьею человекенко, г., мой Хрисанко Пахомовъ *въ умѣ порушился*, и учаль, г., животину битъ и сѣчь, и людей драть во иступлении ума своего» (Сид, с. 347, 1646 г.).

Отклонение от нормы фиксируется также такими выражениями, как *не в своем уме* и *не своим разумом*: «А говорилъ тотъ мужикъ, кабы *не въ своемъ умѣ*» (Сид, с. 325, 1632 г.); «И говорилъ твое государево слово на него, Василья, поклепавъ напрасно *не въ своемъ умѣ*, забывъ своего разума въ черной немощи» (Сид, с. 183, 1647 г.); «Поручны мы, сироты, были тое жѣ деревни Левкова по Васькѣ Фроловѣ, и онъ, Васка, померъ, а жена ево, Васки, зѣбрела *не своимъ разумомъ*, была на ней падучая» (ЧО, с. 79, 1673 г.). Противопоставление своего и чужого ума находим и в поговорах (Сим. Посл., XVII в.): «Свой умъ царь в головѣ» (с. 139); «Братъ мой а умъ у него свой» (с. 79); «Чюжимъ умомъ не долго жить» (с. 155).

Эти два отмеченные выше главные нормативные свойства ума зафиксированы в обязательной формуле духовных грамот: «Се яз... Данило... Григорьевъ... пишу сию духовную грамоту *своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ*, кому ми что дати и у кого ми что взяти» (АРГ, с. 261, 1525 г.); «Пишу сию память, отходя сего света, *своимъ умомъ и разумомъ*» (А. Солов. м., с. 7, 1572 г.); «Се аз, раб божий, Феодосей Тимофеев сын Бибииков, пишу сию духовную *своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ*» (АФЗХ, т. 2, с. 485, 1612 г.). Ср. позднейшую юридическую формулу: *в здоровом уме и твердой памяти*, — применявшуюся при составлении завещаний.

Из нормального интеллектуального состояния человек может выйти не по своей воле, подобная ситуация обозначается фразеологизмом *из (с) ума выводить* — ‘доводить до состояния, когда человек лишается способности обдумывать свои поступки и отвечать за них; становится глупым’: «А гдѣ люди лукавыи, и глупово слугу подпоятъ, и *из ума выводятъ*, и спрашиваютъ про государя и про государыню, и безумныи все говорить, что и невместимо казати, и лишнее прилыгаетъ» (Дм., с. 45, XVI в.); «Их роспрашивали и пыткую стращали и *с ума их выводили*, чтобъ сказали» (Сл. Сибир., с. 25, 1608 г.).

Во фразеологических единицах рассматриваемого периода времени особо отмечается такая причина отклонения от нормативного интеллектуального состояния человека, как опьянение; например, в актах «Слова и дела государева» часто употребляется выражение *выпитъся из ума (вне ума)* (Сид): «А то слово, что на него сказываютъ Устинко Карповъ съ товарищи, онъ говорилъ-ли, и онъ того не помнитъ, былъ пьянъ, *выпился изъ ума* безпамятно» (с. 65, 1630 г.); «А говорилъ онъ то непригожее слово про г. пьянъ, *выпился изъ ума*» (с. 591, 1626 г.); «Въ нынѣшнемъ, г., во 145 г. сентября въ 27 д. грѣхомъ, г., я своимъ *внѣ ума выпился*, и сказалъ во пьянствѣ за собою твое государево слово, и не помню что» (с. 478, 1637 г.) и др. Ср. также контекстуальное окружение таких единиц, обозначающих аномальное интеллектуальное состояние, как *отбыть своего ума* и *в исступлении ума* (Сид): «А въ челобитной своей написалъ, что де онъ, Васька, *напився пьянъ, отбывъ и своего ума*, пришедъ къ нему, Мирону, такое воровское слово говорилъ, что указалъ г. по городамъ приказныхъ людей побивать каменемъ» (с. 567, 1648 г.); «И сказалъ я, х. т., на того Федора твое государево слово *съ пьянства, во исступлении ума*» (с. 315–316, 1629 г.). В связи с вышесказанным для установления вины человека важно было определить, в трезвом состоянии он совершил преступление (сказал «слово государево») или нет (состояние опьянения служило смягчающим обстоятельством), что, видимо, способствовало возникновению фразеологизма, образованного по продуктивной для того времени модели: «делать что-либо + творительный падеж имени» — *пьяным (трезвым) умом (говорить)*: «Марта въ 31 д. ольшанские дѣти боярские... въ сѣзжей избѣ ставлены и допрашиваны по г. крестному цѣлованью: Сенька Маклаковъ, будучи на бесѣдѣ у Лунки Волокитина, *говорилъ* про праведнаго государя *пьянымъ* или *трезвымъ умомъ?*» (Сид, с. 559, 1649 г.). Ср. взаимоисключающее противопоставление хмеля (пьянства) и ума в паремиях (Сим. Посл., XVII в.): «Хто пьет до дна тот живеть без ума» (с. 151); «Не пей много вина не истяряешь ума» (с. 125); «Умъ

говорить пора идти з двора а хмѣль говорить дождемъся побой да вмѣстѣ домой» (с. 147).

Паремии XVII в. отмечают соположенность ума и молчания, умный человек не торопится словом (Сим. Посл., XVII в.): «Изба крѣпка запоромъ а двор забором а ум меж губъ» (с. 110); «Языкъ мой врагъ мой прежде ума моего рыщет» (с. 161).

В языковом сознании ум — это нечто, подвергающееся количественному измерению; см., например, в паремиях (Сим. Посл., XVII в.): «*За скудость ума* таскат будетъ сума» (с. 106); «*За скудость разума* полать лишаются» (с. 105); «Борода что ворота а ума с малой приколиток» (с. 79); «Данило с матавило а ума ни с шило» (с. 95); «Личико бѣленко да разума маленько» (с. 118).

В трех последних примерах явно прослеживается тенденция противопоставления в пословицах внешнего облика человека и его интеллектуальных способностей. См. также (Сим. Посл., XVII в.): «Встречаютъ гостя по платю а провожают по уму» (с. 87); «По платю встречаютъ а по уму провожаютъ» (с. 133). Образным основанием сравнения или противопоставления часто служит волосяной покров — на подбородке у мужчин или на голове у женщин, ср. (Сим. Посл., XVII в.): «Брадою чстенъ старъ а разумомъ хвален млад» (с. 78); «Борода что ворота а ума с малой приколиток» (с. 79); «У бабы волосы долги а умъ коротокъ» (с. 147).

В зеркале фразеологии ум предстает как объемное образование: *ум не вместит* — ‘о невозможности воспринять, постичь’: «А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же ум человекъ не вмести красоты его и доброты» (Авв. Ж., с. 61, 1675 г.). Ср. также *в ум не вместится кому*: «И они мнѣ то все розказывалѣ в умъ члвку не въместитца Бгъ благоволить да жив будеш самъ все услышишь» (Новг. док., с. 361, 1655 г.).

У ума как некоего образования в наивной картине мира, зафиксированной во фразеологии, выделяется поверхность, что подтверждают фразеологические единицы с предлогом *на*: *на уме*, *братъ на ум*, *взбрести на ум*, *взойти на ум*, *вспасть на ум*. См., например, *на уме*: «Да Гсда ж Статы дали вѣдати графу Энну Эмьденскому что у него *на умѣ* с ними ли хочет стояти за один или съ их противники и о томъ бы имъ вѣдомо учинил» (В-К 1, с. 55, 1621 г.); «Семера *на умѣ* коли нѣтъ на гумнѣ» (Сим. Посл., с. 142, XVII в.); *братъ на ум* — ‘принимать к сведению’: «Глупой говорить а на глум а умной берет *на умѣ*» (Сим. Посл., с. 93, XVII в.).

Компоненты *взбрести*, *взойти*, *вспасть*, соотносимые с антропным, т. е. собственно человеческим, кодом культуры, усиливают олицетворен-

ность интеллектуальной деятельности человека, его взаимодействия с некоей духовной субстанцией, которое происходит самопроизвольно, неконтролируемо (БФСРЯ, с. 438). Проиллюстрируем употребление фразеологизмов с этими компонентами в нашем материале: *вспасть на ум кому* (о мысли, идее) — ‘прийти в голову’: «И тут князь Владимир задумался, играца у себя не обретает умеющего. И *вспала* ему [Владимеру] *на ум* про боярина Стовра Годиновича» (Былины, с. 204, сер. XVII в.); *взбрести на ум* — ‘случайно прийти в голову, вздуматься’: «И онъ, Степанка, слыша... непристойныя рѣчи, потому то слово и въ извѣтную челобитную и написалъ. А къ тому еще иныя воровския, непристойныя затѣйныя слова, что въ извѣтной челобитной написаны, прибавилъ собою, что ему *взбрело на умъ*, то и написалъ» (Сид, с. 100, 1636 г.); «Что *взбрело на ум*, то и творят» (Авв. П., с. 285, 1675 г.); *взойти на ум* — ‘прийти на память, вспомниться’: «А ты [Морозова] говоришь иную суторщину [‘взор’]: «*взойду* ль де я тебе [Аввакуму] *на ум*-то когда? Большо де ты меня забыл» (Авв. П., с. 212, 1673 г.).

По-видимому, предлоги *в* и *на* варьируются в зависимости от представления о «глубинности» помещения чего-либо в ум (разум), ср., например: *взять в (на) ум (разум)* — ‘воспринять, понять’: «Яз тебѣ рад указати и ростолковати прямо [русские слова], как своему родному сыну, а ты *возьми на ум*, не забуди, что яз тебѣ указываю» (Разг. Фенне, с. 197, 1607 г.); «Сказывал Матюшке Кутьину томской казак Якушко Осокин про тебя, государя-царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, неместимое слово, чего *в ум* нельзя *взять*, что тебе, государю... быть не долго на царстве» (Сл. Сибир., с. 19, 1608 г.); «Шоптал ему под носъ да не *возметъ в разумъ*» (Сим. Посл., с. 157, XVII в.).

Образ во фразеологизмах с предлогами создается пространственной метафорой, уподобляющей ум пространству, в котором располагаются мысли (БФСРЯ, с. 436).

Ум — это то, что невозможно приобрести извне (Сим. Посл., XVII в.): «Фома не купить ума» (с. 148); «Х коже ума не пришить гвоздемъ ево не прибить» (с. 148).

В пословицах подчеркиваются гендерные различия мужского и женского ума: «*Женские умы* что татарские сумы» (Сим. Посл., с. 103, XVII в.), при этом наличествует противопоставление ума и разума — эти существительные в данном случае уже не выступают как синонимичные, а вступают в отношения антонимии: «Мужа чтят за *разумъ* а жену по *уму*» (Сим. Посл., с. 122, XVII в.). При этом, как представляется, ум рассматривается как врожденное свойство, а разум определяет логику поведения, рассудительность.

Таким образом, во фразеологическом фрагменте языковой картины мира XVI–XVII вв. ум концептуализируется как некое образование, обладающее объемом, имеющее поверхность, локализующееся в голове человека, подвергающееся количественному измерению. Главные свойства ума, присущие ему в нормативном состоянии, — это целостность и то, что он «свой», т. е. индивидуальность.

Образы рассмотренных фразеологических единиц соотносятся с антропным кодом культуры (благодаря таким компонентам, как *вспасть*, *взойти*, *взбрести*, *сбрести*, *отбыть* и под.), основной компонент *ум* (*разум*) — с соматическим, телесным, а в сочетании с предлогами *в* и *на* — с пространственным кодом культуры.

Источники и словари

А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

Авв. Ж. — [А в в а к у м.] Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. М., 1960.

Авв. П. — А в в а к у м. Письма // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. М., 1960.

АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.: В 3 т. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. М., 1951–1961.

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Былины — Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960.

В-К 1 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Наз. — Назиратель / Изд. подг. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

Новг. док. — Давидссон К. К. Новгородские документы из русских рукописей XVII в., хранящиеся в университетской библиотеке г. Упсалы (Швеция) // История русского языка: Исследования и тексты / Отв. ред. В. Г. Демьянов, В. Ф. Дубровина. М., 1982.

Разг. Фенне — Tonnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov, 1607. Vol. 2: Transliteration and Translation / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jacobson. Copenhagen, 1970.

РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов: В 4 т. М., 1954–1976.

Сид — Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14.

Сим. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66. № 7.

Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

СРФ-ИЭС — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

ЧО — Арсеньев Ю. П. Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиною (1650–1684 гг.) // Чтения ОИДР. 1903. Кн. 2. Отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским.

Примечание

¹ Здесь и далее расшифровку использованных в цитатах сокращений см. в соответствующих источниках.

Л. М. Карамышева

ДЕЛОВЫЕ ФОРМУЛЫ СО СЛОВОМ *ЛОВЛЯ* В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XIV — НАЧАЛА XVII ВЕКА

Ранее нами уже рассматривалось слово *ловля* в различных значениях¹. Представляется интересным проследить функционирование лексемы *ловля* в памятниках деловой письменности в составе своеобразных штампов (формул), выражающих те или иные запреты, разрешения, условия пользования рыбными ловлями и т. д.

1. Слово *ловля* в значении ‘захват живьем рыб посредством особых приспособлений’.

При описании условий пользования рыболовным угодьем для разрешения на рыбную ловлю отмечено:

— *ловити всякою ловлею (всякими ловлями)* — в жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю: «*Ловити* неводом в Ростовском озере *всякою ловлею*» (АСЭИ, т. 1, с. 79, 1432–1445 гг.);

— *ловить, какими ловлями хотят* — в выписи из рыболовных книг озера Селигер: «*Ловити...* через весь год на собя, *какими ловлями похотят*» (АФЗХ, т. 2, с. 272, 1557 г.);

— *со всеми ловлями по старине*: «Да и реку Сороко (!) *со всеми ловли по старине*, и сетная, как ловили нюхчане» (А. Солов. м., с. 107, 1551 г.);

— *на поледной ловле ловят ночь (по ночи) (на кого)²* — в жалованной грамоте переславским рыболовам: «А на поледной ловле ловят на дву наместников, *по ночи* на наместника, а на волостеля ловят *ночь на поледной же ловле*» (АСЭИ, т. 3, с. 44, 1506 г.).

При запрещении или невозможности пользоваться рыболовным угодьем в памятниках письменности встречается конструкция *не велеть ловли деяти (кому)* — например, в жалованной грамоте великого князя Белозерскому Воскресенскому Череповецкому монастырю: «Что Свято-озерцо домовное святого Воскресения и его, и яз князь великий *не велел* ... своим рыболовом да и всем луковшаном *ловли деяти*, не вступатись в него ничем» (АФЗХ, т. 1, с. 242, 1448–1461 гг.). Выражение *ловли нет в участие (кому)* зафиксировано в письменных памятниках на территории Карелии: «За Сямостров в озере *ловли им нет в участие*» (Мат. ист. Кар., с. 72, 1582–1583 гг.). Формула *за рыбными ловлями (и за рыбною ловлею) не ходить* употреблена в Наказной памяти двинского воеводы (Сб. Кольск., с. 106, 1670 г.): «[О кречатых помощниках] А за своими б торгами и за промыслами и за звериными и за птичьими и *за рыбными ловлями* никто из них *не ходил*», «А за своими б никакими торгами и промыслами и *за рыбною ловлею не ходить*». А также отмечено выражение *на поледную мою ловлю не ходить*: «И на поледную мою ловлю с ними *не ходят*» (АФЗХ, т. 1, с. 190, 1522 г.).

При указании на количество лодок, неводов в процессе ловли в писцовой книге езовых волостей Белозерья многократно употребляется словосочетание *а в ловле (у кого) лодок (неводов)* (Белоз. писц. кн., 1585 г.): «А в ловле у них *17 лодок кереводных*» (с. 148), «А в ловле у них *7 неводов*» (с. 163).

В писцовых книгах новгородских земель при указании на отсутствие рыболовства также зафиксирована лексема *ловля* в формуле *рыбные ловли нет никакие (где)*: «А в Варжеме реке *рыбные ловли нет никакие*» (Писц. кн. новг. зем., т. 2, с. 6, 1524–1525 гг.).

2. Лексема *ловля* в значении ‘орудие для поимки рыбы’.

При описании условий пользования рыболовным угодьем отмечены:

— для разрешения на рыбную ловлю употреблялась формула *ловити всякими ловлями (всякою ловлею)* — в жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю: «Велел есми им *ловити* неводом и мережами и *всякими ловлями*, какими хотят, в Переславском озере, и в Сомине озере, и в реках» (АСЭИ, т. 1, с. 76, 1432–1445 гг.); в актах Кирилло-Белозерского монастыря — «*Ловит(ь)* рыбу в Белѡзере неводами и кереводами и переметы вершами и удами и иными *всякими ловлями*» (СлРЯ XI–XVII вв.,

вып. 8, с. 268, 1663 г.; Сл. промысл., вып. 2, с. 172, 1663 г.); «Въ Великой рѣкѣ ловятъ городцкие люди... всякими ловлями» (ПОС, вып. 17, с. 142, 1585–1587 гг.); «А на другой сторонѣ мѣсто Троицы Живоначальныя... а ловятъ рыбу... неведомъ и всякими ловлями» (Вып. кн. писц., с. 290, 1627 г.);

— при запрещении использования дополнительных рыболовных орудий — *особых рыбных ловель не ставить*, отмечено в памятниках Обонежья: «И никого не изгоняти из вопчие рыбные ловли, никому *особых рыбных ловель*, приколков *не ставить* и сетями не заметывать» (Кар. XVII в., с. 145, 1660 г.)

3. Термин *ловля* в значении ‘улов’. В данной Троице-Сергиеву монастырю оговаривается распределение улова, при этом зафиксировано выражение *вся ловля по половинам*: «А что в той рецѣ ѣзь и *вся ловля*, то нам *по половинам*» (АСЭИ, т. 1, с. 138, 1447–1449 гг.); в выписи из писцовых книг отмечено выражение *из ловли пятую рыбу*: «А архиепископу *из ловли* даютъ *пятую рыбу*» (ПОС, вып. 17, с. 142, 1670 г.).

4. Термин *ловля* в значении ‘рыболовное угодье’ наиболее широко представлен в памятниках письменности, следовательно, и деловых формул, включающих данную лексику в указанном значении, отмечено больше.

В жалованных грамотах формулы о пожаловании рыболовных угодий представлены сочетаниями *пожаловать ловли (воды для рыбной ловли)* — в жалованной грамоте Клименецкому монастырю в Обонежье (Барсов, Клим. м., с. 130, 1660 г): «*Пожаловаль...* во Онегѣ озерѣ *воды для рыбных ловли*» и «Тако же есмы Игумена з братьею *пожаловали, ловли*, что у них *ловля монастырская на море одна тоня*»; *владеть велено рыбными ловлями (кому)* — в грамотах Кольских: «И *рыбными ловлями* по той же книге Новозерским и Сонгельским лопарям *владеть велено*, а Печенгского монастыря старцом от тех рыбных ловель *отказать*» (Сб. Кольск., с. 159, 1709 г.); в жалованной грамоте Нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю: «И с теми *рыбными ловлями*, и всякими угоды *велено* им *владети* к монастырю» (АСЭИ, т. 3, с. 321, 1393–1446 гг.).

Отказ на просьбу о пожаловании угодий мог выражаться конструкцией *от тех рыбных ловель отказать* — например, в царской грамоте о предоставлении рыбных ловель лопарям: «А Печенгского монастыря старцом *от тех рыбных ловель отказать*» (Сб. Кольск., с. 159, 1709 г.).

Конструкция *в те ловли не вступаться (вступаться не велено) (кому)* использовалась при отказе на право рыбной ловли — например, в актах Соловецкого монастыря (в отступной): «А нам [крестьянам Выгоозер-

ской волости] *в те (рыбные) ловли не вступатись* ни в полпоезда и нет нам дело на Выгу реки ни до которых ловель своих участков ни до полупоезду» (Ист. Кар., с. 196, 1565 г.); в зарядной записи архимандритов Вознесенского Печерского и Симонова монастырей: «И впредь мне архимариту Иоилу з братью... *в те Симановские рыбные ловли*, кои в сей записи написаны, *не вступатись* и не владети некоторыми делы» (А. Симон. м., с. 279–280, 1610 г.); «А опричным людем у них *в те рыбные ловли* и в бобровые гоны и во всякие угодыя никому *вступатца не велено*» (АСЭИ, т. 3, с. 321, 1393–1446 гг.); в жалованной грамоте Киржачскому Благовещенскому монастырю: «А поледщики мои в те места реки Киржачя *не вступаютца, ни в-ыные их ловли*» (АСЭИ, т. 1, с. 102, 1438 г.). Запрещение пользоваться рыболовным угодем могло выражаться фразой (*той*) *ловли не ловить* — в грамоте великой княгини о ненарушении жалованной грамоты Чудову монастырю на ловли в реке Шерне: «*Тоѣ ловли* манастырские в рецѣ Шерне *не ловили*» (АСЭИ, т. 3, с. 60, 1453–1454 гг.)

Кроме этого, при отказе на право пользоваться рыболовным угодем в памятниках отмечены такие формулы, как *и нет нам дело ни до которых ловель* и *той ловли впредь ловить не мочно* — в отступной крестьян Соловецкому монастырю (Ист. Кар., с. 196, 1565 г.): «*И нет нам дело на Выгу реки ни до которых ловель* своих участков ни до полупоезду», «*И нам тое ловли впредь ловить не мочно*». В писцовых книгах при описании рыболовных угодий отмечены фразы *в ловли им нет в участие* и *рыбных ловель не явилось*, указывающие на отсутствие рыболовных угодий: «А за Сямостров в озере *ловли им нет в участие*» (Ист. Кар., с. 72, 1582–1583 гг.); «По Туломе реке *рыбных ловель* за ним строителем з братиею *не явилось*, а явилось по Кольской губе» (Сб. Кольск., с. 159, 1709 г.).

В случае решения спорных вопросов о праве пользования рыболовными угодыями отмечена фраза *и тѣхъ рыбныхъ ловель по писцовымъ книгамъ досмотреть вправду* — в царской грамоте Клименецкому монастырю (Барсов, Клим. м., 1667 г.): «*И тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель по писцовымъ книгамъ досмотрит вправду*» (с. 139), «*И тѣхъ монастырскихъ ловель рыбныхъ по писцовымъ послѣднимъ книгамъ досмотрит вправду* и описать имянно, по пяти ль версть тѣ рыбные ловли къ тому монастырю написаны» (с. 139), «Велено Климецкого монастыря земли *рыбныхъ ловель досмотрѣть, ...и тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель по писцовымъ послѣднимъ книгамъ досмотрит вправду*» (с. 144).

Большое разнообразие конструкций отмечено при описании условий пользования рыболовным угодем:

— *(рыбные) ловли (ловля) (в) вопче (вопчая) (с кем)* (Писц. кн. новг. зем., т. 2, 1550–1551 гг.): «А те ловли у них вопче с хутынскими крестьяны по годом» (с. 12); «Рыбные ловли в вопче с царевую великого князя волосткою... а ловят по годом» (с. 13); «Ловля вопчая по половинам» (с. 13);

— *ловят рыбную ловлю на собя*: «Да тое ж волости на рецы на Андоме и на Саре крестьяне ловят рыбную ловлю на собя колы и сетми» (Обон. писц. кн., с. 192, 1563 г.);

— *(велено) в рыбных ловлях ловить рыбу по-прежнему; велеть рыбными ловлями владеть по-прежнему*: «А велено в рыбных ловлях ловить рыбу по-прежнему» (Кар. XVII в., с. 41, 1640 г.); «И в тех рыбных ловлях рыба ловить попрежнему» (Сб. Кольск., с. 148, 1709 г.); «И нам великому государю пожаловать бы их [Печенгского монастыря старцев], велеть им теми их рыбными ловлями владеть по прежнему» (Сб. Кольск., с. 160, 1709 г.);

— *ловят ловлю по данной грамоте; рыбными ловлями владеть по прежним грамотам и по писцовым книгам*: «А ловят ту ловлю по данной грамоте старых бояр» (Обон. писц. кн., с. 154, 1563 г.); «Лопарям рыбными ловлями и всякими их угоды велел владеть по прежним и по сей нашей великого государя грамотам и по писцовым книгам Василья Агалина» (Сб. Кольск., с. 160, 1709 г.);

— *рыбная ловля по половинам; половина в ловле; а владеть во всех рыбных ловлях половиною (кому)*: «А в островех в онежских рыбная ловля тем крестьяном с хутынскими крестьяны по половинам» (Писц. кн. новг. зем., т. 2, с. 12, 1550–1551 гг.); «Да в Нуромской речке с Муромским монастырем рыбная ловля им по половинам» (Обон. писц. кн., с. 192, 1563 г.); «А в тех во всих в семи тонях великого князя Настасьинские волости половина в ловли» (Писц. кн. новг. зем., т. 1, с. 292, 1495–1496 гг.); «А владеть им старцам... во всех рыбных ловлях половиною» (Сб. Кольск., с. 151, 1709 г.);

— *ловят ловлю однимъ неводомъ*: «А ловятъ тое ловлю со зборного жъ воскресенья до Петрова дни однимъ неводомъ, и сѣтми, и переметы, и острогами... а въ осенинахъ тое ловлю ловятъ однимъ же неводомъ и удами съ Покрова святей Богородицы до перволедея» (Пск. писц. кн. 1, 91, 1587 г.);

— *ловити за рост рыбную ловлю (кому)*: «А ловити ему в Кеми реке за рост от лета 7081-го 5 лет и по рекам и по ловлям, чем Кузьма Горемыкин владел, рыбную ловлю» (Ист. Кар., с. 222, 1572 г.);

— *ловят в тех рыбных ловлях (что)*: «А ловятъ въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ: в рѣкахъ сиги и всякую мелкую рыбу сетми частыми, а въ заколахъ лососи и пальи» (Олон. сб., с. 29, 1628 г.);

— и никого не изгоняти из вопчие рыбные ловли: «И никого не изгоняти из вопчие рыбные ловли, никому особых рыбных ловель, приколков не ставить и сетьми не заметывать» (Кар. XVII в., с. 145, 1660 г.);

— и теми рыбными ловлями велено владети: «И с теми рыбными ловлями, и всякими угоды велено им владети к монастырю; а опричным людем у них в те рыбные ловли и в бобровые гоны и во всякие угоды никому вступатца не велено» (АСЭИ, т. 2, с. 321, 1393–1446 гг.).

При описании отсутствия рыболовства на рыболовном угодые использовались фразы *лежит ловля пуста; ловли были пусты; ловель не ловит никто*: «А выше Рангача Пустолой Конец у Серьяшского устья ловля коловая... А *лежит* та ловля пуста, не колит нихто» (Писц. кн. новг. зем., т. 1, с. 297, 1495–1496 гг.); «А послѣ псковского осаду тѣ ловли были пусты» (Пск. писц. кн., кн. 1, с. 90, 1587 г.); «Тоть Ларионко збѣжалъ за озеро въ нѣмецкую землю, а исадъ пусть и ловель не ловить нихто» (Пск. писц. кн., кн. 1, с. 91, 1587 г.).

В купчих, закладных, жалованных грамотах, при указании прилегающих к владению угодий, повсеместно применяется словосочетание *и с рыбною ловлей*: «Продад есми Соловецкого монастыря игумену... место, за морем, згодья заморского у своего двора и с теребы и со всем згодьем, и с рыбною ловлей» (Кар. XVII в., с. 18, 1606 г.); «Язь кнзь великий Олегъ Иванович придал есмъ стѣи Бдци на Солодушу Савицкой остров с Холкавскою лукою перекопью з бортными ухожьи і з бобровыми лов'ли и с рыбною ловлею с озером Тишью і с поземом і с рѣзанкою» (Пам. Ряз., с. 81, 1390–1401 гг.); «Прадали есмы... и свои жеребеи дворы и огороды и усады и околицу и хмелники и пашню и покосы и луги и лѣс пашеннай и непашеннай и с озеры и с рыбнаю ловлею и с бобры и со всякими угоди по кои мѣсто к тому нашему жеребю истари тянула» ((Пам. Ряз., с. 39–40, 1556 г.).

Рассмотренные выражения со словом *ловля* не сохранились в литературном русском языке, в языке специальной литературы и в русских народных говорах.

Источники

А. моск. м. и соб. — Акты русского государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV — нач. XVII в. М., 1998.

А. Симон. м. — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983.

А. Солов. м. — Акты социально-экономической истории Севера России конца XVI в. // Акты Соловецкого монастыря: 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 3 т. М., 1952–1954.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.: В 3 т. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. М., 1951–1961.

Барсов, Клим. м. — Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы съ приписными къ нему пустынями, царскими и иераршими грамотами // Чтения ОИДР. М., 1870. Кн. 4. С. 1–171.

Белоз. писц. кн. — Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. М.; Л., 1984.

Вып. кн. писц. — Выпись из Псковских писцовых книг // Труды Псковского археологического общества 1911–1912 гг. Вып. VIII. Псков, 1912. С. 285–296.

Ист. Кар. — История Карелии XVI–XVII вв. в документах. [Т.] 3. Петрозаводск; Йоэнсу, 1993.

Кар. XVII в. — Карелия в XVII веке: Сб. документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.

Мат. ист. Кар. — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

Обон. писц. кн. — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930.

Олон. сб. — Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 1–268.

Пам. Ряз. — Памятники русской письменности: Рязанский край. М., 1979.

Писц. кн. новг. зем. — Писцовые книги новгородских земель. Т. 1, М., 1999; Т. 2. СПб., 1999.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л./СПб., 1967–2006.

Пск. писц. кн. — Псков и его пригороды: [Подлинная писцовая книга № 335]. Кн. 1: 1585–1587. М., 1913. (Сб. Московского архива Министерства юстиции. Т. 5).

Сб. Кольск. — Сборник материалов по истории Кольского полуострова: В XVI–XVII вв. // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия северная. Л., 1930. Вып. 28.

Сл. промысл. — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 2: К–О. СПб., 2005.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

Примечания

¹ Названия рыболовных орудий и рыболовных угодий со словом *ловля* рассматривались нами ранее, см.: Карамышева Л. М. 1) Общие наименования рыболовных орудий, совокупности рыболовецкого инвентаря (по материалам русской письменности XV — начала XVIII в.) // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 17: Историческая лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. С. 8–15; 2) Слово *ловля* в древнерусском языке (По материалам письменности XIV–XVII веков) // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). [Вып. 2:] Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Международной филологической конференции. СПб.: Наука, 2006. С. 38–44.

² Слово *ночь* имеет здесь значение ‘право на улов рыбы в течение одной ночи’ (Сл. промысл., с. 282).

Ю. В. Кириллов

**К ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ
В ТАМОЖЕННЫХ КНИГАХ
(О наименованиях человека
на материале великолукских таможенных книг XVII века)**

Лексический состав таможенных книг обусловлен их назначением — фиксацией взимания пошлин с продаж. Денежные операции требовали точных указаний на суммы и подробных перечислений товаров, в языковом плане это определяло наличие большого количества номинативных единиц.

Структура таможенных книг также влияла на их лексический состав. В каждой структурной части содержался определенный набор реквизитов, который выдерживался достаточно четко и не менялся в течение длительного времени¹. Реквизитам соответствовала лексика определенных лексико-тематических (далее — ЛТГ) и лексико-семантических (далее — ЛСГ) групп². Так, в реквизите характеристики товаров содержались метрологическая лексика, наименования денежных единиц, лексические группы, отражающие перечень наименований товаров и их характеристик (в Великолукских таможенных книгах к таким относятся ЛСГ «наименования скота», ЛТГ «наименования видов мяса», ЛСГ «наименования видов рыбы», ЛСГ «наименования зерновых и бобовых культур», ЛСГ «наименования овощных культур», ЛТГ «наименования спиртных напитков» и др.).

В материалах таможенных книг можно выделить четыре неравноценные по объему ЛТГ, связанные с наименованием человека: «наименования человека по отношению к месту жительства» (I.)³, «наименования человека по отношению к национальности» (II.), «наименования человека по отношению к общественному положению» (III.), «наименования человека по отношению к родству» (IV.). Наличие у лексики вышеперечисленных групп общей семы ‘наименование человека’ позволяет говорить и о группировке более высокого порядка — семантическом поле «наименования человека»⁴.

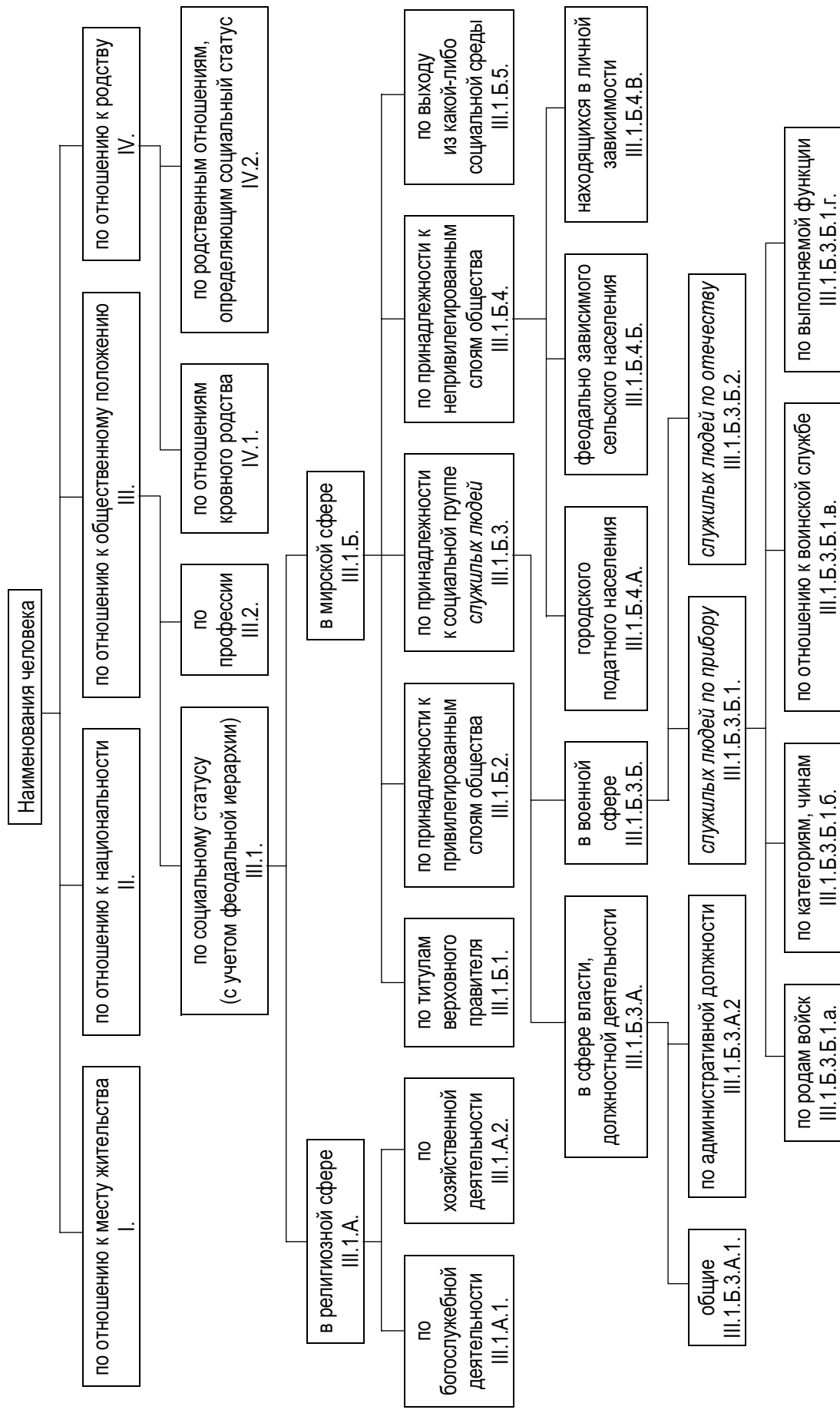

Рис. Структурная организация лексики поля «наименования человека» (с учетом специфики таможенных книг).

Лексика поля «наименования человека» встречается в начальных протоколах таможенных книг. Реквизиты юридического основания и сведений об ответственных за работу таможни лицах содержат лексику таких подгрупп ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению» (Ш.), как «титулы верховного правителя» (Ш.1.Б.1.), «наименования по принадлежности к привилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.2.), «наименования в сфере власти, должностной деятельности» (Ш.1.Б.3.А.). Ср.: «По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца [реквизит юридического основания, формула имени собственного и титула царя. — Ю. К.] указу и по приказу стольника и воеводы князя Осипа Федоровича Борятинского [формула титула⁵ и имени собственного. — Ю. К.] и по выбору Луцкии таможенны избы верной торопецкой [реквизит сведений об ответственных за работу таможни лицах, формула указания места жительства. — Ю. К.] голава Иван Герасимов [формулы титула и имени собственного. — Ю. К.] да ларечной Тимофей Чюпров да цалавальники Борис Пошивалов, Микита Афремов, Григоре[й] Мокорев [формулы титулов и имен собственных. — Ю. К.]» (ВлТК 1675/76, л. 24). В начальный протокол *статей* содержательной части таможенных книг входит реквизит информации об участвующем в торговой сделке лице, который включает формулы имени собственного, указания на место жительства, указания на социальный статус и указания на национальную принадлежность. Ср.: «Таго же числа взято на луцком [реквизит сведений об участвующем в торговой сделке лице, формула указания места жительства. — Ю. К.] стрельце [формула указания на социальный статус и профессию. — Ю. К.] на Афанасье Пояркове [формула имени собственного. — Ю. К.] с семинатцати пуд соли по продаже с полутретью Рублев... с рубля по гривне, восемь алтын две денге» (ВлТК 1670/71, л. 273).

Наиболее важной для таможенных чиновников была информация о территориальной принадлежности торговца, поскольку размер пошлин мог различаться в зависимости от места жительства (местные получали скидку). Соответственно, ЛТГ «наименования человека по отношению к месту жительства» (I.) — одна из наиболее полно представленных. В материалах таможенных книг XVIII в. ее ядро составляли существительные, образованные от топонимов (*московитин*)⁶; примыкали к ЛТГ сочетания слова *житель* с оттопонимическим прилагательным (*брянской житель*) и существительным-топонимом (*села Разветя жытел*)⁷. В документах XVII в. эти способы передачи информации о месте жительства также были активны. Ср.: «...взято на таропчанине на Иване Белавине» (ВлТК 1670/71,

л. 305); «...взято на луцком стрельце [вместо слова *житель* использована формула указания на социальный статус и профессию. — Ю. К.] на Леве Лапине» (ВлТК 1670/71, л. 265 об.); «...взято из Ерославского уезда Борисоглебские слободы || на посадком человеке на Иване Правидникове» (ВлТК 1671/72 бел., л. 57–57 об.). По материалам таможенных книг XVII в., в которых стандартизация способов передачи содержания реквизита не была такой жесткой, в состав ЛТГ «наименования человека по отношению к месту жительства» (I.) входили также субстантивированные прилагательные, ср.: «...взято на вилинском на Яне Зофориче» (ВлТК 1675/76, л. 35 об.), на периферии ЛТГ находились прилагательные, образованные от названий топообъектов (прежде всего церквей), соотносящихся с определенной, известной таможенным чиновникам территорией, ср.: «...взято на покровском [т. е. церкви Покрова Богородицы в г. Великие Луки. — Ю. К.] попе Михаиле Маркове» (ВлТК 1670/71, л. 304 об.). Прослеживаются дублетные образования: *полочанин* — *полоцкий (мещанин)*; *новгородец (посацкий человек)* — *новгородский (казак)*; *везавской (крестьянин)* — *везавской волости (крестьянин)* и др.

Информация о национальности торговца сама по себе не влияла на размер пошлины. Формула указания на национальную принадлежность появлялась в реквизите сведений о торговце прежде всего в случае, если он был иностранцем⁸. Таким образом, информация о национальности обычно присутствовала лишь тогда, когда она сообщала обстоятельства, влияющие на обложение пошлиной (например, указывала на то, что торговец — подданный другого государства)⁹. Поэтому ЛТГ «наименования человека по отношению к национальности» (II.) в материалах таможенных книг XVII в. имеет сравнительно небольшой объем. В Великолукских таможенных книгах зафиксировано единственное наименование человека по национальному признаку — существительное *жид* ‘еврей, иудей’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5, с. 107; СлРЯ XVIII в., вып. 7, с. 133; ПОС, вып. 10, с. 107). Отметим попутно, что слово *еврей* для обозначения соответствующей национальности в делопроизводственную практику вошло только в конце XVIII в.¹⁰ Анализ контекстов, в которых слово *жид* встречается в Великолукских таможенных книгах, позволяет выявить ряд особенностей его употребления. Ср.: «Взято на жиде на Осипе Якобове со штидесят со шти ведр вина...» (ВлТК 1670/71, л. 310). В Великолукских таможенных книгах в 80 % контекстов, в которых фигурирует упоминание торговца-еврея, в реквизите сведений о лице, участвующем в таможенной операции, отсутствует обязательная для реквизита таможенных книг XVII–XVIII вв. формула указания на территориальную принадлежность торгов-

ца. Подчеркнем, что в случаях с другими категориями торговцев пропуски этого реквизита практически не встречаются. Это может свидетельствовать о том, что само слово *жид* устойчиво ассоциировалось с определенной территориальной принадлежностью человека, и эти ассоциации, вероятно, были достаточны и для составителей книг (администрации Великолукской *таможенной избы*), и для их адресатов (проверяющих из Разрядного приказа в Москве). Понятие «черта оседлости» появилось почти сто лет спустя, однако оно закрепляло исторически сложившуюся ситуацию: абсолютное большинство евреев в конце XVII в. проживало на вновь присоединенных западных территориях. Великие Луки, хотя и были приграничным городом, в черту оседлости не входили, и потому в Великолукских таможенных книгах упоминания наименования по национальному признаку (*жид*) было достаточно для однозначного определения положения торговца в важной для взимания пошлин системе координат «местный — не местный».

Информация о социальном статусе и профессии, хотя и была ценной для идентификации торговца, непосредственно для взимания пошлин не требовалась и потому могла представляться с разной степенью подробности или вообще опускаться. Для делопроизводственных нужд более важной была информация о социальном статусе. Это связано с тем, что хотя единая *рублевая пошлина* взималась со всех категорий населения одинаково, для занятия торговлей существовали сословные ограничения¹¹. ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению» (III.) по данным Великолукских таможенных книг представлена прежде всего лексикой, связанной с сословным делением людей.

Подгруппа «наименования по профессии» (III.2.) в Великолукских таможенных книгах содержит только две лексические единицы — существительное *ямщик* и устойчивое сочетание прилагательного с существительным *торговый человек* — ‘купец, торговец, промышленяющий торговлей’ (Даль, т. 4, с. 419). В деловых памятниках XV–XVII вв. это словосочетание в основном употреблялось в значении ‘профессиональный торговец’ и являлось синонимом сочетания *купецкий человек*. Как отмечает И. А. Малышева, в таможенных документах XVIII в. существовала тенденция замены общего указания на социальный статус (сочетание *посадский человек*) общим указанием на профессию (сочетания *купецкий человек* и *торговый человек*)¹². В Великолукских таможенных книгах сочетание *посадский человек* очень частотно, а словосочетание *торговый человек* встречается всего несколько раз и только в контекстах типа «Луцкие таможенные избе верной голова Игнатей Камочов да ларечной Петр Ов-

чинников... збирали || ...таможенную пошлину *со всяких чинов торговых людей*» (ВлТК 1670/71, л. 248–248 об.). Можно предположить, что здесь сочетание употреблено не в значении ‘профессиональный торговец’, а в более общем — ‘человек, участвующий в торговой операции’, что подчеркивается сочетанием *со всяких чинов*.

Лексика, связанная с наименованием человека по социальному статусу (Ш.1.), в Великолукских таможенных книгах представлена подгруппами:

— «наименования человека по социальному статусу в мирской сфере» (Ш.1.Б.), в том числе подгруппы «титулы верховного правителя» (Ш.1.Б.1.): *великий государь, великий князь, самодержец*; «наименования по принадлежности к привилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.2.) — *князь*; «наименования по принадлежности к социальной группе *служилых людей*» (Ш.1.Б.3.) — ср. *служилые люди* ‘люди, выполнявшие определенные обязанности в пользу государства, несшие службу (в том числе военную)’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 131–132); «наименования по принадлежности к непривилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.4.) и «наименования по выходу из какой-либо социальной среды» (Ш.1.Б.5.): *вольный человек*;

— «наименования человека в религиозной сфере» (Ш.1.А.), в том числе подгруппы «наименования по богослужебной деятельности» (Ш.1.А.1.): *дьякон, пономарь, поп, причетник*; «наименования по хозяйственной деятельности» (Ш.1.А.2.): *просвирница*.

Остановимся подробнее на словах подгрупп «наименования по принадлежности к социальной группе *служилых людей*» (Ш.1.Б.3.) и «наименования по принадлежности к непривилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.4.). Первая подгруппа делится на две более частные — «наименования *служилых людей* в сфере власти, должностной деятельности» (Ш.1.Б.3.А.) и «наименования *служилых людей* в военной сфере» (Ш.1.Б.3.Б.).

В подгруппе «наименования *служилых людей* в сфере власти, должностной деятельности» (Ш.1.Б.3.А.) отмечены «общие наименования» (Ш.1.Б.3.А.1.): существительные *дьяк, подьячий* — и «наименования по административной должности» (Ш.1.Б.3.А.2.): существительные *воевода, голова, дьячок, стольник, сторож, целовальник* ‘служащий’ (Даль, т. 3, с. 450), устойчивое сочетание *городавой прикащик*, ср.: ‘лицо, уполномоченное контролировать деятельность органов наместнического управления’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 19, с. 172), ‘лицо, смотревшее за исправностью городских стен’ (Даль, т. 3, с. 415–416); прилагательные *верной (го-*

лова), т. е. ‘приведенный к присяге’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 92), *таможенный* (*голова, сторож, дьячок*). В данную подгруппу входит и субстантивированное прилагательное *ларечный*, имеющее значение ‘выборное должностное лицо, следившее за порядком торговли и правильной уплатой пошлин’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 172); ср.: ‘казначей’ (Даль, т. 2, с. 238). В ПОС слово *ларечный* зафиксировано только как прилагательное со значением ‘относящийся к торговому заведению, ларьку’ (ПОС, вып. 16, с. 510).

В подгруппу «наименования *служилых людей* в военной сфере» (Ш.1.Б.3.Б.) входят: 1) «наименования *служилых людей по прибору*»¹³ (Ш.1.Б.3.Б.1.) с восемью наименованиями, объединяющимися в более частные подгруппы: «наименования *служилых людей по родам войск*» (Ш.1.Б.3.Б.1.а.): существительные *казак, пушкарь, стрелец*; «наименования *служилых людей по категориям, чинам*» (Ш.1.Б.3.Б.1.б.): существительные *десятник, пятидесятник*, субстантивированное прилагательное *рядовой*; «наименования *служилых людей по отношению к воинской службе*» (Ш.1.Б.3.Б.1.в.): прилагательное *отставной* (*казак, стрелец*); «наименования *служилых людей по выполняемой функции*» (Ш.1.Б.3.Б.1.г.): существительное *рассыльщик* — ‘должностное лицо, посылаемое с поручениями в отъезд’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22, с. 75); 2) «наименования *служилых людей по отечеству*» (Ш.1.Б.3.Б.2.), т. е. для XVII в. наименования лиц, владевших землей при условии несения военной службы (БСЭ, т. 23, с. 592): существительные *дворянин* ‘лицо, находящееся на службе при дворе князя’, ‘лицо, причислявшееся с середины XVI в. к государеву двору’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 194–195), а также однокоренные и употребляющиеся как синонимы существительные *шляхта* и *шляхтич*, ср.: ‘польский дворянин’ (Даль, т. 4, с. 640). Перечисленные слова имели в XVII в. общие семы ‘находящийся на военной службе’, ‘владеющий землей при условии несения службы’ и дифференцировались по отнесению к территориальной принадлежности: *дворянином* назывался *служилый человек по отечеству*, проживавший на территории России, *шляхтичем* — *служилый человек по отечеству*, проживавший на вновь присоединенных западных землях и перешедший на царскую службу¹⁴. Подтверждается такая дифференциация и данными Великолукских таможенных книг — слово *дворянин* встречается в сочетании только с оттопонимическим прилагательным *луцкий*, а слова *шляхта* и *шляхтич* — в сочетании с прилагательными *вितिбский* и *невельский*, образованными от названий городов, находящихся на присоединенных западных землях.

К подгруппе «наименования по принадлежности к непривилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.4.) относятся «наименования податного городского населения» (Ш.1.Б.4.А.): сочетание *посадкий человек* (ср. *посадские люди* ‘тяглое торгово-ремесленное население русских городов’, СлРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 153) и существительное *мещанин* (в данном случае, вероятно, ‘горожанин вообще, представитель торгово-ремесленной части населения города в западнорусских, западнославянских, литовских городах’, СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 143–144). Сочетаемость этих наименований в Великолукских таможенных книгах позволяет предположить, что, при общей части ‘представитель податного городского торгово-ремесленного населения’ в значении, различие между устойчивым сочетанием *посадский человек* и словом *мещанин* также сводится к территориальной отнесенности (слово *мещанин* употребляется для обозначения жителя города на присоединенных западных землях). Ср.: «...явил *лучанин посадкой человек* Елисей Деревеников три борова» (ВлТК 1671/72 черн., л. 18 об.); «...взято на *полоцком мещанине* на Федоре Шестакове со штинатцати пуд меду» (ВлТК 1669/70, л. 258)¹⁵.

К подгруппе «наименования по принадлежности к непривилегированным слоям общества» (Ш.1.Б.4.) относятся также «наименования людей, находящихся в личной зависимости» (Ш.1.Б.4.В.): существительное *человек*, «общие наименования феодально зависимого сельского населения» (Ш.1.Б.4.Б.): существительное *крестьянин*, конкретизирующие тип феодальной зависимости прилагательные *дворовый (крестьянин)* ‘взятый на барский двор для обслуживания дома и семьи помещика’ (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 55–56), *дворцовый (крестьянин)* ‘принадлежащий дворцу как административно-хозяйственному центру’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 194), *митрополий (крестьянин)* ‘принадлежащий митрополиту’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 181–182), *патриарший (крестьянин)* ‘относящийся к патриарху, принадлежащий ему’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 172–173).

Слово *человек* представляет особый интерес в связи с тем, что с ним связан единственный случай, когда в статье Великолукских таможенных книг отсутствует формула имени собственного. Ср.: «Таго же числа взято на князь *Иванове человеке Борятинском* с одиннатцати ведр вина по продажной цене с полушеста рублев, с рубля по десяти денег, девять алтын одна денга» (ВлТК 1669/70, л. 282). Здесь реквизит обозначения лица, совершающего торговую сделку, содержит формулу указания на зависимость от феодала (*князя Ивана Борятинского*) со словом *человек* — ср. ‘служитель, прислуга’ (Даль, т. 4, с. 558). Имя собственное этого *человека* в ста-

тье не приводится. Возможно, на пропуск имени собственного повлиял именно низкий социальный статус предъявителя товара.

Обширная в языке XVII в. ЛТГ «наименования человека по отношению к родству» (IV.) в материалах Великолукских таможенных книг представлена только существительным *сын* в составе имен собственных (ср. «...взято на невелиском казаке на Куземки *Васильеве сыне* Поворни-не», ВлТК 1670/71, л. 299) и сочетаниями *казачий сын* и *пушкарский сын*, которые находятся на периферии группы и примыкают к наименованиям *служилых людей*, поскольку передают не столько непосредственно отношения родства, сколько особый статус — наследственную принадлежность к социальной группе *служилых людей по прибору*¹⁶.

Критериями отбора языкового материала, которыми руководствовались составители отчетных таможенных документов, по всей видимости, были ясность и понятность текста. Это обуславливает явное преобладание в таможенных книгах общерусской лексики. Проводимые наблюдения над спецификой языкового оформления текстов в Великолукских таможенных книгах свидетельствуют о значимости исследуемого памятника как лингвистического источника, в том числе для пополнения лексических материалов в исторической части ПОС.

Источники

ВлТК 1669/70 — Таможенная книга города Великие Луки 1669/70 гг. (беловой вариант) // Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подг. А. В. Юрасов. М., 1999. С. 21–52.

ВлТК 1670/71 — Таможенная книга города Великие Луки 1670/71 гг. (беловой вариант) // Там же. С. 53–96.

ВлТК 1671/72 черн. — Таможенная книга города Великие Луки 1671/72 гг. (черновой вариант) // Там же. С. 97–156.

ВлТК 1671/72 бел. — Таможенная книга города Великие Луки 1671/72 гг. (беловой вариант) // Там же. С. 157–208.

ВлТК 1675/76 — Таможенная книга города Великие Луки 1675/76 гг. (беловой вариант) // Там же. С. 209–253.

ВУТК 1633/34 — Таможенная книга города Великий Устюг 1633/34 гг. (беловой вариант) // Таможенные книги Московского государства XVII века / Под ред. А. И. Яковлева. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 11–154.

Словари

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.

БСЭ — Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969–1979.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л./СПб., 1967–2006.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л./СПб., 1984–2005.

Примечания

¹ См.: Малышева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск., 1997. С. 64–73.

² Под термином «лексико-семантическая группа» здесь и далее понимаем формально-семантический класс, объединяющий слова одной части речи, которые обладают общей семой. Под термином «лексико-тематическая группа» здесь и далее понимаем группу слов (в том числе и разных частей речи), объединенных общей тематикой. См.: Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 227–239; Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982. С. 71–87; Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 127–132.

³ Здесь и далее в скобках указаны позиции в схеме (см. рис.).

⁴ Под термином «семантическое поле» здесь и далее понимаем наиболее общий формально-семантический класс, основными признаками которого признаются: общирность, целостность, непрерывность, упорядоченность, взаимозаменяемость и смысловая аттракция компонентов. См., например: Денисов П. Н. Указ. соч. С. 127–132.

⁵ Под термином «титул» здесь и далее понимаем слово или словесную формулу, которыми именуется лицо в соответствии с его почетным званием, служебным положением и т. п. См.: БАС, т. 15, с. 478.

⁶ Цитаты из документов XVIII в. приводятся по: Малышева И. А. Указ. соч.

⁷ См.: Там же. С. 74–75.

⁸ Об этом же см.: Там же.

⁹ Переходными между наименованиями по месту жительства и по национальности являются образования типа *галанские земли*, *анбурские земли*, косвенно указывающие на национальность. Ср. (ВУТК 1633/34): «*Галанские земли* [подданный Голландии. — Ю. К.] Авраам || Иванов с товарищем... платили» (л. 268–268 об.); «...*анбурские земли* [гражданин вольного города Гамбурга. — Ю. К.] немчин Елисей Иванов сын Бормот купил...» (л. 91).

¹⁰ Подробнее см.: Рессин Г. Царская политика в еврейском вопросе // Родина. 2002. № 4–5. С. 77–84.

¹¹ См.: Аракчеев В. А. Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 260–264.

¹² См.: Малышева И. А. Указ. соч. С. 76–80.

¹³ *Служилые люди по прибору* — люди, набравшиеся из разных сословий и получавшие за службу денежное и хлебное жалованье, а не земельные наделы (БСЭ, т. 23, с. 592).

¹⁴ Ср.: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 135–162.

¹⁵ Примечательно, что в Великолукских таможенных книгах совместно с существительными *вербянин* и *невлянин*, а также прилагательным *невельский* употребля-

лись и словосочетание *посадукий человек*, и существительные *мещанин* и *шляхта*. Ср.: «...взято на *верблянине посадуком человеке* на Осипе Панчирном» (ВлТК 1671/72 бел., л. 69 об.); «...взято на *верблянине мещанине* на Степане Растовском (ВлТК 1671/72 бел., л. 74 об.); «...взято на *невельском шляхты* у Тимофея Обсурденка с трех ведр вина» (ВлТК 1669/70, л. 279 об.); «...взято на *невлянине посадуком человеке* на Федьки Мики||форове з двунатцати ведр вина» (ВлТК 1669/70, л. 229). Вероятно, это связано с тем, что в XVII в. указанные территория несколько раз меняли подданство.

¹⁶ Подробнее об этой категории населения на Псковской земле см.: Аракчеев В. А. Указ. соч. С. 262.

Е. В. Ковалых

О НЕИЗУЧЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КНИГЕ XVII ВЕКА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В Государственном архиве Псковской области в составе фонда Псково-Печерского монастыря (ф. 499, оп. 1) значится хозяйственная книга середины XVII в. — «Книга о приходе и разделе пятинного хлеба 1643–1644 гг. (Кн. 1643–1644 гг.). Объем памятника — 316 листов. Переплет не сохранился. Книга написана, по-видимому, пятью писцами, имена которых не указаны.

Кн. 1643–1644 гг. представляет собой конволют, в состав которого входят следующие документы:

- 1) Приказ горние половины (л. 1 об.–18 об.);
- 2) Книги умолотного старца Селивестра Подгорнего приказу (л. 19–41 об.);
- 3) Книги деловые пятинному хлѣбу Мокролуцкого приказу (л. 42–60 об.);
- 4) Книги деловые Тростянского приказу (л. 61–81 об. на листах меньшего формата);
- 5) Книги деловые о орженые и о еровые Куленского приказу (л. 82–107 об.);
- 6) Книги Метковичково приказу мнстрьскому казенному пятинному хлѣбу ржи и яри и всякому мелкому обилью (л. 108–121 об.);
- 7) Книги Пачковсково приказу (л. 122–136 об.);
- 8) Книга деловая хлебная Константиновского приказу и Новосельского (л. 137–163);

9) Книга приемная •РНА• [151] года Прчстые Бдцы Печерскаго мнстря (л. 164–272);

10) Книга расходная •РНВ• [152] года (л. 274–316).

Книги имеют разные скрепы (по одной на нижнем поле листа). В 1-й и во 2-й книгах находим: «К сем книгам черной поп Тарасеи по его велению руку приложил...» (непонятно, по чьему велению поставлены скрепы; можно предположить, что листы, содержащие эту информацию, изъяты, но текст показывает, что все листы на месте). В 3-й: «К сим книгам черной поп Антонище вмѣсто сна своего дховнаго Генадия по его велению руку приложил...». В 4-й части скрепу поставил тот же человек (это подтверждает и почерк): «К сим книгам черной поп Антонище вмѣсто сна своего дховнаго старца Аврамия по его велению руку приложил...». В 5-й и 8-й обнаруживается скрепа: «К сем книгам черной поп Тарасеи руку приложил...»; в 6-й и 7-й: «К сим книгам чернецъ Петрище руку приложил...». В последних двух книгах (9-й и 10-й): «К сем книгам старец Кирило руку приложил...». Разные скрепы, почерки, разные форматы тетрадей свидетельствуют о том, что эти документы составлялись по отдельности в разных местах, а затем были объединены. Подтверждением тому может служить и дата, с которой начинается каждая книга (1-я, 2-я и 5-я книги с 1 августа; 4-я с 1 сентября и т. д.).

Вступительные статьи, разные по объему, предваряют каждую книгу. Все они выстроены по одному плану: указывается дата, по чьему распоряжению производятся записи, кому поручено следить за приемом хлеба, что предполагается учитывать, завершается статья традиционной формулой: «И то писано в сих книгах порознь и по статьям».

По характеру статей основной части книг можно говорить о сближении их с приходо-расходными книгами. Так, в первых восьми книгах тексты сходные, в них передается учет урожая, например: «**б** Гаврилко Иванов выделено у него ржи •к• снопов, ярицы •е• снопов, умолочено ржи у него пол осмины с четвериком с корцом ярицы пол •в• корца» (Кн. 1643–1644 гг., л. 15 об.). В 9-й книге («Книга приемная») текст отражает акт приема хлеба в закрома монастыря: «**в** Матюшка хват привез пятаины двѣ чети ржи жита пол осмины полтора четверика овса полторы чети ярицы два корца лну восьми гривенок» (Кн. 1643–1644 гг., л. 165). Следует отметить, что чернила, которыми написаны имена, и чернила, которыми написан основной текст, часто различаются. Причем имена написаны аккуратно, а текст — бегло, сбивчиво, что свидетельствует о том, что имена писались заранее, а запись о приеме хлеба дописывалась потом, в процессе приема урожая.

Наконец, 10-я книга («Книга расходная») повествует о том, как расходуется хлеб в хозяйстве монастыря: «Сентября в •д• де(нь) выдано на солод сем чети с осминою ржи на Корове село для дружинников полтора четверика гороху жнецом на Большое Корове село полтора четверика гороху» (Кн. 1643–1644 гг., л. 275).

Содержание книги определяет состав лексики данного памятника. Можно выделить следующие основные лексические группы:

- 1) метрологическая лексика;
- 2) названия сельскохозяйственных культур;
- 3) нарицательные наименования людей по их социальному положению, занятиям и т. п.;
- 4) собственные личные имена;
- 5) топонимы (названия селений).

Среди названий метрологических единиц можно назвать такие, как *осьмина*, *четь*, *четверик*, *корец*, а также *копна*, *куча*, *сноп*, например: «Выделено ржи •в• *копны* •ле• *снопов*, жита •к• *снопов*, овса •в• *копны* •і• *снопов*, пшеницы •еі• *снопов*; умолоту ржи •в• *чети* пол •в• *осмины* и •в• *корца*, жита *полосмины*, овса •в• *чети* с *четвериком*, пшеницы *четверик* •г• *корца*, гречи *четверик* с *корцом*, семени *корец* конопляного, гороху *корец*, лну •г• *гривенки*» (Кн. 1643–1644 гг., л. 2). Лексема *куча* в СлРЯ XI–XVII вв. фиксируется, помимо прочего, в значении ‘кладь, скирд хлеба’ (вып. 8, с. 151), однако в нашем памятнике это слово, как кажется, используется в значении, близком к метрологическому, о чем могут свидетельствовать примеры такого характера: «Выделено жита •гі• *кучи*» (Кн. 1643–1644 гг., л. 9 об.). Встретилось и производное слово *кучка*, которое представлено в таком контексте: «Жита пол •в• *кучки*» (Кн. 1643–1644 гг., л. 147). Для измерения льна используются меры *гривенка*, *пудок*: «Лну •г• *путка* •еі• *гривенок*» (Кн. 1643–1644 гг., л. 175).

В группу наименований сельскохозяйственных культур входят такие наименования, как *горох*, *греча*, *жито* в значении ‘ячмень’, *конопляное семя*, *лен*, *овес*, *пшеница*, *рожь*, а также *ярица* как общее название для яровых культур. Существительное *обилье* выступает в значении ‘злаки, колосовые’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 52), что подтверждается контекстом, в котором оно сопровождается определениями *всякое*, *мелкое*: «Умолочено ржи и жыта || и овса и *всякого мелкого обилия*» (Кн. 1643–1644 гг., л. 80 об.–81).

Среди нарицательных наименований людей по роду занятия можно отметить лексемы *баиник*, *блюдник*, *жнец*, *конюх*, *пральник*, *сусленик*, *угольник* и др. Лексема *пральник* встречалась и в переписных книгах Пско-

во-Печерского монастыря. Значение слова связано с понятием 'делать белье чистым', а само слово образовано от глагола *прати* (корень *пър-*). Слова *пральникъ* и *прать* известны и современным народным говорам (СРНГ, вып. 31, с. 69). СРНГ фиксирует четыре значения слова *пральникъ*: 1) 'валек для стирки белья на речке', 2) 'цеп', 3) 'место, где полощут белье', 4) 'большое деревянное корыто, в котором стирают' (вып. 31, с. 66). По данным КПОС, в псковских говорах слово *пральник* используется в двух значениях: 1) 'валек для стирки белья': «Сасэди халсьтінскае бельё *прáльникам* пирúт». Порх.; «Пасьтэли прáли на рикé *прáльникам*». Порх.; «На кáмни *прáльникам* халшшэвыя бяльё прáли. Штоп чíшшы бы́ла». Н-Рж.; 2) 'место, где стирали, прали белье': «Схажу́-ка я на *прáльник*, палавикí вы́пру». Остр.; «Зимой-та бильё паласка́ю до́ма, а ни на *прáльники*». Сош.

Таким образом, глагол *прать* и его производные, в частности *пральник*, широко распространены в русских говорах. Глагол *прать* был общерусским и в древнерусском языке. Еще в Изборнике Святослава 1073 г. упоминается: «Горько бо есть обыкнути часто омывание, часто бо *перомое*, и сквърнимое, и сътираемое оутьло и непотребьно будет» (Срезн., т. 2, с. 1761). Если распространенность глагола *прати* в памятниках письменности не вызывает сомнений, то существительное *пральникъ*, по данным КДРС, зафиксировано только в переписной книге Псково-Печерского монастыря 1639 г.: «У *пральника* котел в пять ведрь» (Кн. пер. 1639 г.). В псковских переписных книгах 1652, 1655, 1663 гг. (Кн. пер. 1652 г.; Кн. пер. 1655 г.; Кн. пер. 1663 г.) обнаружены примеры употребления слова *пральникъ* в аналогичном контексте, например: «У *пралника* два котла один в четыре ведра а *другой* в два ведра» (Кн. пер. 1655 г., л. 173). Кроме того, лексема косвенно присутствует в полуфамилии: «Стафешко *Пральников*» (Кн. прих.-расх. 1674–1675 гг., л. 71). СЛРЯ XI–XVII вв. (вып. 18, с. 134) поясняет значение слова *пральникъ* как 'тот, кто занимается стиркой'.

Привлечение данных Кн. 1643–1644 гг. позволяет подтвердить данные словаря. В контексте «Ромашку *пральнику* осмину жита по приказу архимарита Макария» (Кн. 1643–1644 гг., л. 277) лексема *пральник* выступает в качестве названия по профессии, сопровождающего собственное личное имя, как «Ондрюшка *блюдник*» и др.

Собственные личные имена представлены русскими календарными именами и эстонскими: *Ивашко, Андрюшка, Фомка, Сенька, Гаврилка, Ульяшко*, а также *Мик, Янка, Папка, Юшко*. Имена *Петрик Микулин, Юшко Микулин, Мик Лаврецов, Янка Максимов, Меуско Туткин, Мергуш-*

ко Кирилов свидетельствуют о теснейших связях между двумя народами на территории Псковской земли.

В книге широко представлены и топонимы: «**дрв** Борисово на озере на Рагозине» (Кн. 1643–1644 гг., л. 1 об.), Мыльниково, Тютино, Рябцово, Ржава и др. В некоторых случаях есть возможность проследить историю того или иного названия. Например, **дрв** Щеглевицы, Большая Листовица (ср. современные названия Щиглицы, Большая Листовка) и под.

Таким образом, характеризуя «Книгу о приходе и разделе пятинного хлеба 1643–1644 гг.» относительно ее ценности как лингвистического источника, можно отметить, что, несмотря на однообразие текста, книга предоставляет очень важные факты, дополняющие уже имеющиеся сведения о языке хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII в.

Источники

КДРС — Картотека «Древнерусского словаря» (хранится в ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова).

Кн. 1643–1644 гг. — Книга о приходе и разделе пятинного хлеба 1643–1644 гг. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 449. (Выносные буквы в цитатах даны курсивом.)

Кн. пер. 1639 г. — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112.

Кн. пер. 1652 г. — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113.

Кн. пер. 1655 г. — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1655 г. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 116.

Кн. пер. 1663 г. — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1663 г. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 114.

Кн. прих.-расх. 1674–1675 гг. — Приходо-расходная книга Псково-Печерского монастыря 1674–1675 гг. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450.

КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств С.-Петербургского государственного университета и на кафедре русского языка Псковского государственного педагогического университета). (При цитировании районы Псковской области указываются в сокращениях, принятых в КПОС.)

Словари

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

Срезн. — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1893–1912. (Переиздан в 1956 г.)

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–40. М.; Л./СПб., 1965–2006.

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА ГЛАГОЛА ЛИТЬ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Историческое корневое гнездо (далее — ИКГ) с глагольным корнем, представленным алломорфами *-ли- /-лой-/ -ле-, на протяжении всей своей истории имеет большой семантический потенциал и сложную семантическую структуру. По предварительным данным, в него входит более 700 лексем. В структуре ИКГ формируется более 20 лексико-семантических зон (далее — ЛСЗ), которые представлены в таблице. Наиболее продуктивны из них: «действия человека с жидкостью» (96 лексем), «движение воды в природе» (74 лексем), «литейное дело» (57 лексем) и «чувства, эмоции, качества человека» (20 лексем). ЛСЗ функционально неоднородны. Только одна из них, «действия человека с жидкостью», стилистически нейтральна, входящие в нее лексем встречаются в текстах различных функциональных сфер. В данной статье рассматриваются функционально ограниченные ЛСЗ ИКГ глагола *лити* в истории русского языка XI–XVII вв.

Понятие «дивергенция» используется исследователями применительно к различным явлениям и уровням языка¹. В рамках данной статьи рассматривается только дивергенция лексического состава ИКГ, т. е. формирование в его структуре номинативных сфер, связанных с различными функциональными сферами.

В древнерусский период существовали три жанрово ориентированных стиля литературного языка, а также внелитературный разговорный язык, состоящий из ряда диалектов². В этот период в ИКГ сформировались ЛСЗ, имеющие с точки зрения функционирования смешанный характер. Так, в ЛСЗ «движение воды в природе» входят лексем, функционирующие как в литературных стилях — например, в летописях: «А до большого моря отъ города Венеци версты съ две а *взливается* подъ городъ вода и *отливается*» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 292); «А воды *сольютъ* вскоре» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 87), — так и в разговорном языке.

Особую трудность представляет восстановление для данного периода диалектных лексем, которые употреблялись в устной речи и не были зафиксированы в исторических словарях. Они восстанавливались нами с по-

Лексико-семантические зоны корневого гнезда в ИКГ глагола *лити*

ЛСЗ			Количество лексем		
			Период		
Тематическая группа	№	Название	Праславянский	Древнерусский	Старорусский
Быт	1	Действия человека с жидкостями	19	54	96
	2	Продукты питания	25	5	38
	3	Посуда	4	2	2
	4	Пьянство	Нет	Нет	19
	5	Ложь, пустословие	Нет	Нет	2
Природа	6	Движение воды в природе	12	20	74
	7	Физиология	6	4	9
	8	Созревание	Нет	Нет	6
	9	Движения воздуха	Нет	Нет	3
Промыслы	10	Литейное дело	15	18	57
	11	Водоснабжение	Нет	Нет	13
	12	Гончарный промысел	Нет	Нет	7
	13	Ювелирное дело	Нет	Нет	6
	14	Соляной промысел	Нет	Нет	6
	15	Пожаротушение	Нет	Нет	4
	16	Молочная торговля	Нет	Нет	4
	17	Пивоварение	Нет	Нет	3
	18	Банное дело	Нет	Нет	2
Чувства	19	Чувства, эмоции, качества человека	Нет	16	20
Культ	20	Языческий культ	5	5	13

мощью сравнительно-исторического метода, внешней реконструкции и интерполяции. Так, например, по данным ЭССЯ для праславянского периода реконструируются следующие лексемы: **nalojь* ‘вода поверх льда’ (вып. 22, с. 177); **litva* 1. ‘сильный дождь’ (вып. 15, с. 159–160); **livьnikъ* ‘ливень’ (вып. 15, с. 161); **livьнь* ‘проливной’ (вып. 15, с. 161), **lija* ‘проливной дождь’ (вып. 15, с. 102). Все эти лексемы фиксируются также в современных диалектах (СРНГ): *налой* — 1. ‘вода поверх льда’ (т. 20, с. 23); *литва* ‘сильный дождь, ненастье’ (т. 17, с. 71); *ливник* ‘сильный дождь’ (т. 17, с. 42); *ливный* ‘проливной (о дожде)’ (т. 17, с. 42); *леи* ‘затяжные

дожди' (т. 16, с. 340). Эти данные дают основания говорить об употреблении этих лексем и в древнерусском и старорусском.

Ряд функционально ограниченных ЛСЗ формируется целиком в профессиональной сфере разговорной речи за счет специализации значения глагола *лити*. Наиболее полно отражена в лексикографических источниках ЛСЗ «литейное дело». Лексика других промыслов представлена в словарях единичными лексемами; можно предположить, что связанные с ними номинативные сферы сформировались в ИКГ только к старорусскому периоду. Исследователи отмечают, что в древнерусский период профессиональная лексика появляется в системе общенародной и имеет народно-разговорную основу³, хотя некоторые из этих лексем встречаются и в письменных памятниках — в текстах летописей, например: «Того же дни въ Великомъ Новегороде *вылили* колоколь» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3, с. 217) — и в текстах, относящихся к деловому стилю⁴, например: «И те крохи *сливаны* и на *сливке* угорело 2 гривны» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 84). В данной ЛСЗ формируются три синонимических ряда: 'литейщик' — *литець, ливець, *литва, лијатель* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 232, 242, 261); 'изготовленный литьем' — *лить* (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 4, с. 406), *лијаныи* (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 4, с. 418), *литой* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 244); 'процесс изготовления чего-либо из расплавленного металла' — *лијание* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 245), *литьје* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 245).

Со стилем книжной речи, который исследователи называют церковно-религиозным⁵, связаны ЛСЗ «чувства, эмоции, качества человека» (17 лексем), например: *излити* 'ниспослать' «*Излеи* на люди твоя милости» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 163), *изливати* 'распространять; высказывать' «Духъ бо неприязненыи едь свои *изливаетъ* к нему» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 162), *облијати* 'переполнить (о чувстве)' «И печалию *облияти* сердце» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 82), *проливатися* 'распространяться' «*проливающеу* благочестие» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 159), и «языческая культовая лексика» (5 лексем): *возливаньє* 'жертвоприношение' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 292), *вълитије* 'возлияние, жертва' (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 2, с. 159), *возливальница* 'чаша для жертвоприношений' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 292), *излијаньныи* 'идол, которому приносят жертву' (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 4, с. 32), *лијаное* 'идол, которому приносят жертву' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 261). Номинативная сфера «чувства, эмоции, качества человека» появляется в структуре ИКГ при метафоризации значения глагола *лити* и некоторых его производных во фразеологически связанных сочетаниях, имеющих книжный характер и на-

зывающих явления душевной жизни человека и ее внешние проявления. Например: «*облиятися* слезами» ‘плакать’ (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 5, с. 502); «*проливати* слезы» ‘плакать’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 159), «*изливати* сердце» ‘быть откровенным в разговоре с кем-то’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, 162), «*изливати* душу» ‘говорить откровенно, выражать все свои сокровенные мысли’ (СлДРЯ XI–XIV вв., т. 4, с. 29). Некоторые из этих фразем, синонимичные отдельным глаголам, мы, вслед за некоторыми исследователями⁶, можем отнести к перифрастическим оборотам, которые представляют собой фигуру книжной речи. Эти фраземы в дальнейшем становятся семантической базой для появления отдельных производных лексем, наследующих семантику всего словосочетания в целом. Таким образом, в древнерусский период в наибольшей степени функционально обособляется лексика церковно-религиозного стиля, опирающаяся на переносное значение глагола *лити* *‘проявлять, обнаруживать’.

Функционирование ЛСЗ ИКГ глагола *лити* в старорусский период обусловлено возникающим противопоставлением книжно-письменного языка, опирающегося на генетические славянизмы, и разговорного, собственно русского языка, на основе которого возникает деловой стиль — так называемый «приказной язык»⁷. В это время происходит увеличение лексического состава уже существующих ЛСЗ без изменения сферы их функционирования. Кроме этого, появляются новые ЛСЗ. Большие сдвиги в общественно-экономической жизни русского общества и развитие промыслов и ремесел привели в этот период к бурному развитию профессиональной лексики⁸. Некоторыми исследователями даже ставится вопрос о наличии в русском литературном языке XVI–XVII вв. особой функциональной разновидности — промыслово-ремесленного стиля⁹. В ИКГ глагола *лити* развивается целый ряд ЛСЗ, обслуживающих различные промыслы и ремесла: «водоснабжение» (13 лексем), «ювелирное дело» (6 лексем), «соляной промысел» (6 лексем), «гончарный промысел» (7 лексем), «пожаротушение» (4 лексем), «молочная торговля» (4 лексем), «пивоварение» (3 лексем), «банное дело» (2 лексем).

В сфере бытовой речи на базе метонимического переноса и сужения значения глагола *лити* и некоторых его производных развивается группа слов «пьянство» (19 лексем), на базе метафоризации — «ложь, пустословие» (2 лексем). Обе они формируются в разговорной и диалектной речи за счет появления в ней ряда устойчивых сочетаний, например (ФСРЯ): «*заливати/залити* зенки (глаза, бельмы, личико)» ‘напиваться до сильного опьянения’ (т. 1, с. 199), «в оба конца *лить*» ‘пить спиртное без меры’ (т. 1, с. 281); «*лить* воду» ‘лгать’ (т. 1, с. 281), «*отливать* пули» ‘врать’

(т. 2, с. 27–28). На семантической базе данных фразем затем развиваются отдельные лексемы, например (СРНГ): *льющий* (т. 17, с. 230), *наливай* (т. 20, с. 13), *наливоня* (т. 20, с. 16) ‘пьяница’; *заливать* ‘врать’ (т. 10, с. 205) и *заливоха* ‘сплетник, лгун’ (т. 10, с. 208). Следует отметить, что столь позднее формирование номинативной сферы «пьянство» характерно именно для ИКГ глагола *литу*, в некоторых других ИКГ, например с вершиной *питу*, эта номинативная сфера формируется уже в праславянский период.

Онтологически дивергенция тесно связана с конвергенцией¹⁰. В процессе функционально-семантической дивергенции лексического состава ИКГ глагола *литу* выделяется целый ряд ЛСЗ, опирающихся на различные значения данного глагола. При этом в ряде случаев возникает их пересечение с номинативными сферами других глагольных ИКГ. Например, с ИКГ глагола *пить* в рамках ЛСЗ «пьянство», с ИКГ глагола *говорить* — «ложь, пустословие», с ИКГ глагола *зреть* — «созревание».

Источники

СлДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: В 10 т. / Под ред. Р. И. Аванесова. Т. 1–7. М., 1988–2004.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27. М., 1975–2006.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–21), Ф. П. Сороколетов (т. 22–40). Т. 1–40. Л., СПб., 1965–2006.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1–2. Новосибирск: Наука, 1991.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–30. М., 1974–2003.

Примечания

¹ Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1971.

² Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка / Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 10; Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX в. М., 2005.

³ Шатова Л. А. Развитие ономаσιологических структур. Иркутск, 1984. С. 38.

⁴ Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 16.

⁵ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 10.

⁶ Шубина Л. В. Синтаксическая сочетаемость перифрастического оборота // Вопросы семантики фразеологических единиц. Новгород, 1971. С. 263.

⁷ Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 120.

⁸ Ставшина Н. А. Профессиональная лексика в деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII в. // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 120.

⁹ Чайкина Ю. И. «Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV–XVII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 2. Вологда, 2004. С. 5.

¹⁰ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136.

Л. Я. Костючук

О ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕГО ВОИНСКОГО АРТИКУЛА (Продолжение разговора о псковском памятнике)

Следуя указаниям Б. А. Ларина, который подчеркивал, что Псков обладает богатством древних памятников¹, составители ПОС всегда внимательны к новым текстам и вводу их в круг источников для словаря. Долгое время наше сотрудничество с работниками Древлехранилища в составе Псковского музея помогало обнаруживать новые документы, которые обогащали текст ПОС.

Нам уже приходилось говорить, что в одном из сборников конца XVII в. — второй половины XVIII в. на л. 237–239 неожиданно был обнаружен «**Артикуль новгородской и псковской**»². В связи с таким открытием и изучением текста памятника мы отмечали, что, в отличие от артикулов XVIII в. других территорий, псковско-новгородский преимущественно избирательно сообщает о действиях с огнестрельным оружием (видимо, во время упражнений в строю). Составители документа использовали общеизвестную обиходную лексику, приспособив ее к воинской ситуации. Почему? Может быть, важно было учитывать степень подготовки набираемых в солдаты людей. Для работы с ними, вероятно, было необходимо и такое обстоятельство, как понимание ими команд. Те, кто составлял команды, передавал последовательность действий для обучаемых или тренирующихся. Они ориентировались на выразительность подбираемых для команд слов и их понятность слушающим; ср.: «2. вирь на сторону.»³; «4. пехь перед себя»; «6. торни кьногъ.» и др. Лексическая экспрессия, сопровождаемая коммуникативным (цель направленности команд) и грамматическим (часто присутствует форма повелительного наклонения) волеизъявлением, способствовала наступлению быстрой ответ-

ной реакции у слушающих команду и быстрому и точному исполнению соответствующего требования.

Что ни фраза в системе команд Артикула, то она заставляет вести интересный разговор-исследование о составляющих ее лексемах. Исследования по разъяснению слов позволяют ввести слова в словник для исторической части ПОС. Остановлюсь на некоторых словах, которые могли бы уже быть представленными в выпусках словаря.

В 1-й команде («клади пясть на лапасть.») слово *пясть*, по В. И. Далю, обозначает ‘кисть руки, ладонь; пять долгих косточек со связками и прочими частями меж пальцев и запястья’ (Даль, т. 3, с. 552). Следовательно, согласно команде, ладонь, кисть руки необходимо положить на «лапасть» (произнесение слова в команде могло быть с ударением на 2-м слоге: создается рифма *пьясть* — *лапасть*, которая способствовала пониманию и запоминанию команды и следующего за ней действия). Слово *лапасть*, видимо, означает в данной команде Артикула следующее: ‘плоская часть приклада у ружья’. В источниках сведений о современных псковских говорах только в лексикографическом труде XIX в. (Доп.) зафиксировано существительное *лапасть* как псковское в значении ‘листок; лепесток’ (см. отражение этого в ПОС, вып. 16, с. 495). Значение слова *лапасть*, отмеченного в псковских говорах XIX в. для называния реалии «цветок, лепесток», предполагает сему ‘плоский’, что позволяет слово в команде исследуемого Артикула признать обозначением именно плоской части чего-нибудь, в данном случае — приклада ружья. Написание слова в XIX в. (Доп.) с буквой *a* во 2-м слоге (*лапасть*), как и в рассматриваемом памятнике (ср. известное в XVIII в. прилагательное *лапастный* — СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 117), фиксация В. И. Далем слова *лапасть* (в валдайских, архангельских, сибирских говорах) в значении ‘ножная ступня, челоуечья лапа, плюсна, стопа’ (Даль, т. 2, с. 237) тоже дают возможность обосновать сему ‘плоский’: недаром в XIX в. как псковские и тверские были отмечены однокоренные слова *лапастня* ‘след ступни человека по снегу, земле’ с суффиксом *-н’(a)* при мотивации словом *лапасть* и *лапотня* ‘след лаптя, ноги, обутой в лапоть’ с суффиксом *-н’(a)* при мотивирующем *лапоть* (Доп.; Даль, т. 2, с. 237; отражение слова *лапастня* как ‘след от ступни человека’ в ПОС, вып. 16, с. 501; слова *лапотня* как ‘след от ноги в лапте’ в ПОС, вып. 16, с. 502). Знаменательно, что в современных новгородских говорах известны следующие слова: *лапусть* (с отражением безударного гласного во 2-м слоге как [y]), первый омоним *лапустка* (с лексикализированным произношением ударного [y] во 2-м слоге) в значении ‘нижняя поверхность стопы, подошва’ (у слова *лапустка* есть и оттенок ‘след ступни

человека на земле, снегу’) (НОС, вып. 5, с. 8); *лапоті́на* ‘большого размера стопа ноги’ (НОС, вып. 5, с. 7); второй омоним *лапу́стка* (тоже с лексикализованным произношением ударного [у] во 2-м слоге) в значении ‘ладонь руки’ (НОС, вып. 5, с. 8). Такие наблюдения и выяснение значения слова *лапасть*, известного по псковско-новгородскому Артикулу, позволяют признать это слово местным, в частности псковским, которое пока непосредственно не обнаружено в речи носителей псковских говоров в XX–XXI вв. Слово *лапасть* входило в систему обозначений плоских частей у конечностей человека — ладонь руки, стопа ноги. В рассматриваемом памятнике значение ‘плоская часть приклада’ может считаться метонимией: плоская часть руки соприкасается с плоской частью приклада ружья.

В командах Артикула есть и другие наименования частей тела человека. Укажем их и прокомментируем некоторые.

1. Существительное женского рода *нога* («6. торни кьногѣ.»; «7. пришамни ногою.»; «9. шамни ногою.»; «11. кь ногѣ.»).

2. Помимо существительного женского рода *пясть* («1. клади *пясть* на лапасть.»; «10. бери *пястью*.»; «12. выпехни вобе *пясти*.»), видимо, было слово и среднего рода *пястье* в форме множественного числа *пястья* («5. бери *пястья* поддулцо.») или женского рода *пястья*, если признать, что в команде форма винительного падежа прямого объекта совпадает с формой именительного падежа у существительного на *-а*, что является морфолого-синтаксической особенностью в ряде псковских говоров. (Трактовка *пястья* как формы винительного падежа множественного числа, совпадающего с именительным, с собирательным значением от слова *пясть* затруднена из-за нетипичности образования такой формы и из-за учета называемой реалии: на ружье клали кисть руки ладонью вниз — называется конкретное понятие.) Склоняемся к признанию данной словоформы существительным среднего рода: в СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 21, с. 91) отмечено слово *пястье* с толкованием ‘запястье’ под вопросом (это слово зафиксировано в московской переписной книге XVI в.). Но в контексте рассматриваемого Артикула *пястье* — именно название части тела человека (точнее кисти, ладони руки). Обратим внимание на сочетание с глаголами типа *брать* («5. бери *пястья* поддулцо.»; «10. бери *пястью*.»), *класть* («1. клади *пясть* на лапасть»), *выпехнуть* (с написанием буквы *e* в корне: «12. выпехни вобе *пясти*.»), т. е. передается соответствующее положение руки по отношению к оружию.

3. Существительное *плечо* («16. торни наплечо.»).

4. Слово женского рода *пуза* (пример «5. *спузы* долои») находится во второй части Артикула: *спузы* — родительный падеж единственного числа

с предлогом *с*). Как диалектное слово *пуза* в примере из Южных таможенных книг XVII в. по отношению к животным трактуется как ‘брюхо, живот’: «мерин рыж... под *пузаю* зжено» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21, с. 43).

5–7. В Артикуле обнаружены родственные слова с корнем *прав-*: субстантиват из прилагательного *правая* («14. пехъ *отсебя правую* наопоко:»), суффиксальный дериват *правуха*. Слово *правуха* аналогично по составу, но противопоставлено по значению слову *левуха* («19. перепал малту *налевуху*»). Эти слова используются для обозначения правой и левой рук. Но они не фиксируются в исторических словарях. У В. И. Даля эти лексемы отмечены совсем в другом значении — в связи с деятельностью голубятников, когда те говорят о голубках, ходящих против солнца (*правуха*) и по солнцу (*левуха*) (Даль, т. 3, с. 378). Не обнаружив в других памятниках и современных говорах указанные лексемы в значении, свойственном Артикулу, предполагаем, что они местные⁴.

В небольшом по объему Артикуле много наречий и экспрессивных слов для обозначения действий, к которым побуждаются военные (например, «2. *вирь* на сторону.»; «8. *гримь* наземлю.»). Такие единицы своеобразны по словообразовательным особенностям, сложны в объяснении их значения при использовании в особом воинском контексте: ведь обычные бытовые слова применимы к серьезным фактам воинской деятельности.

В данной статье остановимся только на некоторых случаях. В команде «19. перепал малту *налевуху*» что ни слово, то загадка: слова не имеют четкого, бесспорного определения. Словоформу *налевуху* прежде всего следует воспринимать с допустимым раздельным написанием при обозначении левой руки (*на левуху*).

В системе предшествующих команд (например, «16. торни наплечо.»; «18. притисни на карауль») и последующих команд (например, «20. забиваи ис порошниць мякотницу.»; «22. вынимаи шемполиць») первое слово *перепал* стоит воспринимать как повелительное наклонение (при выносной букве *л*, которая могла сопровождаться конечной буквой *и* при передаче повелительного наклонения) — *перепали*. Тогда это будет форма от глагола *перепалить*, которого нет в исторических словарях. В СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 14, с. 134) есть глагол *палить*, 9-е значение которого — ‘стрелять (из огнестрельного орудия)’, а у В. И. Даля отмечен глагол *перепалить* со значением ‘опалить во множестве, ожечь’ (Даль, т. 3, с. 73). Эти слова благодаря корню *пал*^(’) сближаются предполагаемой семой ‘огонь’. Но ни одно из значений слов непосредственно не подходит для выяснения содержания команды, поэтому остается неясным значение глагола в составе команды.

Обратимся к словоформе *малту* (с выносной буквой *л*, возможно, при наличии в прошлом и буквы *ь*: *ль*), употребленной в винительном падеже со значением прямого объекта при глаголе в повелительном наклонении (*перепали*). Следовательно, у имени восстанавливается исходная форма *мальта*, неизвестная историческим словарям и по современным говорам. Только у В. И. Даля есть фиксация лексемы (но со знаком вопроса); трактуется слово как ‘горная смола или каменный деготь, сгущенная нефть’ (Даль, т. 2, с. 296) (т. е. предполагается то, что, видимо, могло воспламениться). Так устанавливаем семантические связи сочетающихся слов. Может быть, в команде предполагалось переместить то, что воспламенялось, справа налево, так как последующие команды требовали совершать действия правой рукой, в результате чего получался выстрел (см. «32. тресни вдруг»). Тогда комплекс *налевуху* (в 19-й команде), в отличие от словоформы *правуху* винительного падежа (в 17-й команде), означает «левая рука» не как часть тела, а как расположение с левой стороны (ср. выражения *с левой руки* = *слева*; *на левую руку* = *налево*), т. е. является обстоятельством членом.

Окружающие команды, особенно последующие, сообщают о действиях, связанных с подготовкой к производству выстрела («20. вынимаи испорошниць мякотницу.»; «21. забиваи мякотнику закалачиваи вдулцо.»; «22. вынимаи шемполиць.»; «23. забиваи мякотнику.» и т. д.); недаром команда «25. вынимаи шамполиць вчад.», в которой речь идет и о дыме, завершает «описание» того, что происходит с оружием в результате соответствующих действий по этапам команд.

Кроме того, встречаем и команды, где упоминаются *мякотник* («21. забиваи мякотнику закалачиваи вдулцо.»; «23. забиваи мякотнику.»), *мякотница* («20. вынимаи испорошниць мякотницу.»; «посыпь мякотницы»). Таких названий нет в исторических словарях. Но в СлДРЯ XI–XIV вв. (т. 5, с. 114) отмечено слово *мякота* с исходным значением ‘мягкость’ (проявляется сема ‘мягкий’); в СлРЯ XVIII в. обнаружено существительное женского рода *мякоть*, 3-е значение которого с пометой «арт[иллерийское]» — ‘размоченный и растертый порох’ (вып. 13, с. 108); прилагательное же *мякотный* в значении ‘отн[осительное] к мякоть (1, 2)’ (СлРЯ XVIII в., вып. 13, с. 108) используется не с «артиллерийским» значением. У В. И. Даля зафиксированы слова с исходной частью *мякот-*, включающей корень *мяк-* (*мякóтина*, *мякóтник*, *мякотíнье*), слова с корнем *мяк-* и другим суффиксом (*мякúша*), которые в разных русских говорах обозначают в основном мягкий хлеб. И только с пометой «в Белорус[сии]» у подобных слов было отмечено значение ‘порох, ружейный

мак'. (Подчеркнем, что известна близость псковских говоров и говоров белорусского языка.) В. И. Даль приводит и выражение *пороховая мякоть* в значении 'растертый в тесто или в пыль порох' (Даль, т. 2, с. 373). Эти свидетельства знатока русских говоров поддерживают наше предположение о значении рассматриваемых слов, встретившихся в Артикуле.

Учитывая смысл слов в команде «19. перепал малту налеуху», предположим, что она содержит экспрессивное побуждение к такому действию: «держатъ, переложив налево (в левую руку), то, что способно создать огонь».

Так, вчитываясь в текст Артикула, видишь, что только детальное выяснение специфики словообразования, словообразовательного и лексического значений каждого компонента в каждой команде позволяет обнаруживать необычные по плану выражения и по плану содержания лексические единицы, которые необходимо ввести в историческую часть ПОС. Ведь исследование значений лексических единиц из псковских памятников, особенно при сопоставлении с судьбой этих единиц в современных говорах, способствует выяснению истории лексико-словообразовательных процессов в русском языке с учетом региональных и общерусских особенностей. О значимости такого направления лексикографических трудов писал Б. А. Ларин в чрезвычайно важной и актуальной и сейчас Инструкции к ПОС: «Для установления исторической перспективы развития словарного фонда псковских говоров в ПОС приводятся областные слова северо-западного наречия в цитатах, извлеченных из средневековых псковских памятников письменности и из деловых документов XIV–XVIII вв., уверенно относимых филологами к псковскому княжеству (воеводству, губернии), даже если в современных говорах пока еще не найдено им соответствия»⁵. Без такого подхода к материалу не может обойтись ни тот, кто работает над словарными статьями, ни тот, кто серьезно занимается исследованиями в области современных говоров или в связи с памятниками письменности.

Источник

Артикул — «Артикуль новгородской и псковской» (указание на место хранения памятника в Древлехранилище Псковского музея-заповедника: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX в.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. I. № 103(54). С. 67; публикация выверенного текста памятника: К о с т ю ч у к Л. Я. Регионализмы в воинском документе прошлого: (Продолжение исследования) // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). [Вып. 2.] СПб., 2006. С. 56–57).

Словари

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

- Доп.* — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- НОС* — Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород/Великий Новгород, 1992–2000.
- ПОС* — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л./СПб., 1967–2006.
- СлДРЯ XI–XIV вв.* — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: В 10 т. Т. 1–7. М., 1988–2004.
- СлРЯ XI–XVII вв.* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.
- СлРЯ XVIII вв.* — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л./СПб., 1984–2005.

Примечания

¹ Ларин Б. А. [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

² Костючук Л. Я. 1) Роль Псковского Древлехранилища в выявлении и сохранении псковской письменности // Костючук Л. Я. Из истории псковской лексики и фразеологии. Псков, 1992. С. 11–14; 2) Регионализмы в воинском документе прошлого: (Продолжение исследования) // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). [Вып. 2.] СПб., 2006. С. 56–57.

³ При публикации текста памятника сохраняем написание каждой команды с маленькой буквы после цифры с точкой; с точкой (реже с двоеточием) в конце фразы там, где эти знаки находятся в рукописи; выносные буквы обозначены курсивом (если курсивом мы в цитате выделели слово, то выносная буква обозначена прямым шрифтом); начертания букв передаются в виде современных кириллических букв (также используется ъ); слитное написание слов сохраняется.

⁴ О своеобразии словоформы *налевуху* см. и в связи с 19-й командой Артикула.

⁵ Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 660.

Н. Г. Николаева

СУБСТАНТИВНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ «БОГОСЛОВИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ*

Одним из направлений изучения проблем исторического словообразования является исследование системы производных слов в языке конкретных письменных памятников. Язык славяно-книжных памятников ва-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ молодым ученым — кандидатам наук МК-3768.2007.6.

жен при изучении прежде всего тех словообразовательных типов, которые связаны с церковнославянским началом русского литературного языка, и в первую очередь — типов отвлеченных имен действия и качества. Но язык этих памятников важен и для наблюдений над теми словами, которые произведены по моделям нейтрально-языкового характера и тем не менее представлены в языке славяно-книжного типа. Особенно важным представляется изучение отвлеченных имен, значение которых для богословских сочинений трудно переоценить, так как в переводах того времени создавалась философско-богословская терминология, а она раскрывалась именно в отвлеченных существительных. Имена отвлеченного значения могли строиться по моделям как книжным, так и нейтральным, и соотношение тех и других в богословском тексте с течением времени и сменной переводческих традиций менялось.

Одной из ярких особенностей языка перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина, выполненного на славянский в X в. Иоанном экзархом Болгарским, является обилие словообразовательной синонимии в области отвлеченных имен. Это особенно показательно, если учитывать одностильность данного памятника. В славянском переводе «Богословия» (ВМЧ) отмечено свыше 80 пар словообразовательных синонимов, среди них встречаются редкие случаи синонимии, свидетельствующие о древности памятника (типа **лъжа** — **лъжь** — **лъгыни**). Об этом же свидетельствует большое число имен с суффиксом *-ть* (17 слов) и др. Отмечаются случаи родовой синонимии в сфере образований нулевой суффиксации типа **исказь** — **исказа**, **прѣмѣнь** — **прѣмѣна** и т. п. Особое место занимают синонимические пары имен на *-ние* и образований нулевой суффиксации.

Славянские словообразовательные синонимы часто являются переводами одной греческой лексемы, например: **женитва**, **женитво**, **женение** переводят греческое слово γάμος; **прѣстѣпъ** и **прѣстоупление** — греческое παράβασις, **сладость** и **сласть** — греческое ἡδονή, **рвьность** и **рвьнование** — греческое ζῆλος и т. д. В то же время во многих случаях словообразовательные синонимы используются для перевода двух и более греческих лексем без определенной дистрибуции. Так, славянские слова **благовольство** и **благоволение** оба могут переводить греческие εὐδοκία ‘благоволение’ и ἀρετή ‘добродетель’. Иногда дистрибуция проводится, но, видимо, ради собственно разграничения для работы переводчика, поскольку славянские слова являются не только словообразовательными, но и лексическими синонимами: **прѣмѣнь** — это ἐναλλαγή ‘поворот, перемещение’ и διαδοχή ‘смена, чередование, передача’, а **прѣмѣна** — это μεταβολή ‘поворот, смена, изменение’. Дистрибуция, связанная с семантиче-

ской дифференциацией в славянском, обнаруживается, например, в ряду **сладость** — **сласть** — **сладьство**, где первые два слова соответствуют греческому ἡδονή ‘удовольствие’, а **сладьство** переводит греческое γλυκύτης ‘сладость’. Иногда употребление словообразовательных славянских синонимов связано не с лексико-семантическими, а с лексико-грамматическими характеристиками греческого слова. Так, **сѣвѣтъ** переводит греческое существительное βουλή, а **сѣвѣтование** — с явно выраженной акциональной семантикой — греческий инфинитив βούλεσθαι.

Особый интерес представляет не только разнообразие видов словообразовательной синонимии и соотношений ее с греческим материалом, но и ее функционирование в тексте. В своем переводе экзарх Иоанн часто сталкивает словообразовательные синонимы в рамках узкого контекста, при этом, по-видимому, с разными целями. Во-первых, словообразовательные синонимы употребляются в одинаковом значении. Акцент в данном случае смещается на варьировании формы. Например: **тревѣ ксть вѣдѣти, тако свое ксть тѣлоу тѣчю прерѣзъ и стечение и преложение** (μεταβολή). **прелогъ** (μεταβολή) **по претвору, рекъше теплою или ст҃дѣню и таковаа** (ВМЧ, л. 182а–б; JD). Похожее употребление синонимов может встречаться без опоры на греческий текст (в Предисловии экзарха Иоанна): **азъ же средѣ дѣвою стоа, гр҃бости рекоу и лѣности, оубоахъ са паче лѣнення и преценьа пр(о)ркѣмь рекъша в(о)а** (ВМЧ, л. 4а).

Словообразовательные синонимы могут переводить близкие по значению разные греческие лексемы, не состоящие между собой в каких-либо словообразовательных отношениях. В этом случае употребление однокорневых слов в славянском переводе является основой его текстопостроения (прием однокорневого повтора). Например: **не в чистотѣ** (παρθενία) **ли пребывшее ωгна болше быша чистотою** (παρθενίας) **плотною неизгорѣни бывъше? не даниилъ ли емоу же плѣть чистотою** (παρθενία) **заклоу чше са звѣрю зоубѣ вѣнъзноїти не могоша? ...не чистителк** (ἱερεὶς — sic!) **ли сама са очищающе** (ἀγνίζοντες), **тако не въ вѣходное мѣсто вѣнидахоу и требы привождахоу? не законъ ли великоу молитвоу чистость** (ἀγνείαν) **нарече?** (ВМЧ, л. 332в–333б; ID). И ниже: **чистость** (παρθενία) **анг(ель)ское житык таже бесплѣтнааго всего ества своинство** (ВМЧ, л. 334б; ID). В данном примере к повторяющимся словам **чистота** и **чистость**, переводящим греческие παρθενία ‘девство’ и ἀγνεία ‘непорочность’, прибавляются причастие **очищающе** (ἀγνίζοντες) и nomen agentis **чистителк**, которое переводит греческое слово со значением ‘жрецы, священники’ (по-видимому, мотивация такого перево-

да может быть двойкой: священники совершают очистительные обряды и священники — люди, хранящие непорочность; основным же, конечно, остается фактор организации текста).

Наконец, словообразовательные синонимы, сталкиваясь в одном контексте, могут иметь противоположные значения, например: **и на обращеніе зъвавъ стенаніемъ и троусомъ и водньимъ потопомъ и всего рода мала же не всепогыбленіемъ, размѣсомъ и раздѣленьемъ азыкомъ, анг(е)льска приставленіа, градомъ иждьженіи, образными боавленіи, ратьми, побѣдами (νίκαις), побѣждениими (ἡτταίς), знаменіи и чоудсы...** (ВМЧ, л. 222а–б; ID). Значение ‘поражение’ для слова **побѣждение** фиксирует словарь¹, но в переводе «Богословия» **побѣждение** встречается и в значении ‘победа’, когда употребляется изолированно: **кже естъ смьрти побѣждкник** (ВМЧ, л. 252а).

Наличие значительного числа синонимов в одностильном памятнике свидетельствует о том, что переводчик пользовался определенной свободой в плане подбора словообразовательных форм в процессе поиска более с его точки зрения подходящих вариантов для передачи греческих философских и богословских понятий. Однако следует заметить, что степень и реализация этой свободы у переводчиков разных эпох были неодинаковы. Набор словообразовательных типов в языке «Богословия» соответствует его славяно-книжной принадлежности, но по сравнению с другими книжными жанрами язык «Богословия» отличается необычным составом ряда словообразовательных моделей. Яркой чертой этого памятника является большое количество образований нулевой суффиксации (свыше 160), которые активно вступают в отношения словообразовательной синонимии, как было сказано выше, с именами на **-(е)ниє**, а также **-иє**, **-ота**, **-ство** и др. В тексте встречаются слова, которых или нет в других памятниках письменности (**съпадъ**, **оутвьрда**, **сътъкъ**, **разлжкъ**, **съръзъ**, **съмазъ**, **съвъкѣпъ**, **съкладъ**, **отъпадъ**), или они отмечены впервые именно в переводе «Богословия» Дамаскина (**осрама**, **погржзъ**, **прѣслѣхъ**, **построи**, **призовъ**, **прѣръзъ**, **отъръзъ**, **оурѣзъ**, **съразъ**, **провѣдъ**, **растжпъ**, **постжпъ**, **отъстжпъ**, **окѣсъ** и др.). Переводчик, как видно, ориентировался не только на книжные, но и на народно-разговорные модели при переводе сочинения.

Имена нулевой суффиксации могут использоваться для передачи греческих имен отвлеченного значения и претерпевать в переводе интересные трансформации. Ср.: **съ лежациихъ въстаниє** (ἀνάστασις), **стоациихъ оутвьрда** (στήριγμα), **немоцньныхъ жъзль** (βακτηρία), **пасомыихъ палица** (ράβδος), **обращаюцихъ са вождь** (χειραγωγή), **поспѣваюциимъ**

сѣврѣшеніе (τελείωσις), д(у)ши сп(а)сѣ (σωτηρία) и плѣти, всѣи зѣли въздразѣ (ἀποτρόπαιον), всего добра давѣць (πρόξενος), грѣхочу гоубитель (ἀνοίρεσις), садѣ (φυτόν) възскрѣшенію, древо житѣя вѣчнаго (ВМЧ, л. 253а-б; ID). Как видно из приведенного примера, в греческом оригинале для именованія Христа преимущественно употребляются имена отвлеченнаго значенія: ἀνάστασις, χειραγωγή, τελείωσις, σωτηρία, ἀποτρόπαιον, ἀνοίρεσις, φυτόν. В славянском переводѣ некоторые из них передаются образованиями нулевой суффиксаци, которые можно рассматривать как синкретичные имена, совмещающие в себѣ не только абстрактные значенія дѣйствія, качества и результата, но и значеніе дѣйствующаго лица. Последнее, на наш взгляд, и актуализируется в этом фрагментѣ у слов типа **спасѣ** и **вождѣ**, входящих в ряд других наименованій, у которых формальное выраженіе значенія лица однозначно, — **гоубитель**, **давѣць**. Эта, в общем редкая, трансформация *nomen abstractum* в *nomen agentis* в символически насыщенном текстѣ перевода «Богословія» оказывается этому текстѣ свойственной. Отличительной чертой этой трансформации оказывается опора на греческий оригинал. В более поздних переводах богословских сочиненій (например, в славянских Ареопагитиках) функционированіе *nomina abstracta* в качестве *nomina agentis* будет осуществляться уже без этой опоры², но случаи такой трансформации будут встречаться реже, поскольку сменится философская концепція. Если для воспріятія сочиненій Иоанна Дамаскина в славянском переводѣ его читателям было важно некое олицетвореніе — претвореніе абстрактных качеств в именованія лица, то несколько веков спустя для подготовленнаго мыслителя не составляло труда вникнуть в ряд божественных предикатов, подобных следующему, который к тому же, безусловно, напоминает выше приведенный фрагмент из «Богословія» Дамаскина: **Рек'ше, како всѣхъ естъ вина и на чяло, и существо, и животъ; і иже үбо отпадающихъ того възваніе же и възстаніе, а иже къ боговидѣніа тлѣнію поползъшихъся, поновленіе и наображеніе; а иже же по нѣкоемъ обуреваніи священ'номъ подвижемыхъ үтверженіе священ'но и стоящихъ опасньство, і иже на то възводящихъся горѣ простирател'ное рүководеніе, и просвѣщающихъся осияніе, и сѣвер'шаемыхъ слүж'боначальство, і обожаемыхъ богоначаліе, и простыхъ простота, і единүемыхъ единеніе, начяла всякого пресүщественѣ преначяльное начяло, и скровеньствіа по еже льза благопреподаніе, и, простѣ рещи, живыхъ жизнь, и сүщихъ существо, всякого живота и сүщества начяло и вина, ради того въ еже быти сүщимъ приводител'ныя и сѣдержител'ныя благости** (ВМЧ, л. 165б-в).

Здесь уместно рассмотреть вопрос о словообразовательной синонимии в диахроническом аспекте. Если судить по этому фрагменту из славянских *Ареопагитик* — а он достаточно характерен для всего корпуса, — имена нулевой суффиксации отходят со временем на второй план, уступая место образованиям с выраженными формантами. Эта же тенденция будет наблюдаться в более поздних списках перевода «Богословия». Во фрагменте, который мы привели выше в качестве примера, слово *оутвьрда* будет заменено словом *оутвержение*, слово *спасъ* — словом *спасение*, слово *зъль* — словом *злоба*, слово *въздразъ* — словом *възражение*.

В раннем списке используемые экзархом Иоанном производные слова не успели еще отстояться в своей жанрово-стилистической ограниченности, отражают свойственный этому периоду семантический синкретизм, свидетельствуют о незаурядных писательских способностях переводчика. Со временем происходят определенные изменения, обусловленные как экстралингвистическими факторами (прежде всего формированием славянской философской традиции, изменениями в характере мышления), так и внутриязыковыми процессами. На примере словообразования разновременных списков данного памятника можно проследить, как менялось само слово и как менялось отношение к слову, что выводит исследование к проблемам исторической семантики и исторической стилистики.

А. А. Потебня свои глубокие размышления о специфике древнеславянской лексики и семантики основывал на материале перевода «Богословия» Дамаскина³, что еще раз подчеркивает значение языка этого памятника для славянской исторической лексикологии.

Источники

ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археограф. ком. под ред. С. Палаузова. Т. 3. М.; СПб., 1870. С. 263–788.

JD — Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: In 4 Bd. / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br.: U. W. Weiher, 1967–1983. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. T. V.)

Примечания

¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. С. 455.

² См. в 3-й главе нашей монографии: Николаева Н. Г. Трактат Дионисия Ареопагита «О божественных именах» в древнеславянском переводе. Frankfurt am Main [u. a.]: Peter Lang, 2000. (Beiträge zur Slavistik. Bd 42).

³ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 17–23.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В РУССКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ XIX ВЕКА

В истории русского литературного языка вторая половина XVIII — начало XIX вв. рассматривается как период перераспределения основных лексико-стилистических пластов, и с начала века церковнославянизмы становятся уже не только стилистическим средством высокого слога, а «знаками той или иной культурно-идеологической позиции»¹ и обретают в художественной поэтике ряд функций, абсолютно не связанных с их лингвистическим генезисом. В целом очевидно, что церковнославянский язык в светском употреблении в указанный период утрачивает свою значимость и функциональные роли.

Весьма интересным и несколько неожиданным продолжением тенденции «угасания» литературной роли церковнославянского языка в культуре XVIII–XIX вв. оказывается сознательное использование его элементов в языках некоторых социальных групп.

Оставляя в стороне проблему терминов «генетический старославянизм», «стилистический славянизм», заметим, что источником для «пополнения» социальных диалектов становится собственно церковнославянский язык русской церкви (лексика церковных книг, церковных служб, церковного обихода и т. п.). Поэтому в терминологическом отношении термин «церковнославянский язык» в данной статье мы понимаем широко.

Отметим две сферы функционирования церковнославянской лексики, в которых она, хоть и нешироко, но выходит за рамки литературного языка и становится либо элементом социолектов, либо, выходя и за их пределы, элементом говоров и просторечия.

В первую очередь это жаргон семинаристов. Очевидно, что в силу специфики их профессионального образования одним из источников прецедентности их разговорного языка и предметом языковой игры становится церковнославянский язык.

Языковая игра с «церковнославянским языком» очень разнопланова, но в целом она строится на принципе контраста «высокой» формы и «низкого» содержания. Приведем некоторые примеры.

Так, можно выделить регулярные иронические контексты употребления церковнославянских слов, форм, предложений, переосмыслен-

ных цитат из псалтыри и т. п., основанные на стилистическом контрасте формы и содержания. Например, загадка на церковнославянском языке: «Некто по полям хождает, главу свою ниже плеч ноша, и прииде некто, его заклаше, власы на огне сожже, а тело на древе повеси? (Свинья)» (Зеленин, с. 112); поговорки: «Глас шестый, подымай шесты на игумена, на безумена», «Многими скорбьми подобает нам внити в царство Божие. Много баять не подобает», «Ровно его водой принесло. Бултых, яко прославился»; «Иже не ври же; его же не пригоже, Се аз да увяз» (СРШЖ, Даль). См. также выражения: *выдрать на воздухах* 'выпороть', *по сие время* 'далее пяток', *двинуть от всех скорбей* 'выпить', *напиться до мощей, до положения риз* 'быть сильно пьяным', *книга скорби, книга живота, скрижали Иуды* 'журнал', *на руках возьмут тя* 'быть в состоянии сильного опьянения' (СРШЖ).

Можно также отметить шутливое окказиональное словотворчество по моделям церковнославянского языка. Например:

«— Что же это, Хорь? — говорил Семёнов.

— Я тебе Хорь? а в ухо хочешь?

— *Оплетохом*, — сказал один из товарищей.

— *Беззаконновахом*, — прибавил другой.

— *И неправдовахом*, — заключил третий» (Помяловский, с. 322).

Особо следует отметить тип окказионального словотворчества на основе греческих слов в церковных службах, породивший новые слова, часть из которых вошла в общий язык.

Антимонии разводить 'читать нравоучения, тянуть скучную речь, скучный разговор'. Д. Зеленин считает, что «слово является переделкой названия церковной песни антифоны, характерной особенностью которой является переключка двух клиросов, часто повторяющих одно и то же. (Зеленин, с. 113).

Ахиня 'вздор, чепуха, бессмыслица'. «Я. Грот... удачно выводит это слово от имени гор. Афины, указывая... на стих из акафиста Богородице: „Радуйся, афинеяская сплетения растерзающая!“» (Зеленин, с. 113).

Ермолафия 'болтовня, пустословие'. «Даль удачно связывал это слово со старинным... названием церковной книги ирмологион (ирмология) — ермолой» (Зеленин, с. 114).

Катавасия 'суета, бестолочь, беспорядок; ссора'. Из греческого. Один из ирмосов канона, для пения которого по церковному уставу оба клироса сходятся вместе на середину церкви. «При этом схождении, особенно при многолюдстве молящейся публики, естественно происходила толкотня и шум...» (Зеленин, с. 115).

Как отмечал Д. Зеленин, «семинарские» слова имеют то преимущество перед словами различных искусственных языков, равно как перед техническими выражениями в других учебных заведениях, что они сравнительно легко проникают, через посредство сельского духовенства, в народный язык» (Зеленин, с. 113).

Повторимся, эффект иронии в языковой игре семинаристов возникает по принципу функционально-семантического контраста: слова «высокой» сферы употребления приобретают смыслы принципиально «низкие», обыденные.

Совсем в другом ключе церковнославянская лексика используется в социолекте сектантов. Во-первых, ими заимствуются основная церковная терминология, целые фрагменты церковных книг, но интерпретируются они согласно идеологии секты иначе. Это особая функция прецедентности текста: при конвергенции лексической наблюдается принципиальная семантическая дивергенция. Причем важно заметить, что ввиду общей необразованности народа этот прием был, вероятно, сознательным.

Приведем несколько примеров из лексики наиболее крупных сект России, хлыстов и скопцов, выбранных из художественных и публицистических источников. Так, например, у хлыстов: *божьи люди* — самоназвание хлыстов, *христос, живой бог* — свой собственный проповедник, один на все секты (после смерти одного происходит воскрешение его в другом христе), *пророчица* — главная женщина «корабля», к которой постоянно снисходит дух и которая имеет право пророчествовать, *труба живогласная, золотой сосуд благодати* — перифрастические наименования пророчицы, *радения* — пляски, доводящие до беспамятства, во время которого «накатывает» святой дух, *сионская горница* — комната, в которой проводится собрание, *ангельские лобзания* — поцелуи божьих людей на собраниях, *молитва* — самобытные хлыстовские песни во время радения, *живое слово* — речи, сказанные во время исступления, воспринимаемые как пророчества, *ходить в слове* — пророчествовать во время исступления, *дух накатил* — снизошло исступление, *быть просветленным* — испытывать исступление во время радения, испытать на себе сошествие духа (Захер-Мазох, Мельников 1872, Мельников 1898, Мельников-Печерский).

Примеры лексики скопцов: *иерусалим, Давыдов дом, святое место* — собор (место радений), *истинная апостольская церковь, тайная вечеря* — собрания скопцов, *бог, иисус христос, святой дух* — пророк скопцов, *херувимы, серафимы, архангелы, ангелы, апостолы, пророки, учителя* — помощники разной иерархии при пророке из оскопленных, *огненное*

крещение — оскотление, *иудеи*, *фарисеи* — православные, *черные враны* — правительство и т. д. (Надеждин, Мельников 1872, Мельников 1898).

В социолекте сектантов церковнославянская лексика на текстовом уровне (не только на уровне лексическом) становится принципиальной прецедентной системой второго символического плана. Во-первых, это приближает данную религиозную социальную группу к общехристианской традиции, и очевидными становятся идеологические составляющие, по которым эта система ей противопоставляется. И секта сомнительного происхождения в этой связи сразу получает весь терминологический аппарат и значимое место в общей религиозной народной культуре, чего не происходит у тех сект, идеология которых обычно хоть и противопоставлена христианству, но целиком самостоятельна, что выражается в неразвитой «терминологической» системе или ее отсутствии (немоляки, медальщики и др.).

Таким образом, несмотря на различия в функциональном использовании средств церковнославянского языка в социальных диалектах, важно подчеркнуть, что они становились не только стилистическим средством выразительности литературного языка, но, повторимся, выходили за его пределы, становились символом игровой и идеологической оппозиции церковной и христианской культуре, противопоставляясь ей лексически и семантически.

Источники

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Захер-Мазох — Захер-Мазох Л. фон. Пророчица // Нива. 1880. № 3 С. 56–62; № 4. С. 76–82; № 5. С. 98–102; № 6. С. 118–123; № 7. С. 139–143; № 8. С. 154–162.

Зеленин — Зеленин Д. К. Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. 1905. № 3–4. С. 109–119.

Мельников 1872 — Мельников П. И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей. Отдел II: Свод сведений о скопческой ереси из следственных дел // Чтения ОИДР. 1872. Кн. II. Отд. V. С. 35–205.

Мельников 1898 — Мельников П. И. Тайные секты // Мельников П. И. Полн. собр. соч. Т. XIV. М.; СПб., 1898. С. 279–354.

Мельников-Печерский — Мельников (Печерский) А. На горах: В 2 т. М., 1956.

Надеждин — Надеждин Н. И. Исследование о скопческой деятельности. СПб., 1845.

Помяловский — Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. СПб., 1897.

СРШЖ — Анищенко О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX в. М., 2007.

Примечание

¹ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 174.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИНГВОСФЕРЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ

Рассматривая слово в его историческом развитии, мы должны учитывать, в первую очередь, собственно лингвистические причины изменения его семантической структуры. Однако в некоторых случаях нельзя не принимать во внимание те заблуждения, которые могли возникнуть у носителей языка в результате неверного толкования текста или объяснения вне речевой ситуации. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть семантические изменения в ряде лексем, принадлежащих к лингвосфере псовой охоты, и выяснить причины, к ним приведшие.

Наивысший интерес к псовой охоте и расцвет племенного собаководства наблюдался в середине XIX в. — золотого века псовой охоты. (Считается, что в связи с отменой крепостного права начинается ее закат, поскольку стало труднее содержать «штат» псарного двора.) С середины XIX в. появляются многочисленные руководства разной степени значимости о разведении и лечении собак, о тонкостях псовой охоты и складывается особый жанр охотничьего рассказа.

Огромный в количественном отношении материал XIX — начала XX вв. освободил любителей псовой охоты от обращения к источникам раннего периода. Вероятнее всего, что такие историки кинологии, как Л. П. Сабанеев, П. М. Губин, П. М. Мачеварианов, были знакомы с содержанием ранних руководств XVII–XVIII вв., упоминавшихся в их трудах. Однако при прочтении рукописей у кинологов XIX в. могли возникать трудности, приведшие к переосмыслению и новому толкованию ряда единиц лингвосферы псовой охоты. Неверно понятое однажды укрепляло ошибку в употреблении за счет ссылок, мультиплицированных цитат, использования материалов словарей специальных терминов.

Из ранних источников, привлеченных к нашему исследованию, следует назвать руководство 1635 г. Христиана Ольгерда Лессиина «Книга охотничей регул или порядокъ о содержании псовая охоты» (далее — Р, цит. по: Кн. пс. ох. Q.X.3). Второе руководство, 1763 г., — «Книга о содержании псовой охоты ио порядках ахотьничьих» в переделке Ивана Васильевича Дедылина, названная составителем Экстрактотом (далее — Э, цит. по: Кн. пс. ох. Q.X.3). Оба руководства включены в одну рукопись, хранящуюся в РНБ. Первым печатным руководством стал «Псовый охот-

ник» Г. Б. 1785 г. (Пс. ох.), созданный, очевидно, на основе «Книги о содержании псовой охоты» в неизвестном списке, в свою очередь, возникшей на материале руководства Яна Остророга «Охота с гончими» (на польском языке, начало XVII в.).

Кроме указанных, также используются материалы кинологических руководств XIX в., специальные словари и тексты охотничьих рассказов.

Беречь — *отдерживать*. Поводом к рассмотрению семантической стороны этих лексем послужила цитата из «Псового охотника»: «Когда из господской своры сука распустует, то отдбля ее от прочих собак, сказать ловчему, когда она пошла в пустовку, и спросить, с каким кобелем *беречь*, или *отдерживать*» (Пс. ох., с. 5).

Контекст и управление глагола *беречь* (*с кем?*) заставляют обратить внимание на его семантику. Зафиксированные словарями значения и оттенки значений выделяют основную сему ‘хранить, содержать в сохранности, целостности’. В СОРЯ отмечен оттенок ‘поддерживать в порядке; обрабатывать’ с иллюстративным материалом, в котором глагол *беречь* употребляется в контексте с существительным *земля, земельные угодья, поместье* (вып. 1, с. 137). Таким образом, в СОРЯ отражен дополнительный семантический компонент ‘совершать какие-л. действия в отношении объекта’. Сема ‘нарушить целостность какого-л. объекта (объектов)’ наблюдается в диалектном *беречь* ‘потчевать, угощать’ (ПОС, вып. 1, с. 182; СРГКСО, вып. 1, с. 67).

Глагол *беречь* в значении ‘вступать в половые сношения, совершать половой акт’ представлен в тексте заговора — древнейшего жанра словесности: «Аще муж не учнет *беретчи* жены, то помажь его салом медвежьим всего или михерь его, и не будет ему похоти на иную жену» (Отреч. чт., с. 377).

Вероятнее всего, что глагол *беречь* в этом значении являет собой пример древнейшего эвфемизма в связи с существовавшим у славян табу на название действий, связанных с продолжением рода. Например, во избежание порчи беременную женщину сербы называют *трудна, тешка, брѣћа*¹.

Историческими и диалектными словарями русского языка (например, Даль, ПОС, СлРЯ XVIII в.) зафиксировано слово *бережая* как характеристика жеребой кобылы (ср., например, характеристики других домашних животных, где отражено значение ‘готовая произвести детеныша’: *стельная* (корова) и *суягная* (овца)). О. Н. Трубачев видит в этом случае древние корни со значением ‘чрево, плод’, что представляется вполне обоснованным². Следовательно, производные слова могут находиться лишь в кон-

текстах, в которых встречается упоминание о родящих, рождающих — самках, женщинах, персонифицированных женских объектах (например, земле). Впоследствии связь с порождающими объектами была утрачена. В ранних руководствах находим слова с корнем *берег-* с семой ‘соединение, совокупление’ в контексте с объектами как женского рода, так и мужского: «Недобро есть жадному охотнику или незнающему *бѣречь* суку в пропущенное время» (Р, л. 20 об.); «Когда борзой кобѣль или выжлецъ *неберѣжотся*, то надлежитъ взять 10ть или 12 яиц кои испечь... после чего онаго кобѣля накормить ичрессутки *бѣречь*. бѣлки же не жарить и не давать таким образом кобѣль *збѣрежотся* будеже которой соднои накормыи *бѣречся* нестанеть» (Э, л. 61).

В руководствах встречаются и другие производные с корнем *берег-* (Пс. ох.): «Ежели будет [сука] в настоящей пустовкѣ, *сберечь* ее один раз, а много что два; многою же *бережскою* суку не ослабѣвать, как то дѣлают незнающие охотники» (с. 26); «Ежели захочешь, чтоб в пометѣ было больше кобелей, то накормить суку пред *сбережскою* до сыта несоленным» (с. 30). На последнем листе рукописи, содержащей список руководства по псовой охоте, находим следующие записи: «*Бережена* Северга июня 14 дня»; «*Бережена* Черѣкиза 15 июня»; «*Бережена* Ураза июля 6 дня» (Кн. пс. ох. Q.X.7, л. 51). Возможно, это записи ловчего, в чьи обязанности входило вести учет *бережки* сук.

Глагол *беречь* в значении ‘вязать, спаривать’ не прижился в лингвосфере псовой охоты. Часто его императивные формы употреблялись как охотничий выкрик, призыв быть внимательным, не пропустить зверя, гонимого собаками на охотника (например: *Береги!*; *Береги поле!*; *Береги, выжлятники, стаю!*; *Береги, в ноги!* — встречаются во многих источниках), т. е. налицо семантический компонент ‘хранить, оберегать’.

Очевидно, во избежание многозначности синонимами к глаголам с корнем *берег-* в значении ‘свокуплять, спаривать’ стали выступать глаголы с корнем *блюд-* с аналогичной семантикой. «*Блюсти* суку с кобѣлем, естли оная распустиет» (Егерь, с. 100); «Сенька спяна „*поблюл*“ Азиата — из барской своры — с Резвой, а следовало взять Зарезку» (Боборыкин, с. 142). С этим корнем в лингвосфере псовой охоты представлено достаточно широкое словообразовательное гнездо: *блюженье*, *сблюдка*, *сблюсти*, *поблюсти*, *ублюдистый*, *ублюдок*. Слова с корнем *блюд-* в большей степени стали удовлетворять потребностям племенного собаководства.

Вторым глаголом в связке выступает глагол *отдерживать*. Ранние руководства не вносят ясности в определение значения глагола. «А какъ

прокормить [охотник] целой годъ от неизвестной породы и выидеть все ноль, потому что онъ кобеля до году вяжетъ а суке первую пустовку *отдерживать*, а *отдержка* какъ гончей такъ и борзoi вредна бываетъ стекаются а иные умирають» (Р, л. 18 об.); «Борзыхъ и гончих *отдерживать* недолжно кобѣля борзова и выжлеца для вкрѣпчания на другую осень повязывать надлежитъ особливо во зимнѣе время пускать щенков» (Э, л. 69); «В пустовкѣ сук борзых и гончих *отдерживать* не должно, ибо онѣ от того сбавливаютъ борзья рѣзвости и рыску, а гончия в мастерствѣ и полахъ, какъ надобно пометать щенят и перебраться [т. е. после *отдержки* собака вынашиваетъ щенят и снижаетъ свои рабочие качества. — Г. С.]» (Пс. ох., с. 27). В однихъ случаяхъ возможно вывести значение этого глагола 'вязать, спаривать', в другихъ — 'ограждать от спаривания'.

Мэтры кинологии XIX в. в своихъ руководствахъ употребляютъ глагол *отдержать* в значении 'ограждать запустовавшую суку от контактовъ с кобелями' и его производные с аналогичной семантикой: «Если сука распустует, не имея двухъ осеней, ее следуетъ *отдержать*, не веря старому, принятому многими охотниками предрассудку, что „от *отдержки* первой пустовки сука портится и не будетъ скакать наголову“» (Мачеварианов, с. 86); «Май. Обязательная *отдержка* запустовавшихъ сук [т. е. чтобы к осенней охоте они не были щенны. — Г. С.]» (Календарь, т. 1, с. 108).

В современныхъ охотничьихъ словаряхъ наряду с глаголом *отдержать* (*отдерживать*) со значением 'не вязать суку во время пустовки' приводится и вариант *задержать* (*задерживать*).

Поскольку собаководство требуетъ особыхъ правилъ содержания и разведения животныхъ, то держателямъ охоты требовался огромный штатъ при псарномъ дворе. За *сблюдкой* сукъ долженъ былъ строго следить ловчий или доезжачий. Вязка собакъ требовала особыхъ умений (известно, что и в наши дни заводчики сталкиваются с некоторыми трудностями). Человек, находящийся при собакахъ, долженъ былъ произвести «бережливую вязку» во избежание повреждений половых органовъ у собакъ. Молодыхъ собакъ (особенно сук) приходилось придерживать, не давать суке рваться во время вязки. На это указываютъ руководства XIX в. Кроме того, в XIX в. началась серьезная племенная работа, поэтому ловчие и доезжачие не должны были допускать постороннихъ примесей и случайныхъ связей. В одномъ изъ рассказовъ старый доезжачий, расхваливая барскихъ гончихъ, говоритъ об ихъ происхождении: «Видите, какая история: *отдержал* я Зазнобу с протозановскимъ Набатомъ, за 60 верстъ ездилъ, в ноги кланялся, чтобъ позволилъ повязать; принесла она шесть щенковъ, да какихъ!» (Вербицкий, с. 134). Этотъ примеръ (пока — увы — единственный) даетъ шансъ рассматривать глагол *отдер-*

жать как синоним глаголу *беречь* в вышеприведенном контексте. Глагольное управление можно отнести к обоим глаголам (*с каким кобелем беречь, или отдерживать*). Приставка *от-* в глаголе *отдержать*, очевидно, служила показателем завершенности тщательно выполненного действия.

Несмотря на то, что пунктуационные нормы находились в стадии становления, запятая перед союзом *или* (= *то есть*) в приведенной цитате могла показывать равнозначность, синонимичность обоих компонентов. Глагол *беречь* в значении ‘спаривать’ уже воспринимался как архаизм. Не случайно в «Псовом охотнике» появляется сноска, поясняющая глагольную форму *бережена* синонимом *блюдена*: «Должность его [ловчего] состоит в смотреии за всѣми поведениями охотников...; вести записку, в которое время *бережена* сука, борзая, или гончая, и когда щенят пометала; быть при бережкѣ сук» (Пс. ох., с. 2–3).

В приведенной выше цитате союз *или* был, вероятнее всего, воспринят как разделительный, невзирая на наличие перед ним запятой, а приставка *от-* — в значении удаления, отторжения от чего-либо. Все это могло привести к тому, что за глаголом *отдержать* закрепилось в дальнейшем значение ‘ограждать от спаривания’.

Таким образом, глагол *отдержать* (*отдерживать*) можно толковать как специальный охотничий глагол ‘выдерживать в определенных условиях суку с кобелем в целях спаривания и получения приплода, вязать’. За неимением достаточного количества примеров с выведенным значением ‘вязать’ затруднительным представляется вывод относительно того, лежало ли в основе этого изменения явление энантиосемии.

Гаркать — атукать. Глаголы *гаркать/гаркнуть* зафиксированы в исторических словарях и картотеках с широким значением ‘издавать шум, крик’. В КСОРЯ отмечено отглагольное существительное *гарк*. СлРЯ XVIII в. отмечает глагол *гаркать* с пометой о вхождении в язык как специального охотничьего с толкованием ‘издавать на охоте звуки *га-га-га*, чтобы спугнуть зверя’ (вып. 5, с. 90). Таким образом указывается на образование глагола от междометий (*ого-го-го*) с взрывным или фрикативным [г]. В рукописных руководствах составители прибегают к двум глаголам голосового воплощения — *гаркать* и *порскать*. «С половины мая *гаркать*, осенью *порскать*» (Э, л. 71). Но глагол *гаркать* в отличие от глагола *порскать* позже не употребляется как особый охотничий. Чаще всего с глаголом *порскать* начинает соседствовать глагол *атукать*.

Глагол *атукать* от междометия *ату!* и отглагольное существительное *атуканье* с пометой «охотничье» фиксируются и СлРЯ XVIII в., и

САР, и современными толковыми словарями. Этимологию глагола *ату-кать* (равно как и производящего местоимения *ату*) М. Фасмер предположительно связывает с французской предложно-местоименной формой *à tout* (Фасмер, т. 1, с. 96). Гипотеза Фасмера, вероятно, зиждется на убеждении относительно происхождения приказов, отдаваемых охотничьим собакам на французском и немецком языках, — *Тубо!*, *Пиль!*, *Даун!*, *Апорт!*, *Иси!* и т. д.³ Эти приказы и по сей день бытуют в языке ружейных охотников с легавыми собаками. Но ружейная охота с легавыми — поздний этап развития охоты в России. Искать иностранные корни в междометийных выкриках псовой охоты не рационально. В охоте участвовал почти весь штат барской псовой охоты, состоящий главным образом из крепостных крестьян. Вряд ли выкрики, цель которых спугнуть зверя и погнать его в нужном направлении, имели французскую или немецкую основу. Кроме того, ФРЛ к французскому *chon-fill* дает русское «*отуканье*, поощрение собак к ловле» (т. 1, с. 189).

В самом раннем руководстве 1635 г., заложившем основы правильного содержания псовой охоты, объясняются новые слова и выражения, а также указано, какие звуки следует издавать охотникам, чтобы спугнуть и погнать зверя. В зависимости от возгласа использованы и разные глаголы: «Или *гаркають* переэывъ один: *вотак вотак* а когда *порскають* называется *восяк восяк*» (Р, л. 4 об.). Впоследствии глагол *порскать* приобрел новую сему — ‘производить хлопки арапником’. Возгласы же во время порсканья стали разнообразны. Палитра охотничьих выкриков представлена в «Псовом охотнике»: «А осенью порскать, то есть спустя гончих с смычков кричать: эх! Стеки! У,ру,ру, ру, ай, го, о,о, го, го, ай, о,ту, ту,ту, ай, ну, довались, эх! Милая стеки! Ту жировал, ту бѣжал, ну, толкони! Ух! Ух! Эх! Вскочи, побѣги, и хлопать в арапники; для того что звѣрь осенью лежит крѣпко, а особливо заяц, и продолжать порскать до тѣх пор, как гончия зачнут гонять» (Пс. ох., с. 48).

Гарканье — это крик охотника, увидевшего (*подозревшего*) зайца, поэтому в возгласе присутствует указательная частица — *вот* или *от* (*вотак, вот так*). В быстрой, энергичной речи охотников, следующих верхом за собаками, возглас мультиплицируется и модифицируется в *вот-вот-вот* или *от-от-от*. Глаголы, образованные от междометий, отмечены в языке псовой охоты — *улюлюкать*, *отгойкать*, *отгокать*, *наначить*, *уськать* и др.⁴ От междометийного выкрика, вероятно, и был образован глагол *отукать*, написание которого обоснованно. «А когда звѣрь побежит в открытое поле, и прочия собаки его заловят, то и ее [борзую] с своры отрѣшить и *отукать* скавав за звѣрем; и как поймают его, то ее не

отбивать, а дать ей его хорошенько помять, приговаривая: *о ту, о ту*» (Пс. ох., с. 13).

Быстрый темп речи, энергичная езда за зверем могли привести к фонетическим трансформациям возгласа с более открытым нижним гласным — *ат-ат-ат*. Охотничье аканье сохраняется в письменной речи вопреки правилам орфографии. Так, в собачьем именнике, расположенном после «Книги охотничьего регула», мы находим на разные буквы клички *Абидка* и *Обида*, *Абъезжай* и *Объезжай* и др. (Кн. пс. ох. Q.X.3). В произведениях охотничьих писателей XIX в. Е. Э. Дриянского и анонима А. В. встретились кличка собаки *Азарной* (Дриянский, А. В., на многих страницах), в обеих повестях не поправленная редакторами в соответствии с орфографическими нормами. Современные словари охотников традиционно помещают на букву *А* слово *аблай* и устойчивое сочетание *гонять аблаем*.

Чаще всего охотничий выкрик представлен как *ату его!* Возможно, это результат контаминаций охотничьих выкриков (см. выше цитату из «Псового охотника»).

Глагол *порскать*, получивший дополнительный компонент ‘хлопать арапником’, и глагол *атукать* стали употребляться в паре, а глагол *гаркать* как охотничий профессионализм не сохранился в языке. Но общеупотребительный глагол *гаркать* стал причиной появления специфических слов в лингвосфере псовой охоты. Он послужил для объяснения особого охотничьего выкрика (см. вышеприведенную цитату из «Книги охотничьего регула»), трансформировавшегося в быстрой речи охотников в возглас *ату, ату его* и в дальнейшем ставшего производящим для специального охотничьего глагола *атукать* и отглагольного существительного *атуканье*.

Соколок. «Вначале голова сухая и продлинновата бѣс перелому щипецъ ту же длинность имѣеть бѣсподузданны зазоръ навывкате. степь или наклонъ облая о *соколке* неописую» (Р, л. 10).

Несмотря на уклонение автора от описания анатомического термина, далее слово *соколок* встречается в этом руководстве 5 раз; на основании приведенных примеров можно вывести значение слова *соколок* как ‘остроконечная выдающаяся грудная кость (собаки)’ (Р): «В груди уже заду; *соколокъ* тупой и короткой таковых щитать загалиафов а незаловцовъ» (л. 11); «[У суки] а мышкыбы круглые и крутые *соколокъ* былбы острои и пригнулсябы несколько книзу, у кобѣля продлинноватые мышкы высоки и крепки а *соколокъ* хотъ и остръ толко надлежитъ быть кверху или прямо» (л. 11); «Когда собака убѣется росшибет *соколокъ* от того умираеть» (л. 32 об.).

Последние два примера в качестве иллюстраций приведены в СлРЯ XI–XVII вв. со значением ‘грудина (у животных)’ (вып. 26, с. 119). Таким образом, судя по толкованию, слово *соколок* становится гиперонимом. В. И. Даль фиксирует значение ‘грудинка телятины или баранины’ с пометой «вят[ское]» (Даль, т. 4, с. 262).

Основная функция борзых на охоте — «пометить» зверя, которого стая гончих выгнала из леса, «заложиться по нему» и поймать. На огромной скорости борзая, настигнув зайца, может его сбить грудью, а потом схватить зубами. Этот способ поимки сродни соколиному способу сбивания птиц. Не случайно, например, князь Д. М. Голицын сравнивает борзых с соколом. Однако молодые собаки не всегда могут справиться с матерым зайцем и могут «запахать грудью»: «Молодой кобель не изловчился и, желая зацепить его, *запахал грудью*, хотел справиться — споткнулся и закувыркался через голову» (Голицын, с. 98). При неудачной попытке сбить зайца борзая может серьезно пораниться, если на пути окажется пень или камень. Поэтому автор рукописного руководства дает рекомендации, как вылечить поранившую грудь (*соколок*) собаку: «Замесить на яйцах глины прибавлять несколько уксусу тем привязывать» (Р, л. 32 об.).

В охотничьих рассказах много описаний поимки зверя борзой собакой. Многие писатели отмечают случаи промаха борзых, которые, затормозив, кувыркаются через голову, что иллюстрируют и приведенная выше, и последующая цитаты: «Далеко через русака перелетела сука и закувыркалась через голову» (Ст. хол., с. 32). Руководство XVII в. также отмечает эту особенность борзых собак: «Бывает у собаки борзой которая часто кувыркается через голову изушей появляется и глохнуть» (Р, л. 36). Далее следуют рекомендации к лечению.

Особый способ поимки зверя (вероятно, часто приводивший к травмам и смертельному исходу вследствие ударов затылочной частью) послужил, очевидно, дальнейшему переосмыслению значения слова *соколок* в охотничьей речи. В специальных словарях слово фиксируется со значением ‘затылочный бугор’. Отметить первую фиксацию пока не удалось. Возможно, это впервые сделано в небольшом словарики И. П. Мятлева (доступно 3-е изд. 1914 г.), участника великокняжеской охоты в селе Першино. Последующие словари отражают только значение ‘затылочный бугор’. Однако П. М. Губин толкует *соколок* как остроконечную часть груди, а затылочный бугор называет *остряком* (Губин, с. 124). Л. П. Сабанеев, признавая правильность терминологии Губина, во избежание двусмысленности употребляет плеонастическое словосочетание *соколок груди*: «Грудь должна быть довольно широкая, ...но не выпуклая, так что *соколок груди* едва

выдается из-за плеч» (Календарь, т. 2, с. 313). Несмотря на все оговорки авторитетных кинологов, слово *соколок* претерпело семантическое изменение, которое, на наш взгляд, произошло за счет иного толкования вне-текстовой (внеречевой) ситуации. Сделать выводы относительно того, насколько употребительна лексема *соколок* в речи нынешних охотников в каком-либо из значений, пока не представляется возможным: в современных кинологических журналах и руководствах слово *соколок* не встретилось.

Носители той или иной речевой субкультуры вносят значительные коррективы в лексико-семантический фонд профессиональных подсистем русского языка. Исследуя ту или иную профессиональную лингвосферу (в значительной степени закрытую), следует расширять исследовательские рамки, подключая лексические материалы общенародного языка и отыскивая ранние фиксации слова в исследуемой подсистеме. Только в этом случае проясняются причины, как лингвистического, так и экстралингвистического характера, приведшие к ряду изменений в семантике слова, а следовательно, история слова предстает перед нами более полной.

Источники

- А. В.* — А. В. Четыре дня в деревне псового охотника. СПб., 1895.
- Боборыкин* — Б о б о р ы к и н П. Д. Собрание романов, повестей и рассказов. Т. 2. СПб., 1897.
- Вербичкий* — В е р б и ц к и й Н. А. Очерки из охотничьей жизни. Ч. 1. Тула, 1898.
- Голицын* — Г о л и ц ы н Д. М. Записки и признания псового охотника: Осень 1906 года: Шесть недель отъезда в средней и южной России. СПб., 1907.
- Губин* — Г у б и н П. М. Полное руководство по псовой охоте. М., 1891.
- Дрянский* — Д р и я н с к и й Е. Э. Записки мелкотравчатого. М., 1895.
- Егерь* — Достаточный егерь, или Стрелок, содержащий в себе описание диких птиц и зверей. СПб., 1774.
- Календарь* — С а б а н е е в Л. П. Охотничий календарь. Т.1–2. М., 1992.
- Кн. пс. ох. Q.X.3* — Книга о псовой охоте. РНБ. Q.X.3. 4^о, скоропись сер. XVIII в., 103 л. (Выносные буквы в цитатах даны курсивом.)
- Кн. пс. ох. Q.X.7* — Книга о псовой охоте. РНБ. Q.X.7. 4^о, скоропись, 1748 г., 51 л.
- Мачеварианов* — М а ч е в а р и а н о в П. М. Записки псового охотника Симбирской губернии. М., 2006.
- Отреч. чт.* — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.
- Пс. ох.* — Г. Б. Псовый охотник. М., 1785.
- Ст. хол.* — Старый холостяк: Рассказы. Ч. 1. М., 1908.

Словари

- Даль* — Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1980.
- КСОРЯ* — Карточка «Словаря обиходного русского языка XVI–XVII вв.» (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств С.-Петербургского государственного университета).

Мятлев — Мятлев И. П. Слова и выражения, употребляемые при псовой охоте. СПб., 1914.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л./СПб., 1967–2006.

САР — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л.; СПб., 1984–2005.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–2. СПб., 2004–2006.

СРГКСО — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004.

ФРЛ — Полный французской и российской лексикон. Т. 1–2. СПб., 1786.

Примечания

¹ О словесных запретах в быту и на охоте подробнее см.: Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч. 1–2. // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929

² Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования). М., 1960. С. 53

³ В. В. Виноградов также полагает, что междометие *ату* наряду с такими междометиями, как *фи*, *фу*, *стон*, *алло*, *ба* и др., с XVIII в. «воспринимались из западноевропейских языков» (Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 828). Точку зрения М. Фасмера поддерживает и Н. М. Шанский (Шанский Н. М. Лингвистические детективы. М., 2002. С. 131)

⁴ Об охотничьих возгласах см.: Сабанеев Л. П. Охотничий календарь. Т. 1. М., 1992. С. 433 и сл.; Германович А. И. Слова клича и отгона животных в русском языке // Изв. Крымского пед. ин-та. 1954. Т. 19

О. В. Фельде

ИСТОРИЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК АВТОНОМНЫЕ ОТРАСЛИ РУСИСТИКИ

Историческое терминоведение — наука об истории и смене терминов, становлении и развитии специальных подъязыков прошлых эпох — относительно молодая отрасль русистики. Ее специфика и характер связи с другими научными дисциплинами изучена недостаточно, хотя в этой

области можно отметить несколько небезуспешных попыток. Одним из первых об автономности исторического терминоведения заявил В. М. Лейчик. В работах конца 80-х — начала 90-х годов XX в. он рассматривает историческое терминоведение как подраздел терминоведения и указывает на близость проблематики исторического терминоведения и исторического языкознания в целом. Эта близость, по мнению ученого, проявляется в том, что «существует преемственность в объекте их изучения в онтогенезе и филогенезе: с одной стороны, можно писать историю отдельных терминов — развитие их семантики (в рамках одной терминологии, при переходе от одной терминологии к другой, процессы переименования (замены терминов) и его причины — гносеологические, психологические, в том числе субъективные и социальные); с другой стороны, можно показать процесс формирования групп специальной терминологии и их лексики на базе определенного естественного языка и его неспециальной (первоначальной) лексики»¹. Идею автономности исторического терминоведения высказывала также Г. Н. Снетова², однако не все специалисты разделили эту точку зрения: историческое терминоведение в этот период слабо дифференцировалось с исторической лексикологией русского языка. Теоретическое обоснование самостоятельности новой научной дисциплины — исторического терминоведения — было представлено лишь в начале XXI в.³

По целому ряду позиций историческое терминоведение русского языка сближается с исторической лексикологией. Эта связь имеет глубокие корни. Выходу в свет первых историко-терминоведческих работ предшествовала публикация фундаментальных историко-лексикологических и историко-стилистических трудов, в которых большое внимание уделялось исследованию терминологической и профессиональной лексики древнерусского и старорусского языка. Среди них наиболее значимыми были книги В. В. Виноградова, Ф. П. Филина и П. Я. Черных⁴. Специалисты в области истории русского литературного языка и исторической лексикологии указали аспекты, пути и перспективы изучения специальной, или, как тогда чаще называли, «терминологической» лексики. Большой заслугой этих ученых был утверждение взгляда на «термины» прошлых эпох как на функциональные единицы живого естественного языка. В указанных выше работах были впервые поставлены проблемы, которые впоследствии станут ключевыми для исторического терминоведения 50–80-х годов XX в.: взаимодействие общего языка и его профессиональных подсистем, сходство и различие общеупотребительного и терминологического слова, роль специальной лексики в процессе становления словарного состава на-

ционального языка. На первых порах историческая лексикология и историческое терминоведение развивались синкретично, и лишь с течением времени четко обозначилась специфика каждой из них.

Специалисты в области исторической лексикологии нередко обращались и обращаются к специальной лексике русского языка XI–XVII и XVIII–XIX вв. для решения своих специфических задач⁵. Но изучение специальной лексики для лексикологов-историков — не цель, а лишь средство решения проблем языкового состояния той или иной эпохи; выявления диалектных зон; определения роли различных генетических пластов лексики в процессе формирования общенационального словаря; установления общих тенденций развития словарного состава русского языка; характеристики словарного состава типов, жанров и отдельных памятников древнерусской и старорусской письменности и т. д.

В центре внимания историко-терминоведческих исследований — проблемы и задачи иного порядка. Прежде всего, это: определение особенностей начальных этапов формирования различных терминологий; выявление лингво-хронологических срезов и закономерностей развития специальных подязыков; изучение процессов специализации общеупотребительной и диалектной лексики; определение в составе специальной лексики русского языка различных генетических пластов, выявление и лингвистическая характеристика различных стратификационных разрядов специальной лексики; этимологическая характеристика специальных наименований и др.

Историческое терминоведение, в первую очередь, исследует историю тех системных отношений, которые складываются в процессе развития специальной лексики, и лишь во вторую очередь — историю отдельных терминов. Эта отрасль знаний ограничивает сферу своих интересов исключительно рамками специальных подсистем языка, в состав которых входят особым образом организованные специальные наименования, в то время как объектом исследования исторической лексикологии является словарный состав всех типов и форм языка прошлых эпох.

Историческая лексикология и историческое терминоведение нередко используют одни и те же методы и приемы исследования материала. И это вполне естественно, если учесть, что специальная лексика прошлых эпох несет на себе печать общеупотребительных слов. В историко-терминологических работах используются общенаучный описательный, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод комплексного исторического анализа. Последний предполагает изучение различных особенностей специальной лексики, например: характе-

ристику условий и времени появления специальных наименований в русском языке, определение их возможных источников, способов образования, наблюдение за происходившими семантическими и функциональными изменениями, структурно-грамматическую характеристику, установление словообразовательной активности и сочетаемости и т. д.⁶ В трудах по историческому терминоведению используется также лингвогеографический метод⁷, методы математического моделирования⁸ и комбинаторная методика⁹. Исследования показали, что применение, в частности, комбинаторной методики обеспечивает возможность решения таких проблем, как «а) описание смысла имени как набора дифференциальных семантических элементов; б) установление системных отношений между смыслами с помощью схем, имеющих вид квадратов и вычерченного логического дерева; в) распределение аналитически выраженного смысла в виде дифференцированных семантических признаков между значимыми частями имени»¹⁰. В последние годы все большую актуальность приобретают разработанный Л. А. Шкатовой историко-ономазиологический метод¹¹, метод полевых исследований¹². В историческом терминоведении формируются и такие собственные методы исследования, как, например, методы анализа темпов развития терминологий и терминосистем, причин, факторов и путей реализации этих процессов в том или ином естественном языке¹³.

Дальнейшее развитие исторического терминоведения русского языка пошло по пути усиления его теоретической базы, становления и совершенствования его специфических методов, что позволило ему окончательно обособиться от исторической лексикологии. В настоящее время именно историческому терминоведению принадлежит исключительная роль в процессе познания русской специальной лексики.

В настоящее время историческое терминоведение представлено широким спектром научных исследований. Специальная лексика прошлых лет рассматривается в самых разных аспектах: семасиологическом, ономазиологическом, этимологическом, лингвогеографическом, функциональном, этнокультурологическом. Можно выделить следующие направления исторического терминоведения, которые различаются временем своего появления и степенью разработанности:

- 1) этнокультурологическое, основной задачей которого является описание этнокультурологического, историко-культурного контекста формирования русских терминосистем¹⁴;

- 2) региональное историческое, которое занимается многоаспектным анализом специальной лексики памятников местной письменной

сти. В центре внимания регионального исторического терминоведения — локально ограниченные специальные наименования XI — начала XX вв.¹⁵;

3) сопоставительное, цель которого — сравнительный исторический анализ специальной лексики родственных славянских языков¹⁶;

4) историко-ономасиологическое, которое занимается изучением номинативных процессов в сфере специальной лексики XI — начала XX вв.¹⁷;

5) историко-семасиологическое, целью которого является исследование лексической семантики специальных наименований XI — начала XX вв.¹⁸;

6) источниковедческое, в задачи которого входит выявление и лингвистическая характеристика источников изучения специальной лексики прошлых эпох¹⁹;

7) функционально-филологическое, изучающее особенности функционирования специальной лексики в памятниках художественной литературы (исключая произведения современных авторов)²⁰.

Выделим также этимологический аспект исторического терминоведения. Изучение специальной лексики XI — начала XX в. в этом аспекте пока еще рано считать вполне сложившимся направлением, хотя есть все предпосылки для его формирования (см. этимологические исследования О. Н. Трубачева и др.). При этом следует подчеркнуть, что многие авторы предпочитают комплексный подход к анализу профессиональных подсистем XI — начала XX в., поэтому значительную часть работ по историческому терминоведению русского языка невозможно отнести к какому-либо одному направлению. Разумеется, что все направления исторического терминоведения тесно связаны с соответствующими отраслями русского языкознания. Рассмотрение специфики этого взаимодействия — задача следующей статьи.

Примечания

¹ Лейчик В. М. Историческое терминоведение: его проблемы, методы направления исследований, приложения // Термин 91: Терминологические чтения. Цикл 2. Ч. 1. Киев, 1991. С. 95–97.

² Снетова Г. П. Русская историческая терминология: Учебное пособие. Калинин, 1984.

³ Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск, 2000.

⁴ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1934; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.

⁵ См., например: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974; Панин Л. Г. Географические термины в деловой письменности Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в. // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982. С. 35–49; Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980; и многие другие.

⁶ См.: Барутчева Е. А. Из истории русской зодческой лексики (X–XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984; Герд А. С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб): Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969; Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.; Л., 1964; Сергеев Ф. П. Формирование русской дипломатической терминологии (по данным памятников письменности XI–XVII вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973; Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке. М., 1970; Туркин В. Н. Семантика социальных терминов восточнославянских языков XI–XVI вв.: (По материалам письменности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1972; и многие другие.

⁷ Картавенко В. С. Географическая лексика Смоленского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1988; Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974; и др.

⁸ Русинова Л. Н. Динамика синонимических отношений в системе юридической лексики древнерусского и русского языков X–XX веков (кибернетические проблемы функционирования и эволюции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1989.

⁹ Хейлик Т. А. Состав, источники и пути формирования русской терминологии литейного производства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1987; Шилковский А. Н. Исследование общественно-политической терминологии периода образования и укрепления Русского централизованного государства (на материале письменных памятников XV–XVI вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1972.

¹⁰ Шилковский А. Н. Указ соч. С. 72.

¹¹ Шкатова Л. А. Терминологические наименования лиц в русском языке: (Историко-ономазиологический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1987; Голованова Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии XVIII — начала XIX в.: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Челябинск, 1995.

¹² Борхвальдт О. В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000; Цыцылкина Л. А. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI–XVIII вв.: (К проблеме лексико-семантического поля): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Вологда, 1998.

¹³ Лейчик В. М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика / Под ред. В. А. Татарина. М., 1993. С. 19–30.

¹⁴ Трубачев О. Н. 1) Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования). М., 1960; 2) Ремесленная терминология в славянских языках: (Этимология и опыт групповой реконструкции): Автореф.

дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965; 3) Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966; В е р е щ а г и н Е. М. Тысячелетние истоки русской философской терминологии // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С. 23–25; И в а н о в В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983; Л и с и ц ы н а Т. А. Формирование терминологии искусствознания в России: вторая половина XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994; С м и р н о в а О. И. Древнерусская терминология и культура (семантические модификации слова *голова* и лексикографическая практика) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 1 / Ред. Г. А. Богатова, З. М. Петрова. М., 1991. С. 30–53.

¹⁵ Б о р х в а л ь д т О. В. Диалектная лексика в профессиональном языке сибирских золотодобытчиков XIX в. // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока / Отв. ред. Г. Г. Белоусова. Красноярск, 1991. С. 137–139; К а р т а в е н к о В. С. Указ. соч.; М а к е е в а И. И. Региональные наименования драгоценных камней (по памятникам письменности XVI–XVIII в.) // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 192–202; Н о в о с е л о в а О. И. Метрологическая лексика Русского Севера XVI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; Н о в о п о к р о в с к а я В. Н. Из истории терминологии родства (на материале западно-брянских памятников письменности XVII–XVIII вв.) // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970; П е т р о ч е н к о В. И. Из истории некоторых названий рыб семейства карповых в русских говорах Северного Приангарья // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. Красноярск, 1990. С. 80–87; П о п о в а Н. Е. О некоторых терминах рыбного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога XVII–XVIII вв.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Красноярск, 1967; Я к у б а й л и к Г. А. Лексика пушного промысла в сибирских деловых документах XVII в. (из истории слов *деланный*, *дубленый*, *копченый*, *подчерневанный*, *шевня*, *шевица*) // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI–XVIII вв. Красноярск, 1968. С. 81–89.

¹⁶ К о з ы р е в И. С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках // Русская историческая лексикология. М., 1968; П р и с к о к а О. В. Глаголы со значением «трудовой процесс» в русской письменности XIV–XVI вв. (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984; Р и ж н я к О. Л. Терминология пищевых солей, рассолов и побочных продуктов солеварения в русском языке XIX в. в генетическом и структурно-функциональном аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.

¹⁷ П р о х о р о в а В. Н. Русская терминология: лексико-семантическое образование. М., 1996; С н е т о в а Г. Н. Терминология пошлин и повинностей в русском литературном языке XIV–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970; Ш к а т о в а Л. А. Указ. соч.

¹⁸ К у т и н а Л. Л. Указ. соч.; Т о л с т о й Н. И. Славянская географическая терминология: (Семасиологические этюды). М., 1969; Т у р к и н В. Н. Терминологическая лексика «Русской правды»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953; Р у п о с о -

ва Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. М., 1987.

¹⁹ Борхвальдт О. В. Документы золотопромышленных компаний Енисейской губернии как лингвистический источник // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Красноярск, 1988. С. 3–5; Веклич М. В. Формирование русской анатомической терминологии (XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; Старикова Г. Н. Тематическая группа «промышленные люди» в русском языке конца XVI—XVII вв. (ономасиологический и лексикографический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.

²⁰ Валгина Н. С. Научно-терминологическая лексика в произведениях А. И. Герцена. М., 1960; Дубяго А. И. Экономическая терминология в языке Н. Г. Чернышевского // Вопросы семантики: Исследования по истории семантики. Калининград, 1982. С. 24–29; Мотина Е. И. Научная терминология в произведениях Н. А. Добролюбова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954; Чайкина Ю. И. Специальная лексика в языке произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

А. С. Щекин

СЛАВЯНСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ОДНОМУ СРАВНЕНИЮ В «ДОМОСТРОЕ»

В главе «Домостроя» «Како кормити приходящихъ в дому своемъ, з благодарениемъ, з домочядци» (в «Домострое» первой редакции она является 15-й, в «Домострое» «силвестровской» редакции — 11-й) при порицании различных излишеств, совершающихся во время трапезы, встречается следующее сравнение: «И аще начнуть смрадныи и скаредныи рѣчи, и блудныи, срамословие и смѣхотворение, и всякое глумление, или гусли, и всякое гудение, и плясание, и плескание и скотькатание, и всякие игры, и пѣсни бѣсовские, тогда якож дымъ отгонитъ пчелы, також отъидутъ Аггели Божии отъ тоя трапезы и смрадныя бесѣды [выделено мною. — А. Щ.], и возрадуются бѣси и приидутъ и волю свою улучивъ, и вся угодная творится имъ» (Дм., с. 22)¹. В. В. Колесов в своем комментарии к изданию памятника (Дм., с. 367) называет используемый в сравнении образ «якож дымъ отгонитъ пчелы» обычным образом средневековой литературы, развивающимся в словесных заменах и перифразах; в качестве одной из параллелей к нему В. В. Колесов приводит выражение «акы дыму рои подвигышю» из древнейшего славянского перевода гомилий Григория Бо-

гослова, находящегося в рукописном сборнике 13 Слов Григория Богослова XI в. (Сб. Гр. Богосл.).

Действительно, этот образ встречается в различных контекстах в целом ряде оригинальных и переводных памятников славянской и русской средневековой книжности, например в «Молении» Даниила Заточника: «А обрѣтеши, господине, безумна, и ты тѣх бѣгаи, *аки пчела дыму*, и наука его не слушаи» (ЛФМ, с. 63, 165). В указанном В. В. Колесовым переводе Слова Григория Богослова на погребение св. Василия Великого выражение «аки дыму рои подвигъшю», являющееся дословным переводом греческого «καπνοῦ σμήνος κινήσαντος» (PG, t. 36, p. 569) (с частой в славянских переводных текстах передачей греческого оборота *genetivus absolutus* дательным самостоятельным), используется в описании конкретных исторических событий — волнений среди жителей Кесарии Каппадокийской: «гражданѣ же тако очютиша зѣлок: и бѣдѣхъ вьсѣхъ: бѣдѣхъ бо своѣхъ кождо мьнаше: тѣх оукоризнѣхъ: разгнѣваша сѧ вьси и разгорѣша: и аки *дымоу рои подвигъшю*: инѣ на ино вѣста: и подвиже сѧ народѣхъ вьсѣ» (Сл. Гр. Богосл., л. 70 об.–71), ср. греческий текст: «Ἡ δὲ πόλις, ὡς ἦσθετο τοῦ κακοῦ, καὶ τοῦ κοινοῦ πάντων κινδύνου (κίνδυνον γὰρ ἕκαστος ἑαυτοῦ τὴν ὕβριν ταύτην ἐνόμιζεν), ἐκμαίνεται πᾶσα καὶ ἀνάπτεται· καὶ ὡς *καπνοῦ σμήνος κινήσαντος*, ἄλλος ἐπ' ἄλλῳ διεγείρεται καὶ ἀνίσταται, γένος ἅπαν, καὶ ἡλικία πᾶσα» (PG, t. 36, p. 569).

Можно указать также ряд текстов, в которых имеется не только образ, но и предмет сравнения, сходный с тем, о чем идет речь в «Домострое». Здесь прежде всего следует назвать памятник, хронологически несколько более поздний, чем «Домострой», но близкий ему по тематике, а именно «Стоглав». В 52-й главе «Стоглава», направленной против пьянства, говорится: «И Великий Василий гл(агол)еть: *Яко дымъ прогонитъ пчелы*, тако и пианство С(вя)т(а)го Д(у)ха прогонити» (Стогл., с. 339). Приведенный отрывок является несколько перефразированной цитатой из первого Слова о посте св. Василия Великого, где резко порицается пьянство: «Μέθη Κύριον οὐχ ὑποδέχεται· μέθη Πνεῦμα ἅγιον ἀποδιώκει. Καπνὸς μὲν γὰρ ἀποδιώκει μελίσσας, χαρίσματα δὲ πνευματικὰ ἀποδιώκει κραιπλά» (PG, t. 31, p. 184), русский перевод: «Пьянство не дает места Господу; пьянство отгоняет Духа Святого. Дым гонит прочь пчел, а неумеренное винопитие отгоняет духовные дарования»². Южнославянский по происхождению перевод этого Слова, получивший с XIV в. распространение в русских рукописях, где он часто встречается в составе сборников постнических сочинений Василия Великого³, а также в сборниках смешанного состава, сохраняет синтаксическую структуру греческого оригинала — по-

строение по принципу антитезы, части которой соединяются при помощи частиц *мѣν...*, *дѣ...* (риторический прием, очень часто употреблявшийся Василием Великим⁴), которым в славянском тексте соответствуют *убо...*, *же...*: «**пьяньство га не поѣмлетъ дха стго ѿгонить. дымъ оубо прогони пчелы. дарованна же дхвнаѧ ѿгоняетъ пресыщениѧ**» (Постничество, л. 31 об.)⁵. Это же построение фразы сохраняется и в списке гомилии, содержащем значительные лексические отличия⁶: «**пьяньство га не подѣмлетъ. пьяньство стго дха ѿгонить. дымъ оубо прогонитъ пчелы. дарованна же дхвнаѧ ѿгонитъ шюмъ**» (Сб. поуч., л. 169–169 об.). В то же время в «Стоглаве» с помощью союзов *яко...*, *тако...* фраза преобразовывается в сравнение; при этом предметом сравнения становится синтагма, которая в оригинальном тексте предшествует образу.

Можно предположить, что в «Домострое» нашло отражение дальнейшее развитие этого сравнения, связанное с появлением мотива отхода ангелов от пьяного человека и прихода к нему бесов. Этот мотив часто встречается в древнерусских поучениях против пьянства, в том числе и в текстах, надписанных именем Василия Великого. Так, в находящемся в сборнике «Златая Цепь» XIV в. «Слове святого отца Василия о посте», славянском компилятивном сочинении, при составлении которого наряду с другими текстами были использованы отрывки из первого и второго Слов Василия Великого о посте⁷, говорится: «**ѿ пьянаго бо не приемлетъ бѣ никакоѧ мѣтвы. дхъ стгыи ненавиditъ пьяньства. и англь хранитель бежи**» (Зл. Цепь, л. 91). Представлен этот мотив и в другом компилятивном поучении, имеющем в заглавии имя Василия Великого, — «Слове святого великого Василия о том, како подобает въздрѣжати от пьяньства»⁸ из Дубенского сборника XVI в.: «**егда испью ѿ чашѣ, еже есть вгпрогнѣвател'на. дха стго вскорвител'на. англь ѿгонител'на. бѣсовъ възвеселител'на. аныгль же ѿшѣшѣ ѿ коожѣ человека. а бѣсѣ приближ'шѣ сѧ. и начнѣт бѣси свои потребы вносити**» (Дубенск. сб., л. 323 об.). В последнем примере текст по содержанию очень близок приведенному в начале статьи отрывку из «Домостроя», и нельзя исключать того, что как раз под влиянием подобного произведения учительской литературы в «Домострое» произошло дальнейшее преобразование исходного текста Василия Великого.

Можно предположить, что именно указанный отрывок из первого Слова о посте Василия Великого лежит в основе рассматриваемого сравнения в «Домострое». Идеиное влияние на «Домострой» Постнических Слов Василия Великого было отмечено уже одним из первых исследователей памятника И. С. Некрасовым⁹. Но, как показывают приведенные примеры,

ни в «Домострое», ни в «Стоглаве», ни в цитированных поучениях против пьянства исходный текст Василия Великого не заимствовался механически, а творчески перерабатывался, дополнялся новыми деталями. Вероятно, такая переработка производилась не только для того, чтобы сделать текст более понятным, но имела своей целью также усиление эмоционального воздействия на читателя.

Источники

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

Дубенск. сб. — Номоканон (Дубенский сборник), XVI в. РНБ. Собрание Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 129.

Зл. Цепь — Златая Цепь, XIV в. РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. № 11 (по фотокопии, находящейся на сайте www.stsl.ru).

ЛФМ — Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / Отв. ред. Е. М. Иссерлин. Л., 1981.

Постничество — Сборник сочинений Василия Великого о постничестве, конец XIV в. РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф.п.1.40.

Сб. поуч. — Сборник поучений, 1-я четверть XV в. РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 116/241.

Сл. Гр. Богосл. — Сборник 13 Слов Григория Богослова, XI в. РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п.1.16.

Стоглав — Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.

PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. T. 31. Parisiis, 1857; T. 36. 1858.

Примечания

¹ Цитируется первая редакция «Домостроя» по изданию, подготовленному В. В. Колесовым и В. В. Рождественской (Дм., с. 5–87). Соответствующий текст второй, «сильвестровской» редакции «Домостроя» имеет незначительные отличия, несущественные для рассматриваемого нами фрагмента (Дм., с. 93).

² Цит. по: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 4. М., 1993 (репринт издания: М., 1846).

³ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 15.

⁴ См.: Hengsberg G. De ornatu rhetorico, quem Basilius Magnus in diversis homiliarum generibus adhibuit: Dissertatio inauguralis. Bonnæ, 1957. P. 26–28.

⁵ То же чтение находится и в ряде других списков славянского перевода первого Слова о посте, например, в рукописях «Постничества» Василия Великого: РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры № 129 (л. 196 об.) и № 130 (л. 308–308 об.).

⁶ Об этом варианте гомилии см.: Сергеев А. Г. Наблюдения над сборником гомилий РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 116/241 // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 114–116.

⁷ Публикацию текста см.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. М., 1913. С. 290–292.

⁸ Публикацию текста см.: Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Вып. 2. Ч. 41–80. СПб., 1876. С. 321–326. Об источниках компиляции см.: Калиновская В. Н. К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература: Источниковедение: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 57–58.

⁹ Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя // Чтения ОИДР. 1872. Кн. 3. Отд. I. С. 126.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург).

ГАПО — Государственный архив Псковской области (Псков).

ИЛИ — Институт лингвистических исследований (С.-Петербург).

ИРЯ — Институт русского языка (Москва).

ОИДР — Общество истории и древностей российских.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Петербургской АН.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГПУ — Российский государственный педагогический университет (С.-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Белявская Е. И., Титова Н. В. (<i>Институт лингвистических исследований РАН</i>) Двуязычная эмпирическая база данных — основа для «Словаря естествен- нонаучных текстов М. В. Ломоносова».....	4
Благова Н. Г. (<i>Мурманский государственный педагогический университет</i>) Наименования жителей Кольского уезда в грамотах XVI–XVIII веков	9
Волков С. Св. (<i>Институт лингвистических исследований РАН</i>) О слове <i>давление</i> в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова	14
Генералова Е. В. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>) Композиты с элементами <i>больше-, велико-, высоко-</i> в обиходном русском языке XVI–XVII вв.....	23
Зиновьева Е. И. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>) Ум сквозь призму фразеологических единиц обиходного языка Московской Руси.....	31
Карамышева Л. М. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>) Деловые формулы со словом <i>ловля</i> в памятниках письменности XIV — на- чала XVII века	38
Кириллов Ю. В. (<i>Псковский государственный педагогический университет</i>) К тематической организации лексики в таможенных книгах (О наименова- ниях человека на материале великолукских таможенных книг XVII века).....	45
Ковалых Е. В. (<i>Псковский государственный педагогический университет</i>) О неизученной хозяйственной книге XVII века Псково-Печерского мона- стыря.....	55
Колесова И. Е. (<i>Вологодский государственный педагогический университет</i>) Функциональная и семантическая дивергенция лексического состава исто- рического корневого гнезда глагола <i>лить</i> в истории русского языка.....	60
Костючук Л. Я. (<i>Псковский государственный педагогический университет</i>) О лексическом составе древнего воинского артикула (Продолжение разго- вора о псковском памятнике).....	65

Николаева Н. Г. (<i>Казанский государственный университет</i>) Субстантивная словообразовательная синонимия в славянском переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина и ее значение для исторической лексико- логии.....	71
Приемышева М. Н. (<i>Институт лингвистических исследований РАН</i>) Церковнославянский язык в русских социальных диалектах XIX века.....	77
Смирнова Г. Ю. (<i>Северо-Западная академия государственной службы</i>) Лексико-семантические изменения в лингвосфере псовой охоты	81
Фельде О. В. (<i>Красноярский государственный педагогический университет</i>) Историческое терминоведение и историческая лексикология русского язы- ка как автономные отрасли русистики	90
Щекин А. С. (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>) Славянские и византийские параллели к одному сравнению в Домострое.....	97
Принятые сокращения	102

Научное издание

**РУССКОЕ СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
(XIV–XIX вв.)**

Выпуск 3

*Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография»
XXXVI Международной филологической конференции*

Издание осуществлено с оригинала-макета,
подготовленного по заказу ИЛИ РАН.
Лицензия ИД № 02980 от 6.10.2001.

Оригинал-макет *О. Косенко*
Оригинал-макет обложки *М. Антониевич*

Подписано к печати 31.01.2008. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 6,50. Тираж 200 экз. Заказ № .